

Владимир
ДАНИХНОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

18+

Новый роман финалиста премий
«Большая книга» и «Дебют»

Роман из современной жизни — жизни, состоящей как бы исключительно из будничного, повседневного, но повседневность эта включает в себя и криминальную составную, как почти органичную свою часть. Проза социально-психологическая и, скажем так, «социопатологическая», жанр ее следовало бы, наверно, определить как триллер (нуаровский), если бы не его стилистика (то есть способ автора видеть мир), заставляющая вспомнить прозу Андрея Платонова; при этом автор остается самим собой.

Журнал «Новый мир»

Владимир Данихнов

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

роман

**«АСТ»
Москва**

КНИМА

**«Книма»
Москва**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

*Автор фотографии на обложке Р.
Издано при участии Эрика Брегиса www.bregis.com*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Данихнов, Владимир Борисович
Д18 Колыбельная [роман] / Владимир Данихнов. — Москва:
Книма, АСТ, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-17-083956-8

Действие книги происходит в безымянном южном городе, «Южной столице», как называет ее сам автор. Город потрясло появление жестокого серийного убийцы, которого в сети уже успели прозвать Молнией: за один месяц он похитил и убил несколько детей, и у следствия нет ни единой зацепки. Чтобы расследовать это дело, в город из С.-Петербурга приезжает известный сыщик.

Множество судеб, сон и явь переплетутся в этой странной книге, полной мрачных теней и отменного черного юмора.

Новая книга от автора романа «Девочка и мертвецы».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-083956-8
ISBN 978-985-18-3178-0
(ООО «Харвест»)

© Данихнов В. Б., 2014
© ИП Бреге Е.В., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014
© Оформление, Брегис Э., 2014

Ко мне подошла очень бледная Шарлотта
и спросила:

— Кто убит?

Микки Спиллейн «Я сам вершу свой суд»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕНЬШОВ

Глава первая

Меньшов работал на предприятии, которое находилось в старом сером здании с пыльными окнами. Летом крыша этого здания нагревалась, как печка, осенью протекала, зимой обрастала снегом и сосульками, а весной снова протекала. Никто не собирался ее чинить. В горшочках на подоконниках росли кактусы: считалось, что они поглощают вредные излучения. Меньшов во время рабочего дня частенько забирался на крышу, чтоб с высоты посмотреть на город. Смотреть, впрочем, было не на что: хрущевки, сталинки и новостройки пялились на Меньшова подслеповатыми окнами, скучные птицы занимались своими скучными делами, а солнце, изнемогая, ползло по выгоревшему небу. Меньшов курил сигарету за сигаретой, чтоб забыть о тоске. В октябре заряжали дожди. Лужи цвета стали лежали на разбитом асфальте, как напоминание о грядущих холодах; по тротуарам брели хмурые прохожие с черными зонтами в руках. Меньшов, чтоб не отличаться, тоже доставал свой черный зонт и плелся на работу, уставившись под ноги как все. Пару раз он пытался выделиться, надев что-нибудь яркое, вызывающее, но на него не

обращали внимания, и ему становилось грустно; на следующий день он облачался в свою повседневную одежду. Первый снег выпадал не раньше декабря, почти сразу таял, и тротуары покрывались бурой кашцей. У обочин скапливались ноздреватые холмы из снега и грязи, похожие на чудовищные муравейники. Деревья стояли голые, ветер срывал провода.

На работе Меньшов большую часть времени проводил в своем кабинете за письменным столом. Иногда ему приносили бумаги: он их бегло просматривал. Там были одинаковые черные цифры и черные буквы; они никогда не менялись, только прыгали с места на место. Меньшов ставил необходимую подпись, скреплял печатью, которую хранил в специальной картонной коробочке, и отдавал бумаги девушке по имени Людочка. Людочка уносила документы наверх. Лицо у Людочки было каменное. На вопросы она отвечала односложно (если вообще отвечала), потому что жила с мужем, который не любил разговаривать, и сыном, который пошел в отца и свободное время проводил дома за компьютером. Меньшов когда-то хотел завести семью, но вдохновленный примером Людочки передумал.

Незадолго до Нового года Меньшов покупал шампанское и живую елку, всякий раз надеясь, что его посетит новогоднее настроение, о котором он много раз слышал в новостях. Было скучно наряжать елку в одиночестве, и он старался поскорее закончить с этим безотрадным занятием. Приготовив салат оливье, он гасил свет и садился в кресло перед телевизором. В бокале пузырилось шампанское. На елке мигали разноцветные огни. По телевизору

шли новогодние передачи. Меньшову казалось, что ведущие этих передач прилетели с другой планеты: они были ненормально веселые среди общей тоски. Меньшов выключал телевизор, сидел в темноте и слушал, как январский дождь колотит по стеклам. Он размышлял о чем-нибудь отвлеченном или совсем ни о чем. Утром просыпался с тяжелой головой. Доедал салат. Выливал выдохшееся шампанское в раковину. Так он встречал каждый год: сначала в смутных надеждах, потом в пустоте несбывшихся мечтаний. Пробовал читать книги, но у персонажей этих книг была слишком насыщенная жизнь: Меньшов не встречал таких в реальной жизни. А от книг с реалистичными героями ему становилось тошно. Он предпочитал бесцельно валяться на диване, уставившись в потолок, и размышлять, как живут соседи сверху: может, каждый день играют в настольные игры и устраивают посиделки? На самом деле у соседей была такая же скучная жизнь, как и у него, и черно-белая кошка, которая целыми днями спала и просыпалась только чтоб попить, поесть и снова уснуть.

У Меньшова был друг по фамилии Чуркин. Они работали на одном предприятии; правда, в разных отделах. Чуркин любил пиво. Кроме того, он любил рассказывать грустные истории из своей жизни. После работы друзья заходили в бар, где в духоте помещения выпивали. После пары кружек, выпитых в гробовой тишине, Чуркин начинал говорить монотонным голосом. В его историях не было ничего особенного, всегда одно и то же: как он родился, как вырос, как сидел за партой, ощущая бессмысленность бытия, а потом, полный необъяснимых

надежд, поступил в институт, но и там ничего не изменилось; тогда он забросил учебу и пристрастился к пиву, которое не могло унять его тоску, но хотя бы приглушало восприятие бесплодного мира. У Чуркина был серебряный портсигар, который перешел к нему от деда-фронтовика. Чуркин поведал Меньшову, что дед добыл бесценный артефакт на Великой Отечественной войне. Меньшов не интересовался историей портсигара, как впрочем, и остальными историями Чуркина, но, чтоб не обидеть друга, спросил, как именно это случилось. Чуркин медленно облизал губы, испачканные в пивной пене. Ему не хотелось лишний раз болтать о портсигаре, но он не смог отказать Меньшову и приступил к рассказу.

История началась с того, что Егор Лукич, дед Чуркина, сидит в окопе и пьет водку с каким-то сержантом, а над их головами свистят пули. У сержанта погибла вся семья под Киевом, и он не знает, зачем ему дальше жить. Жена незадолго до войны подарила ему портсигар, потому что сержант никогда не унывал и любил курить. Но вот началась война, жена и сын погибли, и сержант впервые в жизни чувствует уныние; да и курить ему больше не хочется. Он пьет, не обращая внимания на взорвавшийся неподалеку снаряд, и молчит, а Егор Лукич, выпив сто грамм, затевает удалую песню. Сержант смотрит на него и думает: вот настоящий человек, не унывает даже во время страшной войны; значит, портсигар теперь по праву принадлежит ему. Подумав так, сержант дарит портсигар Егору Лукичу. Что касается Егора Лукича, то он пел вовсе не потому, что не унывал, а потому, что

кроме этого ничего не умел. Более того, за всю войну он не убил ни одного нациста, потому что от страха за свою жизнь не мог крепко держать винтовку. Он хотел выкинуть портсигар — обладание им приносило ему страдание, — но сержант вскоре погиб под гусеницами фашистского танка, и Егору Лукичу стало жаль серебряной безделушки: все-таки память о человеке, имени которого он не знал, а лица не запомнил. По окончании войны Егор Лукич вернулся в родной город к жене. Жена родила ему сына. Когда сын вырос, Егор Лукич подошел к нему и протянул на ладони портсигар. «Зачем мне это?» — тихо спросил отец Чуркина, которого звали Иван Егорыч. Егор Лукич пожал плечами. Он работал на стройке и вскоре умер, раздавленный балкой, а Ивана Егорыча отправили работать на север, за полярный круг. Иван Егорыч надеялся, что подарок отца сыграет важную роль в его жизни, но портсигар бесцельно провалялся в кармане, никак не отразившись в серых буднях полярной экспедиции. Вернувшись домой, Иван Егорыч женился на некрасивой женщине, которая хорошо готовила борщ. Нельзя сказать, что Иван Егорыч любил борщ. Он вообще не любил есть и ел только для поддержания достаточных сил в организме. Когда родился Чуркин, Иван Егорыч, томимый подспудным чувством утраты чего-то важного, отбыл в неизвестном направлении, но перед этим оставил Чуркину портсигар. Мать Чуркина тосковала об исчезнувшем супруге, но не сильнее, чем тосковала при нем, мечтая о дальних странствиях, о которых читала в приключенческих романах Жюль Верна. Чуркин рос угрюмым, но послушным мальчиком;

он безропотно таскал портсигар в кармане. Учителя подозревали, что Чуркин курит, и хотели отобрать дорогую вещицу. Однако Чуркин никому не давал семейную реликвию — даже подержать. Он надеялся, что когда-нибудь отец вернется и попросит свой портсигар обратно. Мечтая о возвращении отца, Чуркин садился у окна, где посветлее, и подолгу разглядывал царапины на крышке портсигара, гадая, откуда они появились: может, отец таскал вместе с портсигаром в кармане ключи и монетки, а может, ничего не таскал, может, эти царапины были всегда и всегда будут.

Услышав эту историю, Меньшов, хоть и не поверил ни единому слову, тоже захотел что-нибудь рассказать. Вообще-то он не собирался ничего рассказывать, но побоялся, что Чуркин обидится, если он не расскажет что-нибудь в ответ. В голове роились куцые воспоминания о мелких проступках, за которые его наказывали в детстве. В них не было ничего достойного рассказа, и Меньшов, сам не зная зачем, начал выдумывать. Он чувствовал, как лживо звучат его слова, и понимал, что Чуркин видит его ложь насквозь, но ничего не мог с собой поделать и врал напрапалую. Чуркин же догадывался, что Меньшов врет. Ему было скучно слушать кое-как выдуманную ерунду. Но и подлинную историю из жизни Меньшова ему было бы слушать не менее скучно. Поэтому он кивал, притворяясь, что слова Меньшова задевают его за живое. А Меньшов, стгорая от стыда за свои фантазии, продолжал сочинять. Вскоре он запутался. Попробовал вывести мораль, не смог и увидел, что Чуркин спит. Меньшов замолчал. Чуркин проснулся и тоже ничего не сказал. Так

они и просидели в тишине до закрытия бара. В час ночи охранник пошел выгонять припозднившихся посетителей, но за день он слишком устал, поэтому сел за стол, чтоб перевести дух, и уснул, опустив тяжелую голову на дрожащие от напряжения руки. Чуркин с Меньшовым допили пиво и ушли сами.

Подобие радости Меньшов испытывал в день зарплаты. Ему казалось, что деньги внесут разнообразие в унылое течение его жизни. Но радость быстро рассеивалась, когда деньги оказывались в бумажнике. Они ненужным грузом оттягивали карман: Меньшов не знал, на что их потратить. В иные дни он сторал от стыда, потому что считал, что зарабатывает слишком много, в то время как в глухой провинции дети умирают от тяжелых болезней и голода. Он покупал в супермаркете еду и шел домой гуглить адрес провинциального детдома, чтоб отправить туда купленные по скидке продукты. Однако по дороге ему становилось скучно рыться в Интернете. К тому же он полагал, что еда всё равно не дойдет до несчастных детей, а осядет в желудках жадных воспитателей. Придя домой, Меньшов неторопливо размещал продукты в холодильнике, представляя, как кто-то высший, может бог, рассовывает дни его жизни в своем роскошном небесном холодильнике. О детдоме он больше не думал.

Однажды у Меньшова скопилось столько денег, что хватало на хорошую машину. Меньшов хотел колесить по стране: он желал убедиться, что всюду царят пыль и забвение. Возможно, это знание примирило бы его с вечной скукой. Но, прежде чем купить машину, следовало пройти курсы водителей

и получить права. Курсы находились прямо напротив дома Меньшова. На этих курсах работала женщина с печальными глазами, соседка Меньшова по этажу. Она всегда вежливо здоровалась с Меньшовым, сталкиваясь с ним возле лифта, и всякий раз заводила скучный разговор об очередном подорожании на рынке, а по субботам угощала Меньшова пирожками с капустой, которые сама жарила в свободное от тоски время. Меньшов боялся, что женщина неравнодушна к нему, и если он пойдет на курсы, между ними возникнет связь, которая со временем приведет к браку. Нельзя сказать, что Меньшов дорожил своей холостяцкой свободой, но его тяготил тот факт, что придется рассылать приглашения на свадьбу, арендовать ресторан, смотреть, как дружок пьет водку из туфли, целовать невесту в губы, дрожащие от счастья и ужаса перед первой брачной ночью, а затем половину ночи проверять, кто и сколько подарил денег в бумажных конвертах. Все эти мелочи, которыми он не хотел заниматься, убивали в нем всякое желание идти на курсы водителей. Впрочем, особого желания всё равно не было. В конце концов Меньшов стал откладывать деньги на новую квартиру, а потом и вовсе перестал их откладывать.

Глава вторая

В июле Чуркин попросил Меньшова помочь с похоронами матери. Мать Чуркина, едва сын повзрослел, уехала жить в деревню, чтоб на свежем воздухе доить коров и сеять хлеб. Ничего этого она делать

не умела, а учиться не захотела и несколько лет прожила в одиночестве в разваливающейся избушке на краю деревни, едва передвигая ногами от голода и несчастий. Деревенские считали мать Чуркина гадалкой, хотя она никогда никому не гадала и вообще не притрагивалась к картам. Доярка по вечерам приносила ей краюху хлеба и кружку свежего молока. Мать Чуркина отламывала кусок хлеба, делала глоток молока и без сил валилась на кровать, не понимая, что она делает в этом страшном месте. Однажды она легла мимо кровати и ударилась затылком об пол. Из носа у нее потекла кровь, и через несколько дней она умерла. Чуркин, когда узнал об этом событии, пошел на кухню и заварил себе чаю. Он долго сидел перед остывающей кружкой, уставившись в одну точку и размышляя, сколько предстоит забот в связи с похоронами. Ему не хотелось тащить с собой в деревню Меньшова, но он испугался, что если увидит мертвое тело матери, то от груза предстоящих забот повесится; Меньшова же Чуркин воспринимал как шута, который поднимет ему настроение своими нелепыми выдумками даже в самой жуткой ситуации. Обычно Чуркин скучал от меньшовских небылиц, но теперь ему показалось, что они — то единственное, что не дает ему сойти с ума. Поэтому он пригласил друга с собой.

Меньшов ехать не хотел, но прямо отказать не мог. Он решил придумать хороший повод отказаться от поездки: такой, чтоб Чуркин не обиделся. Днем на работе ему в голову ничего не пришло, а вечер он провел у телевизора, не желая тратить свободное время на придумывание дурацкого повода. На следующее утро он встал пораньше, побрился,

собрал вещи в рюкзак и отправился на вокзал. Чуркин втайне надеялся, что Меньшов не поедет, и был сильно разочарован, когда встретил друга возле билетной кассы.

Ехали долго. Медленный поезд печально тащился по унылой, обожженной на солнце местности. Мимо проносились тополя, клены, акации, березы, ивы, дубы и телеграфные столбы. В задушенном пылью солнечном свете кренились заборы, конвульсивно извивались русла высохших рек. Чуркин резал колбасу, а Меньшов смотрел в окно. В купе оказался третий сосед по имени Иван: простой русский мужик с крупными чертами лица. Он боялся нечаянным словом нарушить беседу Меньшова с Чуркиным, и хоть те всю дорогу молчали, Иван молчал тоже. Он сидел на полке, сложив массивные руки на коленях, и ждал, когда к нему обратятся. Тогда можно начать обстоятельный разговор. Ему было что сказать, потому что он многое повидал на веку. Но Чуркин с Меньшовым не обращались. Чуркин резал сыр, а Меньшов пил водку. Меньшов считал пьянку в поезде постыдным занятием, но всё равно пил и закусывал колбасой, потому что больше заняться было нечем. Колбаса была невкусная. Впрочем, Меньшов вообще не любил колбасу: он ел ее, чтоб не обидеть друга, который старательно готовил закуску; кроме того, иной закуски в купе не оказалось. Впрочем, был сыр — но сыр Меньшов любил еще меньше колбасы. Что касается Чуркина, то он резал колбасу и сыр не потому, что хотел порадовать друга закуской, а потому что боялся, что если ничего не делать, то придется разговаривать. А разговаривать он не желал. Все его мысли были

о том, как бы случайно чего-нибудь не сказать и не завязать беседу. Иван, не переносивший тишины, тактично кашлянул. Чуркин с Меньшовым притворились, что не слышат его покашливания. Меньшов закрыл глаза, чтоб выглядеть спящим; кусок недоеденной колбасы вывалился у него изо рта и упал на живот. А у вас колбаса на животе, хотел сказать Иван, но постеснялся обидеть Меньшова неловким замечанием и ничего не сказал. Чуркин порезал всю колбасу и весь сыр и, не найдя другого занятия, начал аккуратно складывать продукты питания в шуршащий розовый пакет.

Поезд остановился на станции провинциального города. Сквозь потрескавшийся бурый асфальт пробивалась квелая трава. Штукатурка со стен облетела. Часы на здании станции стояли. Мертвая кошка лежала на щебенке рядом с мертвым голубем. В вагон, пошатываясь, вошла тощая женщина в очках, с баулом в бледных руках. Ее место оказалось в купе Меньшова и Чуркина. Женщину звали Таня. Иван забрал у Тани баул и поместил его на багажную полку. Таня замерла, как будто от страха перед этим русским великаном, но на самом деле она давно не испытывала ни страха, ни других чувств, а замерла по привычке, выработанной в молодые годы, когда Таня, наслушавшись матери, всерьез опасалась, что ее изнасилуют. Иван ободряюще улыбнулся молодой женщине. Таня села на краешек полки. В вагоне было душно, хотелось пить, но для этого придется просить Ивана достать с полки баул, в котором лежит бутылка минеральной воды. Таня боялась, что Иван в ответ на ее скромную просьбу даст волю гневу и набросится на нее. Она не

особенно страшилась изнасилования, но опасалась, что, если Иван сорвет с нее юбку, все увидят, что у нее на трусах сбоку дырочка. Таня корила себя за то, что не заштопала эту дырочку перед поездкой. Иван смотрел на Таню с нежностью, потому что решил, что она скромная сельская учительница. Его мама была учительницей, и он уважал тяжелый труд учителей. Он хотел приободрить Таню, но опасался, что его скромного словарного запаса не хватит, чтоб найти отклик в сердце интеллигентной женщины. Таня, видя, что Иван пристально на нее смотрит, забилась в угол. Она молила бога о снисхождении или хотя бы о том, чтоб никто не заметил дефекта в ее трусах. Вскоре она уснула. Во сне она переходила дорогу и упала в пропасть, из стен которой росли щупальца. Щупальца касались ее обнаженной кожи своими присосками. Иван укрыл Танины ноги краешком одеяла. Ему стало тепло на сердце, потому что сельская учительница отдыхала от забот. Он решил, что ей снится весеннее поле, влажное от утренней росы, или что-нибудь другое, не менее приятное. Про себя он называл Таню фиалочкой, хотя Таня совсем не походила на фиалку. Просто Иван всех женщин, которые ему нравились, звал фиалочками.

Колеса стучали. Чуркин закончил складывать колбасу и сыр в пакет и застыл, не зная, чем заняться. Он увидел колбасу на животе у Меньшова и решил, что Меньшов нарочно положил ее на живот, чтоб рассмешить его. С грустью размышлял он, что его дед в голодное время мог убить за колбасу, а Меньшов, не думая о чувствах других людей, использует сырокопченый продукт ради юмора.

Чуркину захотелось учинить скандал, но скандал мог привести к тому, что Меньшов откажется помогать с похоронами. Поэтому Чуркин смолчал. Впрочем, он бы всё равно ничего не сказал, потому что берег голосовые связки для будущих бесед. Он надеялся, что в будущем ему предстоит по-настоящему важные разговоры с разумными людьми, а не с этим быдлом, которое его окружает. Поэтому он притворился, что не видит колбасы, и устался в пол.

Меньшов не спал; рука у него затекла, но он боялся пошевелиться: тогда в купе поймут, что он только притворяется спящим. Поэтому Меньшов лежал тихо и вскоре уснул по-настоящему. Колбаса упала с живота на пол. Иван хотел поднять ее, чтоб накормить какую-нибудь дворнягу, но испугался, что соседи решат, будто он берет колбасу для себя, и передумал поднимать.

Что касается Тани, то она продолжала лететь в пропасть в своем сне.

Глава третья

Ветер прижимал хворые травинки к земле. На холме за оврагом покачивались березки. Солнце беззвучно жарило в вышине. На лугу паслись коровы, кожа да кости, в овраге зарастал бурьяном ржавый трактор. Ворона тоскливо глядела на окружающий мир с кабины трактора. Несчастливая птица попыталась взлететь в последний раз, но силы оставили ее, и она камнем рухнула вниз, в сухие и ломкие заросли. Муравей заполз вороне на глаз, но ей было слишком лениво двигаться, чтоб согнать муравья,

и она лежала неподвижно, сохраняя тлеющие угольки жизни внутри своего исхудавшего пернатого тела. Работяги-муравьи штурмовали ворону со всех сторон и вскоре полностью ее облепили.

На станции их никто не встретил, но Чуркин сказал, что знает дорогу. Они спустились по заросшему ромашками склону и углубились в заливные луга. Меньшов не любил сельские просторы, потому что ощущал себя ничтожной букашкой среди огромных пространств. Город он тоже не любил, даже сильнее села, но, находясь в сельской местности, тосковал по многоквартирным домам южной столицы; впрочем, не особо и тосковал. Он хотел рассказать о своих противоречивых чувствах другу, но испугался, что тот в силу душевной черствости не поймет его. Поэтому он стал жаловаться на больные ноги. У Чуркина напряглась спина: он злился.

— Я устал, — говорил Меньшов. — У меня болят ноги.

— Скоро придем, — отвечал Чуркин.

— Но у меня болят ноги, — давил Меньшов. — Я не могу идти.

— Я же иду, — ворчал Чуркин.

— Ты-то идешь! — огорчался Меньшов.

Чуркин тоже устал, но ему не нравилось, что предложение сделать привал исходит от Меньшова. Только он соберется сказать «Ладно, давай отдохнем, Меньшов», как Меньшов начинает ныть о своей усталости и Чуркину приходится отказывать ему в отдыхе. Так повторялось несколько раз. Чуркин вскоре сбил пятки в своих неудобных сандалиях. А Меньшов, будучи в кроссовках, шагал весело и быстро. Справа за камышами шумела река; пахло

тиной, квакали лягушки. Меньшов мечтал о рыбалке: сидишь на берегу и удишь, а мир вокруг застыл в грустном оцепенении.

— Хорошо бы порыбачить! — сказал он.

— Что ж в этом хорошего? — со злостью спросил Чуркин.

Меньшов понял, что Чуркин злится, и решил развить опасную тему, чтоб подначить его.

— Поймаю много рыбы, ухи сварю, — сказал он.

Чуркин нахмурился:

— Я поймаю больше рыбы, чем ты.

— А у тебя удочка есть?

Чуркин не знал, что ответить. Он решил, что Меньшов намекает, что Чуркин беден и не в состоянии позволить себе удочку. Дело в том, что Меньшов работал на предприятии меньше Чуркина, но по своему положению поднялся выше и получал больше. Чуркин же, будучи малообразованным, оставался простым монтажником: паял модули и дышал вредными испарениями, лакируя в подвале делители, в то самое время как Меньшов смотрел в окно, чесал затылок и подписывал бумаги, сидя за письменным столом в удобном кожаном кресле. Обычно они не касались этой темы, но Чуркин последние три года со смиреньем ждал дня, когда социальное неравенство все-таки разрушит их дружбу. И вот этот день настал. Чуркин хотел предотвратить катастрофу, но почувствовал себя удрученным и не сказал ни слова. Меньшов же примерно понимал, что творится в душе у Чуркина, и зевал от скуки. Чуркин сел на трухлявый пенек и уставился на реку. Меньшов вытащил из рюкзака шоколадный батончик. Батончик размяк от жары, и Меньшов, подержав батончик

в потной руке, сунул его обратно в рюкзак. Чуркин наклонился поглядеть, что это блестит у него под ногами, но не увидел ничего кроме запекшейся грязи. Меньшов хотел спросить у Чуркина, далеко ли еще до деревни, но промолчал. Казалось, наступило безвременье. От теплого воздуха, напоенного ароматами луговых трав, кружилась голова. «Зачем куда-то идти, когда можно сидеть на берегу и никуда не идти?» — подумал Меньшов, потягиваясь. Чуркин теребил пальцами ремешок наручных часов. Он сунул руку в карман и нащупал портсигар. Ему показалось, что он должен ощутить связь поколений, но — не ощутил. Портсигар нагрелся, рука в кармане вспотела. Меньшов снял кроссовки и намочил босые ноги в реке. Вода казалась невесомой. Интересно, сколько здесь рыбы, подумал Меньшов. Про себя он решил, что рыбу легче купить в супермаркете. Чуркин от скуки выдирает волоски из ноздрей. Острая боль, которую испытываешь, когда выдираешь волосок, раньше приносила ему странное удовольствие. Но со временем удовольствие превратилось в привычку. Меньшов надел кроссовки и спросил, не пора ли идти. Чуркин прикинулся, что не слышит. Меньшов сел на корточки и закрыл глаза, чувствуя, как солнце нагревает веки. Чуркин покосился на Меньшова. Из кустов за ними следил молодой человек по фамилии Танич. Это был маньяк, орудовавший в лесополосе. Он убивал детей из жалости, чтоб они не испытали в будущем кошмары взрослой жизни. Кроме того, ему нравился звук, с которым он вынимал из мертвых детских тел внутренние органы. Детскую печенку он любил в жареном виде, с золотистым лучком и картошечкой,

запивал ее соленым томатным соком, а свежий хлебшек покупал в пекарне, в которой работала его невеста, румяная девушка по имени Настя. Настя после работы оставляла для своего любимого самую лучшую буханку — с воздушным мякишем и хрустящей корочкой. О том, что Танич — маньяк, Настя не знала, хотя нередко читала в газете, что в области без вести пропал очередной ребенок. Дрожа от страха, она заключала Танича в объятия и грозила, что, когда у них родится маленький, она не отпустит ребеночка от себя ни на шаг. Танич радовался Настиной наивности и гладил ее по русой голове, ощущая, что тайна скрепляет их отношения. Танич собирался прожить с Настей долгую счастливую жизнь. Однако в последнее время убийства детей стали рутиной: Танич сильно тосковал. Для разнообразия он решил убить взрослого человека. Какова же была его радость, когда он увидел в лесополосе двух неместных, которые шли неизвестно куда, но, очевидно, с дурными намерениями. Таких, пожалуй, никто не будет искать. Однако с двумя взрослыми мужчинами справиться нелегко. Танич решил подождать, когда они разделятся, а потом уж и убить. Он бесшумно двигался в зарослях, не выпуская из виду Меньшова и Чуркина. Слежка быстро ему надоела, и он прилег на опушке, чтоб отдохнуть. Он лежал на спине, жевал горькую травинку и смотрел в небо, а небо было голубое и обезвоженное — ни единого облачка. Танич представил Настю, как они вместе живут и старятся, и ничего в их жизни не происходит, и до того тошно ему стало на душе от этих мыслей, что он перевернулся на живот и заплакал.

Тем временем Меньшов и Чуркин достигли места назначения. Деревенские жители приняли гостей с распростертыми объятиями. Это были простые, веселые люди. Они жили в разрухе, но не унывали. Этот факт шокировал и Меньшова, и Чуркина. Чуркин ожидал увидеть пустоту и забвение в сердцах деревенских жителей, но ничего такого не было и в помине. Директор продмага номер два пожал Чуркину руку, принес ему свои соболезнования и сообщил, что покойницу успели обмыть и переодеть в новое платье. Кузнец, огромный детина, и его помощник принесли гроб с матерью, поставили его на стол посреди комнаты. Крышка осталась в передней, рядом с обувью. Мать лежала на перине, укрытая простыней, лоб ее украсили венком из пижмы, а на застывшую в неподвижности грудь чья-то заботливая рука положила маленькую фотографию иконы Божьей Матери. Чуркин смотрел на мать и не узнавал. Ей что-то положили под щеки, чтоб они не ввалились, а губы намазали красной помадой. Чтоб успокоиться, Чуркин выпил кружку самогона, потом еще одну и еще. В комнате было душно. Произносились какие-то слова. В полумраке горели свечи. Кто-то всё время покашливал: кхе-кхе. Кто-то плакал. Чуркин с трудом понимал, что происходит. Гроб с матерью подняли и понесли на кладбище. Откуда-то появились венки. Один из них вручили Чуркину. Чуркин уронил венок и залился слезами. Деревенские женщины наперебой утешали Чуркина, а тот, пьяный в стельку, рыдал в объятиях пышногрудой доярки. Меньшов с тоской смотрел на крестьянские лица, перекошенные от тяжелой работы в поле. Ему хотелось в город,

к интеллигентным людям. Кузнец сочувственно хлопал Меньшова по плечу, потому что думал, что тот переживает за друга. Меньшов же переживал не за друга; он не помнил, выключил ли он телевизор, уезжая из дома. Прибыли на кладбище. Гроб установили на две табуретки перед вырытой могилой. Кузнец попытался всунуть Чуркину в руки документы, свидетельство о смерти и прочее, но Чуркин не понимал, что от него требуется, и постоянно ронял бумаги. Директор продмага выступил с короткой траурной речью. Закончив речь, он предложил высказаться и остальным, но никто говорить не захотел. Чуркин бессвязно хрипел, переминаясь с ноги на ногу. Лицо покойницы скрылось под покрывалом. Гроб накрыли крышкой и бережно опустили в яму. Директор продмага и его немой сын приготовили лопаты. Чуркин упал перед ямой на колени: он что-то кричал и рвал на груди футболку. Деревенские стыдливо отводили глаза. Кузнец помог Чуркину подняться. Чуркин был настолько пьян, что уже не помнил, зачем сюда приехал. Колбаса на животе, повторял он, колбаса на животе — вот что это такое. Ему вложили в руку горсть земли и заставили кинуть в яму. Чуркин с удивлением посмотрел на испачканные в грязи пальцы. Мать стали закапывать. Чуркин полез целоваться к доярке. Муж доярки отнесся к горю Чуркина с пониманием и не стал бить ему морду. Чуркина взяли за руки и отвели под старый дуб, в тень. Дали ледяной воды в ковшике. Чуркин большую часть ковшика пролил мимо рта. Женщины причитали, жалея Чуркина; доярка поправляла на голове сбившийся платок. Пожилая Аграфена Петровна отчитывала мужчин,

которые сполчили несчастного городского. Кузнец и директор продмага потупились. Кто-то спросил: продолжать закапывать или погодить? Чуркина рвало в кустах. Аграфена Петровна велела продолжать. У Чуркина спросили, нет ли у него портрета матери, чтоб установить его на могилу. Чуркин в невменяемом состоянии куда-то пошел. Его вернули. Меньшов глядел на этот пьяный разгул со слезами на глазах. Кузнец, видя печальное состояние Меньшова, налил и ему. Меньшов пить отказался. Аграфена Петровна одобрительно кивнула. Что касается Меньшова, то он отказался пить вовсе не потому, что не хотел выпить, а потому, что боялся пить неочищенный самогон. Он и деревенскую пищу отверг, опасаясь, что в ней полно непригодных для жизни глистов. Чуркин кинулся к могиле, оттолкнул кузнеца и свалился в яму. Его вытащили, грязного и облеванного. Сын директора продмага повел Чуркина мыться. Меньшов боялся оставаться наедине с деревенскими и пошел за Чуркиным. Окончания похорон друзья не увидели. Через час в дом директора пришли остальные. Во дворе накрыли большой стол — помянуть. Отмытый Чуркин в чужой застиранной рубашке сидел во главе стола бледный, едва живой и икал. Все ждали от него каких-то слов, но Чуркин ничего не говорил. Тогда начали говорить деревенские. Кузнец сказал, что мать Чуркина была добрая и отзывчивая женщина. Тракторист Лёня отметил, что до самого конца она вспоминала о сыне. Директор продмага заявил, что мать Чуркина помогала ему в магазине. Все знали, что это неправда, но директор врал так убедительно, что многие ему поверили. Доярка, всхлипывая,

рассказала, как приносила матери Чуркина молоко и хлеб и как она ее благодарила. Муж доярки прослезился от трогательного рассказа жены. Немой сын директора что-то промышчал, и отец перевел его слова. Выходило, что мать Чуркина перед смертью нагадала сыну директора скорую свадьбу и рождение маленького. Внучка Аграфены Петровны зарделась. Аграфена Петровна сказала директору, чтоб он врал, да не завирался.

— Или ты думаешь, что раз директор, то тебе всё можно? — спросила она, подбоченившись.

Раздались смешки, которые, впрочем, сразу утихли. Меньшов с трудом терпел общество этих простых людей. Ему предложили сказать пару слов о матери Чуркина, и он по привычке наврал чего-то, ожидая, что для деревенских и так сойдет. К его удивлению, деревенские не поверили: они могли поверить любой лжи, если чувствовали, что она идет от сердца, но Меньшов врал не от сердца, а от ума. Аграфена Петровна наклонилась к соседке и прошептала так громко, что услышали все: друг, ишь ты! да в нашей молотилке больше сердешности! Меньшов откинулся на стуле и глядел на деревенских с презрением, притворяясь, что нарочно солгал, чтоб задеть чувства окружающих. Внучка Аграфены Петровны отодвинулась от него подальше. Даже добрый кузнец покачал головой и отвернулся. К Меньшову перестали обращаться. Меньшов же с тоской размышлял о вырождении деревни. Он глядел в загорелые лица крестьян и думал, что их уже ничем не спасти. Ему хотелось как-то помочь погибающему российскому крестьянству, но он понимал, что это утопия.

День клонился к закату. Чуркин поднялся. За столом наступила тишина, потому что все решили, что Чуркин, наконец, скажет что-нибудь о матери. Но оказалось, что Чуркин хочет в туалет. Сын директора проводил его. Чуркин долго не возвращался. Вернулся сын директора и знаками показал, что Чуркин заперся в кабинке и не открывает. Кузнец и тракторист Лёня выломали шпингалет. Чуркин спал на очке со спущенными до лодыжек штанами, голову уронив на грудь. Зеленые мухи кружили над макушкой спящего человека. Его с трудом вытащили: пьяный Чуркин, проснувшись, кричал, что ему надо, чтоб его любили, но мама умерла, и теперь его никто не любит, а ему надо, чтоб его обязательно любили, хотя бы кто-нибудь. Он несколько раз повторил, что ему надо, чтоб его любили. Меньшов с презрением наблюдал со стороны за этим театром абсурда. Могучий кузнец взял брыкающегося Чуркина на руки и понес в дом. Директор продмага распорядился постелить. Рано утром тракторист Лёня отвез друзей в уазике на железнодорожную станцию. За всю дорогу никем не было сказано ни единого слова.

Глава четвертая

После поездки в деревню Меньшов отдалился от Чуркина. Они уже не выпивали вместе, а, встретившись в коридорах предприятия, только сухо здоровались. Чтоб чем-то заполнить одинокое существование, Меньшов купил себе айфон. Дома айфон валялся бесхозный. На работе Меньшов клал айфон

перед собой на стол, чтоб все знали, что у него есть айфон. Он ждал, что кто-нибудь восхитится по этому поводу, но никто не восхищался. Даже Людочка молчала. Впрочем, она молчала почти всегда. Меньшов сильно тосковал. Ему казалось, что люди в последнее время оступели. А может, не восхищаются айфоном из зависти. Целыми днями он бесцельно слонялся по кабинету в тщетных поисках смысла. Начался сентябрь. Резко похолодало. В пасмурном небе читались тревожные знаки. Люди сутулились, будто их придавило какой-то тяжестью. Меньшов нашел в Интернете информацию о Стиве Джобсе, создателе айфона. Оказалось, это великий человек. Меньшов решил обрести смысл в поклонении основателю компании «Apple». Он всюду рассказывал о гении Стива Джобса. Приписывал ему разные забавные черты, вроде любви к мягким французским булкам и крепкой мужской дружбы с Биллом Гейтсом, создателем операционной системы «Windows». Из слов Меньшова выходило, что Джобс и Гейтс — Моцарт и Сальери современной информационной индустрии. Со временем айфон наскучил Меньшову. К тому же Стив Джобс умер от рака поджелудочной железы, а Меньшов терпеть не мог думать о мертвых. Он спрятал айфон в ящик стола и отдался течению одинаковых серых дней. Окна его кабинета выходили на студенческий парк. В парке под плакучей ивой стояла скамейка с красивой желто-зеленой спинкой. Каждый будний день ровно в одиннадцать часов к скамейке подходила девушка с книгой, чтоб почитать в спокойной обстановке. У неё было сосредоточенное лицо. Локон, похожий на пружинку, всё время падал ей на

переносицу, и она машинально поправляла его. В час дня девушка закрывала книгу, вставала и уходила. Это повторялось в течение двух недель. С девушкой было связано какое-то смутное юношеское воспоминание. Возможно, Меньшов видел похожую девушку на старой открытке или еще где-то. При виде нее у него сжималось сердце. Ночи он проводил в холодной постели, уставившись в потолок, весь в мыслях о таинственной незнакомке. Искал повод подойти к ней, но всё время откладывал решающий день. В конце концов незнакомка перестала появляться в парке, и Меньшов забыл о своем спонтанном чувстве. К тому же город взбудоражило появление жестокого маньяка. За один месяц он похитил и убил как минимум двенадцать детей. Меньшов поначалу содрогался от ужаса, читая статьи о каждом новом похищении, но потом привык к ним и уже не содрогался. Детей у него не было, а маньяк похищал одних девочек не старше десяти лет.

Чуркин, который и до смерти матери был нелюдимым, стал социопатом. Являлся на работу в грязной одежде: под глазами мешки, носки воняют. Коллег сторонился. Начальник сделал Чуркину замечание. Чуркин обещал исправиться, но на следующий день снова явился в потрепанном виде. Начальник махнул на Чуркина рукой: план по пайкам выполняет — и ладно. Чуркин работал усердно, делал не менее двух тысяч паек в день, но после работы не задерживался, шел сразу домой. Меньшов догадывался, что в жизни Чуркина появилась какая-то тайна. В нем пошевелилось вялое желание пролить свет на эту тайну, но желание быстро угасло. Он часто видел Чуркина в окно, как

тот, сгорбившись, шагает к автобусной остановке. Иногда Меньшов скучал без посиделок с Чуркиным в баре, но, вспомнив, что эти посиделки были гораздо скучнее, чем воспоминания о них, начинал вспоминать что-нибудь другое: например, вчерашний футбольный матч. Меньшов не любил футбол, но смотрел его, чтоб было что обсудить с коллегами в курилке. Не сказать, что Меньшову нравилось разговаривать с коллегами, но он боялся, что если прекратит общаться, то люди подумают, что он такой же нелюдимый, как Чуркин, и директор понизит его. Меньшов даже купил шарф болельщика, чтоб подчеркнуть свою приверженность футболу. От шарфа у него потела и чесалась шея, и он спрятал его в стол, поближе к айфону. В квартале от Меньшова жил Кабанов. Жизнь у него была обычная. Жену не любил, маленькой дочери опасался. Когда жену выписывали из роддома, Кабанову вручили сверток с дочерью, украшенный розовой лентой, и он держал его в красных волосатых руках, не зная, куда деваться от неизбежности. Этот маленький сверток перечеркнул детскую мечту Кабанова стать кругосветным путешественником. Впрочем, Кабанов никогда и ничего не делал для осуществления своей мечты. Он плыл по течению жизни с телевизионным пультом в одной руке и бутылкой пива в другой. Жена пилила его, но Кабанов воспринимал ее голос как привычный шум, вроде телевизионных помех. Иногда он бил жену, но не сильно и без злости, скорее от скуки. Дочка любила Кабанова. Научившись ползать, она подползала к отцу, хватала его маленькими ручками за штанину и пыталась что-то сказать. Кабанов смотрел на

это нелепое существо с недоумением. На вытянутых руках он относил дочь в другой конец комнаты, а сам возвращался на диван. Дочка смеялась, думая, что папа с ней играет, и снова подползала к нему. Со временем Кабанов научился не замечать дочь. Порой он подкидывал ее в воздух и ловил, но делал это без всяких чувств, просто зная, что отцы иногда так поступают. Дочка хохотала. На щеках у нее появлялись симпатичные ямочки. Когда девочка научилась ходить, Кабанов стал гулять с ней во дворе. Он останавливался поболтать с мужиками, не обращая внимания на маленькое существо, которое старалось заслужить одобрение отца, принося ему то листок, то палочку, то фантик. Кабанов помещал дочь в песочницу, а сам садился на скамейку. Дочь мастерила из куличиков крепость, а потом бежала к отцу и тянула его за рукав, чтоб он посмотрел на ее песочное искусство. Кабанов нехотя шел смотреть. Он видел нелепое нагромождение песка, сухих веточек и кошачьих какашек, а для его дочери это был величественный замок с башенками, балкончиками и развевающимися на ветру флажками. Она хотела поделиться с отцом радостью созидания. Кабанов говорил «да-да, молодец» и гладил дочь по голове. Он делал это без всяких чувств, как запрограммированная машина, а девочка замирала от счастья и тянулась за рукой Кабанова, словно котенок. Кабанов, погладив дочь, шел обсуждать с мужиками какой-нибудь карбюратор. Не то чтобы он хотел поговорить о карбюраторе, но говорить всё равно было не о чем. Дни стояли жаркие, скучные. В неподвижном воздухе было видно каждую пылинку. Осенью мать повела дочь Кабанова в детский

сад, и с тех пор они виделись реже. Кабанов сидел на скамейке и тупо глядел в пустое пространство перед собой. Из автомастерской его уволили, и он не знал, куда податься. Пробовал красть продукты в супермаркете, но быстро попался. Хорошо еще, дело вел шурин. Дело замяли, и Кабанов устроился охранником на забытый богом склад, сутки-двое. Сидел в маленькой каморке и тихо спивался, глядя в черно-белый телевизор, на который приходило изображение с камеры видеонаблюдения. Сутки после работы спал, другие сутки бессмысленно сидел на диване. Жена пылесосила вокруг его ног, словно он был мебель. Дочь радовалась, что папа дома, и приносила ему свои рисунки. Кабанов не понимал, что там изображено: какой-то винегрет из цветных пятен. Дочь объясняла, что это, например, козлик. А это, например, уточка. А вот это папа, он держит дочку за руку и ведет ее в парк развлечений. Кабанов вспомнил, что и впрямь водил дочь в парк развлечений. Из семейного похода ему запомнилось, что пиво в парке продавалось теплое и невкусное. Остальные воспоминания утонули в безбрежном океане скуки. Он запрокидывал голову и смотрел в потолок. Потолок пожелтел от времени, надо побелить, но Кабанов не хотел белить; он вообще ничего не хотел. Жена спросила, пойдет ли он на утренник в детский сад: у него ведь как раз выходной. Кабанов ничего не ответил. День утренника он провалялся на диване, вдыхая ртом пыль. От бессмысленности происходящего слезились глаза. Он вспомнил, что когда-то в детстве о чем-то мечтал, но не мог вспомнить о чем. Так и не вспомнив, он уснул и не увидел, как вернулась с утренника дочь.

На ней было белое платье, в волосах — лента; она немного постояла возле спящего папы и тихонько ушла, чтоб случайно не разбудить его.

О маньяке, который похищает девочек, Кабанов прочел в газете, когда дочь пошла во второй класс. Он долго не мог вникнуть в смысл статьи, а когда вник, решил, что ему всё равно, и лег спать пораньше. Жена возилась с бельем на лоджии. Он хотел уснуть до того, как она уложит свое жирное тело рядом с ним в постель. Обычно Кабанов не запоминал, что ему снилось; он проваливался в серую пустоту сна и выныривал в серой пустоте реальности. Но в ту ночь что-то изменилось. Он проснулся около двух часов ночи, весь в поту, с дрожащими от ужаса губами. У него возникло чувство, что впервые в жизни он проснулся по-настоящему. Рядом спала жена: лицо ее было бледным от усталости. Кабанов, сам себе удивляясь, нежно поцеловал женщину в лоб, трясущимися руками откинул одеяло и встал.

— Ты куда? — спросила жена сонным голосом.

— Воды... — Он закашлялся. — Воды попью.

Жена ничего не ответила, только перевернулась на другой бок. Кабанов пошел в комнату дочери. Замер над ее кроватью. Он слышал в темноте ее слабое дыханье и дрожал от страха, что это дыхание в любой миг может прерваться. Он опустился перед кроватью на колени и погладил дочь по голове, ощущая каждый тонкий волосок и тепло тихой жизни, заключенной в ней. К горлу подступил ком. Грудь налилась свинцом. Боже, шептал он, господи, сохрани ее. Кабанов не верил в бога, он вообще ни во что не верил, но надо же было что-то сказать. Он поправил на дочери одеяло и вернулся в спальню.

Не мог уснуть до самого утра. Прислушивался: не зовут ли его. Ему почему-то казалось, что скоро кому-то понадобится его помощь.

Утром Кабанов смеялся и шутил, пожарил для жены и дочери омлет. Жена ничего не понимала. Она немного опасалась перемен, произошедших в Кабанове. А дочь радовалась и обнимала папу. Она показала ему красивый цветок с пятью лепестками, который учительница наклеила ей в тетрадь по чистописанию. Количество лепестков означало пятерку. Кабанов пошел на работу, но, пробыв на складе до одиннадцати, запер помещение и поспешил в школу, где училась дочка. Замер возле забора, в густой тени лип. Проследил, как девочка выходит из школы, как вместе с подружкой доходит до угла, прощается с ней и сворачивает к дому. Убедившись, что дочь в безопасности родного подъезда, Кабанов возвратился на склад. На следующее утро снова ждал у забора. Так продолжалось две недели. Нерабочие дни Кабанов проводил возле школы с раннего утра и до окончания занятий. Он чувствовал, что его жизнь наполняется смыслом. Листья желтели. Солнце, еще по-летнему жгучее, плыло в прозрачном небе. Кабанов видел, как дочь играет с другими детьми на перемене, какая она серьезная и в то же время веселая, и его сердце сжималось от любви. Какой-то человек заметил, что Кабанов каждый день подглядывает за детьми через школьный забор, и вызвал полицию. Кабанова схватили и отвезли в участок, чтоб в спокойной обстановке разобраться, не является ли он педофилом. С трудом Кабанову удалось доказать, что он отец девочки, которая учится в этой школе. Помог звонок шурина.

Кабанова отпустили около полудня. Он поспешил в школу, но занятия уже кончились, второй класс разошелся, и Кабанов помчался домой. В час дня, запыхавшийся, стоял на пороге. Ждал, что дочь выбежит навстречу, чтоб обнять его, но она не выбежала. Кабанов заглянул во все комнаты: пусто. Может, она зашла в магазин, чтоб купить хлеба по просьбе матери. Или заглянула к подружке. Кабанов увидел на письменном столе стопку детских рисунков. Взял их. Когда-то эти рисунки казались ему неразберихой цветных пятен и линий, но теперь он ясно видел: это лошадка; это козлик; это снеговик; это мама-кошка и ее шесть котят; это солнце в перине облаков; это часы, время на которых остановилось; это цветущая вишня; это слоник; это папа держит дочку за руку. Он боялся глядеть на часы. Достал мобильник и набрал номер дочери, но ее телефон был отключен. Вышел на улицу. Обошел дом два раза. Поднялся к себе: пусто. Обошел комнаты: никого. Сама собой открылась форточка. Сквозняк трепал страницы старого альбома. Кабанов спустился во двор. Стал звать. Люди смотрели на него, как на сумасшедшего. Он заглянул в хлебный, в супермаркет, в аптеку, даже в магазин канцтоваров, вернулся в школу и поднял на уши сонную учительскую, обзвонил почти весь класс, кто-то сказал, что видел, как его дочь пошла домой, кто-то сказал, что к ней подошел незнакомый дядя, или не к ней, он точно не помнит, пожалуйста, прекратите, зачем вы кричите, вы пугаете моего сына... Отпросилась с работы жена. Серая, осунувшаяся, она пришла в школу, упала ему на плечо и разрыдалась. Он гладил ее лицо, попавшее в сети ранних

морщин, и не узнавал: сколько лет прошло, сколько впустую потраченных лет, когда-то он хотел стать кругосветным путешественником, у него были мечты, а теперь их нет; он обнял жену и шептал, что любит, и просил прощенья, что не уберег, а завуч смотрела на них бледными от страха глазами и думала, как это событие отразится на ее карьере, и всё время поправляла свои черепашьи очки. Дул холодный ветер, земля кружилась в красно-желтом разноцветье, пожилые деревья роняли пыльные листья на сырой асфальт, мертвое тело земли прогибалось под негнуцимыми ногами, и вороны, боже, как кричали вороны в тот день, а машины сигналили, и люди матерились, а он стоял посреди дороги на коленях и выл, — папа держит дочку за руку и никогда не отпустит, — его дочь звали Аней, а он слишком поздно проснулся, и его вопль никто уже не услышит, никто и никогда.

Глава пятая

Из С.-Петербурга прилетел специальный человек по фамилии Гордеев. Он обладал самыми широкими полномочиями. Говорили о нем шепотом, а при встрече трепетали. Гордеев прибыл расследовать дело серийного убийцы. Был он человек высокий, нескладный, с ледяным взором светлых глаз. Пил кофе из крохотной чашечки, которую таскал с собой всюду на длинной серебряной цепочке, пристегнутой к изнанке пиджака. Когда-то Гордеев наслаждался работой, представляя себя великим детективом вроде Шерлока Холмса или Филипа

Марлоу. Но в последнее время разочаровался в своем призвании. Дела походили друг на друга, мотивы преступников не отличались разнообразием, тела жертв были бледны и неподвижны. С невыразимой тоской Гордеев допрашивал очередного подозреваемого. Он видел их насквозь, понимал, что ими движет, умел различить любую, самую мельчайшую ложь. Скука преследовала Гордеева в мерзких притонах и борделях: он повидал их сотни, если не тысячи. Мертвые лица жертв, единожды отразившись в глазах Гордеева, тут же стирались навсегда, не найдя места в его очерстневшем сердце. Гордеев сам попросил, чтоб его отправили расследовать дело таинственного маньяка. Его удивила скорость, с которой совершались убийства: двенадцать жертв меньше чем за месяц, и это только подтвержденные жертвы. Однако особых надежд, что дело окажется интересным, он не питал.

В морге некий Петров показал Гордееву трупы последних убитых детей, мальчика и девочки. Петров давно не испытывал ужаса при виде изуродованных детских тел, но ему нравилось замечать, как содрогаются, видя, во что превратился живой ребенок, даже самые стойкие следователи; что уж говорить о родителях. Гордеев, однако, смотрел на мертвых детей со скукой. Отрубленные пальцы и обглоданные лица не производили на него впечатления. Не было у Гордеева и болезненного интереса к расчлененным телам, которым обладал Петров; одна сплошная рутина. Петров разочарованно вздыхал и подкидывал Гордееву новые жуткие подробности в надежде, что получится расшевелить специального человека. Гордеев оставался спокоен. В конце

беседы он задал Петрову несколько уточняющих вопросов. От смысла этих вопросов Петров сам чуть не задрожал. Гордеев, например, спросил, не знает ли Петров, каковы на вкус человеческие уши. Петров вытаращил глаза и что-то промямлил. Гордеев внимательно выслушал его, а затем, не меняясь в лице, поблагодарил за содействие и вышел. На следующий день Петрова арестовали: выяснилось, что работник морга злоупотребляет положением, тайком питаясь органами человеческих жертв. Это раскрытое походя дело произвело огромное впечатление на следственное управление. О Гордееве поползли удивительные слухи. Говорили, что маньяк обречен. Делали ставки, когда Гордеев его поймает: через неделю, через две, но точно не позже месяца. Гордеев тем временем пожалел, что прилетел в этот душный город из С.-Петербурга. Дело, похоже, тривиальное: просто убийца попался на редкость удачливый. Вместо того чтоб заниматься расследованием, Гордеев отправился в кабак. Пить он не хотел, он вообще плохо переносил алкоголь, но всё равно напился. Изнывая от скуки, в состоянии алкогольного опьянения сел в служебную машину и дал газу. Колеса подминали под себя сухую, в трещинах, дорогу. Гордеев задыхался; лицо его налилось кровью, он расстегнул воротник. Ему хотелось, чтоб его остановили гаишники, но гаишники не останавливали машину из уважения к номерам. Гордеев миновал городскую черту, остановился возле обочины и заглушил мотор. Перед ним расстилалось поле мертвой травы с выпуклыми островками желтеющей зелени. Вдали виднелся заброшенный синий ларек с вывеской «ПИВОВОДЫ». Тишина удручала.

Мимо проносились автомобили, но шуршание пыльных шин по асфальту лишь подчеркивало царящий за пределами дорожной ленты вакуум. Гордеев вышел из машины, достал сигареты. Курить он не любил, а сигареты носил с собой лишь для того, чтоб угощать преступников на допросе. Подержав пачку «Мальборо» в холодной сухой руке, он сунул ее обратно в карман. Что-то ужасно тоскливое было в этом месте. Гордеев медленно шагал через поле, прислушиваясь к собственным ощущениям. Уныние овладело им. Поле казалось бесконечным. Гордеев чувствовал, что в этой мертвой земле лежит прах миллионов существ, которые никогда уже не сдвинутся с места. Что-то хрустнуло под ногой, и Гордеев вздрогнул, но это была всего лишь сухая ветка, а рядом с веткой лежала собака: шерсть в пыли, грудь тяжело поднимается и опускается, слепые глаза смотрят внутрь себя и находят одну лишь печаль. Гордеев присел рядом с дворнягой на корточки и погладил ее по косматой голове. Собака попыталась шевельнуть хвостом или как-нибудь иначе выразить благодарность доброму человеку, который пожалел ее умирающее тело, но у нее не хватило сил: язык вывалился наружу, собака начала дрожать. Гордеев поднялся, обтер ладонь об штанину. Он не любил собак, и вообще зверей, потому что считал их бессловесными фантомами, которые существуют лишь для того, чтоб заполнять пустоту огромного мира. Но этот пес его затронул. Вероятно, Гордеев нашел в нем что-то от себя. Собака продолжала трястись. Гордеев вынул из кобуры пистолет и прицелился животному в голову. Пес замер, почуввав холодное неотвратимое присутствие. Гордеев

что-то произнес вполголоса и выстрелил. Собака дернулась в последний раз и умерла.

Смеркалось. Мертвые травы дрожали на холодном ветру. Гордеев вернулся к машине. Возле заднего колеса, обхватив руками грязные колени, сидел пожилой оборванец. Он шел из соседнего города и увидел пустую машину. Окно было приоткрыто, и оборванец захотел что-нибудь украсть из салона. Этот человек лишился дома из-за необдуманных решений, за которые его часто корила жена. Поэтому он решил, что сначала обдумает, что сделает с украденной вещью, и только потом украдет. Оборванец сел на обочину и принялся размышлять. Он не знал, куда денет украденное, и тосковал от этого. Он вспомнил однокомнатную квартиру в хрущевке, где жил с женой и сыном. Он был счастлив тогда. Но жене для счастья требовалось расширение жилплощади, и оборванец решил заняться бизнесом. Он взял в банке кредит и проиграл все деньги на ипподроме. Жена сильно ругала его за это необдуманное решение. Не выдержав ругани, оборванец продал квартиру и понес деньги в казино; из казино вернулся нищим. Жена с сыном переехали жить к теще, а оборванец стал бродить по русской земле в поисках счастья. Летом он спал на земле, прислонившись щекой к траве, а зимой жил в подъездах, у батареи отопления, пока его не прогоняла старушка с веником или мужчина с битой. Он отрастил бороду, которую было так приятно чесать долгими зимними вечерами. Ел мало, в основном огрызки; особенно любил грушу. Не брезговал обсасывать палочки эскимо. В свободное время подрабатывал карманным воров. Пару раз его ловили за

воровством и избивали до полусмерти. В целом такая жизнь ему нравилась. Гордеев посмотрел на оборванца сверху вниз, сел в машину и укатил. Оборванец продолжал размышлять о тщетности жизни. Когда стемнело, он встал и лег среди мертвых трав, чувствуя единение с природой. Что-то нехорошее почудилось ему в этом месте, но было лень вставать, чтоб проверить наличие угрозы. Он повернулся на бок и уснул. Через неделю его нашли в этом самом месте мертвого, с раздавленной грудью, а неподалеку валялась гниющая собака с простреленной головой.

Гордеев жил в гостинице. Окна его номера выходили на аптеку. Возле аптеки стояла проститутка. Гордеев знал, что это проститутка, потому что сразу после заселения ему позвонили с ресепшена и предложили ее услуги. Проститутку звали Зина. Гордеев недолюбливал женщин за отсутствие логического мышления, но услугами проститутки Зины пользовался. В первый же день он пригласил ее к себе в номер и расспросил о жизни: где училась, чем планирует заниматься в будущем. Зина сначала не хотела отвечать, но мало-помалу разговорилась. Оказалось, она окончила восемь классов маленькой районной школы. Ее родители были алкоголиками. Старший брат, вернувшись из армии, лишил ее девственности. Первой любовью Зины был одноклассник, который не боялся прыгать из окна на втором этаже. Она не помнит, как его зовут, но кличка у него была Доктор. Гордеев чем-то напоминает Доктора; когда Зина вошла в номер, то остолбенела: так похож. Когда Зине исполнилось восемнадцать, она сбежала из дома в большой город в поисках

лучшей доли. Зина любит кешью и поздравительные открытки с забавными надписями. Не любит снег: к счастью, в этом городе он выпадает редко. В дальнейшем Зина намерена выйти замуж. Гордеев поблагодарил Зину за обстоятельный рассказ, расплатился и проводил до двери.

Сегодня ему не хотелось с ней говорить. Из головы не выходила собака: Гордееву мерещилось, что он выстрелил в голову не ей, а себе. Он принял холодный душ, надеясь на облегчение, но облегчения не наступило. Его бросало то в жар, то в холод. Что-то мучило Гордеева, он не мог понять что. Он решил с завтрашнего утра вплотную заняться расследованием: привычная работа отвлечет его от тоскливых мыслей. Рано утром к нему в номер явился старший лейтенант юстиции Кошевой. Это был мускулистый мужчина, который большую часть жизни провел в тренажерном зале. Три дня назад он заметил, что ему стало сложнее делать жим лежа. Полночи Кошевой беспокойно вертелся в постели. За час до рассвета встал, разделся донага и подошел к зеркалу. В зеркале отражалось идеальное тело. Кошевой вдруг подумал, что не знает, для чего все эти годы наращивал мышечную массу. Жены у него не было, любовницы тоже. Тем временем старость уже стучит в двери костлявой рукой, и скоро это тело перестанет быть идеальным. Кошевой задышался. На деревянных ногах он вернулся в спальню и окинул ее тяжелым взглядом. Знаменитые культуристы прошлого насмешливо глядели с плакатов, как будто знали про Кошевого некую позорную тайну. Кошевой схватился за голову и завопил так, что проснувшиеся соседи подумали, будто где-то рядом

кого-то убивают. Кошевой срывал плакаты и рвал их в клочья. Обрывки скотча прилипали к негнущимся пальцам, клочки плакатов порхали в воздухе. Кошевой скрючился на кровати: бумажные клочки как пепел несбывшихся мечтаний покрыли его трясущееся тело. «Пока еще не поздно, пока еще не слишком поздно», — шептал Кошевой, царапая скрюченными пальцами виски, вращая налитыми кровью глазами. На следующий день он узнал, что в город прилетел Гордеев. Коллеги старшего лейтенанта Кошевого говорили о Гордееве, как о великом сыщике. Кошевой из книг знал, что у каждого великого сыщика есть глуповатый напарник, на котором тот оттачивает свое мастерство. Он ухватился за эту идею и решил напроситься к Гордееву в помощники; таким образом, его тело найдет применение. Если Гордеев откажет ему, он упадет перед ним на колени. Именно поэтому Кошевой в то утро оказался в номере специального человека.

Гордеев медленно пил кофе из чашечки, прицепленной к изнанке пиджака; у него болела голова. Кошевой застыл на пороге, робко поглядывая из-под мохнатых ресниц. Гордеев примерно понимал, чего от него хочет молчаливый Кошевой. К нему в напарники уже напрашивались десятки. Кошевой ничем от них не отличался. Гордеев пил кофе маленькими глоточками и молчал, ожидая, когда посетитель догадается уйти. Но Кошевой не догадывался. Тогда Гордеев подошел к окну. Проститутка Зина стояла в одиночестве под дождем, крашенные волосы облепили круглое, в оспинах, лицо, а замерзшие губы что-то беззвучно шептали. Прохожий толкнул Зину, она чуть не упала и прислонилась рыхлеющим

телом к фонарному столбу. К ней подошел мужчина в черном плаще и бейсболке. Он без слов вlepил Зине пощечину, взял за руку и затолкал в джип. Джип уехал. Гордеев смотрел на потоки воды, заливающие витрины.

— Пока еще не поздно... — пробормотал Кошевой у него за спиной. Все эти годы он мало разговаривал, предпочитая разговорам становую тягу, и поэтому запинался. Слова вылезали из глотки с огромным трудом, как металлические болванки. — Пока еще не поздно что-то... хотя бы что-то совершить... в этой... жизни... — У него перехватило дыхание. — Я... хотя бы для чего-то... использовать... это... — Он неопределенно повел рукой. — Я... эти... мышцы...

— Вот что, Кошевой. — Гордеев повернулся к нему. — Пойдемте со мной; в этом деле мне понадобится ваша помощь.

Кошевой замер, не понимая, что испытывает: радость или страх. Гордеев прошел мимо него. Нельзя сказать, что Гордееву в самом деле был нужен напарник. Но он надеялся, что присутствие Кошевого хоть как-то разбавит застоявшуюся в нем скуку. Что касается Кошевого, то он ни на что не надеялся: он просто следовал за Гордеевым по пятам.

Глава шестая

Меньшов пристрастился к кальяну. Курить кальян в одиночестве было скучно, и он пригласил коллег в бар. Коллеги идти не хотели, но, чтоб упрочить дружеские отношения в коллективе, пошли. Весь

вечер они молчали. Меньшов мучился от изжоги. Начальника отдела кадров после первой затяжки долго тошнило в туалете. Замначальника пусконаладки вообще не курил, не ел, не пил, только угрюмо водил пальцем по столешнице. Системный администратор вышел на улицу подышать свежим воздухом и пропал. Молодой человек из производственного отдела, имени которого никто не помнил, стал рассказывать о своих успехах на любовном фронте, но почувствовал, что от старших коллег веет холодком, и замолчал. Ведущий инженер Комягин скрипел зубами так, что на него оглядывались другие посетители. Смуглый кальящик, менявший угли на обернутом фольгой чилиме, старался обходить ведущего инженера стороной. Главный кладовщик дремал, потому что любил поспать в нестандартных ситуациях. Докурив кальян, коллеги стали наперебой благодарить Меньшова за чудесный вечер и расходиться. Меньшов запил изжогу пивом. Выйдя из бара, он подумал, что с Чуркиным было веселее. Теперь нудные истории Чуркина казались ему верхом остроумия. Он выпил еще пива и вызвал такси. Таксист повез Меньшова по ночным улицам, отравленным неоновым светом. Меньшов глядел на сверкающие витрины сквозь опущенные ресницы и думал, что разноцветный свет призван замаскировать вечную тоску большого города. Вскоре ему надоело думать философские мысли, и он прислушался к таксисту, который уже пару минут что-то рассказывал. Ничего интересного таксист не говорил: обычный треп о козлах на дороге, которые понакупали прав. Меньшов задремал. Такси остановилось возле подъезда. Таксист

собирался разбудить Меньшова, но от того повеяло какой-то тревогой, поэтому таксист проехал еще немного, чтоб на счетчике набежал лишний полтинник, вернулся и только после этого разбудил клиента. Меньшов не хотел просыпаться, но не потому, что ему было уютно на заднем сиденье подержанной «девятки», салон которой пропах табаком и потом, а по той причине, что вообще не любил просыпаться. Он хотел бы проспять всю жизнь, если б имелась такая возможность. Всё же ему пришлось встать, расплатиться и выйти из машины. Он опустился на скамейку возле подъезда, вдыхая сухим ртом влажный ночной воздух. Под ногами разъезжались мокрые листья. Из подвала выглянул полосатый кот. Он пошевелил усами, фыркнул и засунул голову обратно. На втором этаже грянула музыка и мгновенно затихла. Чудовищные тучи клубились в аспидном небе. Бледно-желтая луна глядела в просвет между тучами. Меньшов обхватил голову руками: ему казалось, что он сходит с ума от одиночества. Чуркин, конечно, быдло, но это было его собственное ручное быдло; теперь его нет. Чем он сейчас занят?

Чуркин как раз выносил мусор. Нельзя сказать, что он часто выносил мусор. Мусором была забита вся его кухня, половина прихожей и до некоторой степени гостиная. Когда Чуркину стало неудобно перешагивать через завалы из мусорных мешков, он решил вынести хотя бы часть мусора. Тем не менее прошло еще два с половиной дня, прежде чем он в самом деле стал выносить мусор. Опустив двадцатый по счету мешок в мусорный контейнер, он подумал, что его действия лишены смысла. Чуркин

крепко задумался. Мимо прошла девушка: она выкинула пустую упаковку из-под гигиенических прокладок. Старушка выбросила пакет с картофельными очистками. Молодой человек швырнул в контейнер связку дырявых воздушных шариков. Семен Семеныч из второго подъезда звякнул сеткой пустых бутылок. Чуркин хотел поздороваться с Семеном Семенычем, но испугался, что тот не ответит на его приветствие, и промолчал. А Семен Семеныч решил, что Чуркин не здоровается, потому что считает себя выше него, и ушел, презрительно хмыкая. Чуркин продолжал стоять у мусорного контейнера, думая, что люди тратят слишком много времени на всякие нелепые действия вроде выноса мусора или сна. Ему стало грустно, что люди такие смехотворные создания. Вскоре мысли о смехотворности людей наскучили ему. Он поглаживал в кармане портсигар, не зная, чем заняться. Когда-то у него была мама, и Чуркин тешил себя надеждой, что однажды уедет к ней в деревню питаться здоровой деревенской пищей. Но теперь мама умерла и не осталось надежд, которыми можно себя тешить.

К мусорным контейнерам приближался кучерявый юноша по фамилии Королевский. Королевский, будучи студентом физфака, размышлял о тепловой смерти Вселенной. Он считал, что раз Вселенная всё равно обречена согласно второму началу термодинамики, то готовиться к зачетам необязательно; отец же при помощи ремня доказывал Королевскому, что тот ошибается в своих выводах. Королевский возражал в том смысле, что бить ремнем семнадцатилетнего парня постыдно, и грозился уйти

из дому, когда достигнет совершеннолетия. Мать Королевского, стараясь предотвратить скандал, слезно умоляла Королевского вынести мусор. Отец хватался за сердце и пил валерьянку. На самом деле сердце у него не болело, да и на зачеты сына он смотрел как на бесполезное занятие, но что-то заставляло его вести себя именно так. Королевский, видя пустоту в душе отца, называл это «что-то» отцовским инстинктом. Отец не любил разговоры об отцовском инстинкте. Честно говоря, он вообще ничего не любил, кроме хоккея и валерьянки. Хоккей он любил тогда, когда побеждала наша сборная, а валерьянку любил всегда.

Королевский увидел возле контейнера Чуркина и застыл на месте. Чем-то угрожающим веяло от маленького человека с грязными волосами и нестриженными ногтями. Королевский хотел развернуться и уйти, но душная атмосфера скандала, царившего дома, остановила его. Королевский осторожно приблизился к контейнеру. Чуркин заметил бледного юношу, который на цыпочках подбирается к контейнеру, и, чтоб не смущать его, притворился, что вместе с мусором уронил в контейнер что-то ценное. Он по плечи зарылся в отходы. Королевский решил, что Чуркин бомж и принялся глядеть на него свысока. Чуркин догадался, что о нем думает Королевский, но ничего не сделал, чтоб опровергнуть мнение юноши о своем социальном положении, вместо этого еще глубже зарылся в объедки. Королевский перевернул мусорное ведро над контейнером с таким видом, словно Чуркин ему глубоко безразличен. На самом деле он испытывал нездоровое любопытство: что же такое особенное можно

найти в чужом мусоре. Он хотел бы сам порыться в отходах, но высокий социальный статус не позволял ему этого делать при всех. Однако он решил подождать, когда маленький бомж уйдет, и немножко покопаться в мусоре, пока никто не видит.

Чуркин всё не уходил. Королевский проявлял признаки нетерпения. Он ходил вокруг контейнера с недовольным видом и зыркал на Чуркина. Неожиданно Чуркин нашел среди объедков кошелек. Удивленный, он раскрыл кошелек на глазах у Королевского. Внутри лежало пять тысяч рублей одной бумажкой. Королевский побледнел от зависти. Он стал кричать на весь двор в том смысле, что мусор принадлежит жителям окрестных домов, и бомжи не имеют права ковыряться в нем своими грязными пальцами; если бомж не хочет, чтоб Королевский вызвал полицию, то пусть отдаст деньги Королевскому на хранение. Королевский составит объявление об утере банковского билета и вернет его законному владельцу, — если тот объявится, конечно. Чуркин посмотрел на юношу исподлобья, сунул деньги в задний карман и побрел домой, согнувшись под бременем забот. Взбешенный Королевский помчался за Чуркиным. Он хватал его за плечо и угрожал законом. Чуркин развернулся и ударил Королевского в глаз. Королевский отскочил в сторону, схватившись за глаз, и пригрозил, что он этого так не оставит. Чуркин вошел в подъезд. Королевский вернулся домой с фингалом. Мать всплеснула руками и побежала готовить пакет со льдом, чтоб приложить к синяку. Королевский рассказал, что подрался с бомжем, который украл пять тысяч рублей. Из рассказа выходило, что в схватке

победил он, а бомж пустился в бегство, успев, однако, прихватить деньги. Отец Королевского посмотрел на сына с уважением и пожал ему руку. Не то чтобы он хотел жать сыну руку, которой тот касался грязного бомжа, но сработал отцовский инстинкт. Ночью Королевский беспокойно вертелся на кровати. На пять тысяч он мог сводить в ресторан симпатичную однокурсницу, а бомж наверняка эти деньги пропьет. В итоге Королевский успокоил себя тем, что жизнь бессмысленна, а Вселенную, как и любую другую замкнутую систему, всё равно ждет тепловая смерть.

Чуркин, зайдя в подъезд, медленно поднялся на пятый этаж. Руки у него дрожали, но вовсе не от встречи с Королевским: он успел позабыть о бойком юноше с мусорным ведром. В его голове царил сумбур. На лестничной площадке пятого этажа было четыре двери, ведущие в отдельные квартиры. В одной из квартир жила глухая, полумертвая старуха, во второй — Чуркин, две другие пустовали. Одну когда-то сдавали, но жильцы съехали, испугавшись странных ночных звуков, а замены им не нашлось; еще одна стояла на продаже последние три года, но никто не хотел ее покупать, потому что предыдущие владельцы умерли при странных обстоятельствах. Если б на площадку кто-нибудь заглянул, он бы обязательно почувствовал гнилостную вонь, которая сочилась из квартиры Чуркина. Сам Чуркин настолько привык к запаху, что ничего не чувствовал. Он отворил дверь и вошел в прихожую. В сумраке чернели холмы мусора. Их было меньше, чем два дня назад, но всё равно достаточно. Чуркин прошел на кухню. Вынул из холодильника банку

с влажными красными ягодами и стал закидывать их в рот по одной. Свет он не включал нарочно.

В раскрытую форточку проникал холодный воздух. На кухонном столе лежал черный пакет. Угол пакета свесился с края столешницы. Чуркин поправил его. Из пакета вывалилась детская ручка с черными ранками вместо ногтей. Чуркин проглотил кислый комок. Двумя пальцами он взял тонкое запястье и затолкал крохотные пальчики обратно в полиэтиленовое нутро. В глазах потемнело, на цыпочках он вышел из кухни. В прихожей долго царапал обнаженную грудь, надеясь извлечь музыку сердца. В висках пульсировали черви. В горле бурлила кислота. Чуркин понимал, что сходит с ума. Он хотел бы не сходить с ума, но не знал, как это делается. В гостиной он включил телевизор и смотрел телевизионные помехи, сидя в продавленном кресле. За диваном тоже был спрятан черный пакет. На шкафу лежало целых два, на пол возле неработающего торшера натекла темная жидкость. Чуркин погладил в кармане отцовский портсигар и выключил телевизор. Дверь в спальню была заперта. Чуркин не помнил, что там находится, но жутко боялся ее открывать. Он остановился у двери, задыхаясь от ужаса. Впился ногтями в виски, пытаясь выковырнуть червей. Он знал, что никаких червей нет, но не мог их не выковыривать. Лег на холодный пол, подергался и уснул; во сне он сидел на черном дереве, а внизу белела пропасть. Чуркин очень смеялся, глядя в эту пропасть, а потом плакал, а потом снова смеялся. Проснувшись, он увидел в окне серую муть наступающего дня. Утро. Пора на работу.

Глава седьмая

Кошевой жалел, что напросился в напарники Гордееву. Лучше бы он как и раньше жил в пустоте своего сознания. Кошевой надеялся, что их ожидают интересные логические загадки и погони, но вместо этого Гордеев провел целый день, роясь в документах. Впрочем, Кошевой разочаровался бы и от логических задач и даже от погонь, потому что предпочитал ничего не делать, не считая занятий в тренажерном зале. Занятия в тренажерном зале он тоже не особенно любил, но хотя бы привык к ним.

У Гордеева, по мнению Кошевого, было множество недостатков. Например, специальному человеку не нравилось говорить о бодибилдинге. Кошевому и самому не нравилось говорить о бодибилдинге, но это была единственная тема, в которой он разбирался. На работе Кошевой большую часть времени проводил на стуле. Звания он получал за выслугу лет и через год-другой надеялся стать капитаном. Он плохо представлял, в чем заключается его работа; непосредственное начальство, судя по всему, тоже не совсем понимало, к чему применить Кошевого. Уволить его не могли, потому что он попал на свое место по блату. Какое-то время Кошевой помогал старшему следователю-криминалисту. Его помощь заключалась в том, что Кошевой сидел в удобном кожаном кресле возле тяжелой металлической двери, листал журналы по пауэрлифтингу и не мешал. Начальству нравилась усидчивость Кошевого, и он легко продвигался по служебной лестнице там, где другие спотыкались. Кошевой к тому же мог без труда приподнять металлический сейф с важными

бумагами, чтоб уборщица помыла под ним пол. Кошевого уважали за незаменимость в вопросе переноски тяжелых предметов. С ним часто делились чем-то личным; Кошевой в ответ молча кивал. Он не слушал, что ему говорят, а кивал потому, что понял давно: люди любят, когда им кивают. Поэтому он кивал неизменно, и люди его за это любили.

Гордеев не жалел, что взял в напарники Кошевого. Но и не радовался. Кошевой был для него, как самоходный шагающий шкаф. Иногда этот шкаф произносил слова своим заикающимся голосом, и Гордеев смотрел на него с легким удивлением. По мнению Гордеева, у Кошевого было чересчур простое лицо для преступника и слишком невыразительные глаза для следователя. Поэтому Гордеев использовал его для транспортировки папок, в которых хранились бумаги. Кошевой не хотел таскать для Гордеева вещи, но всё равно таскал в надежде, что самое интересное ждет их детективный дуэт впереди. Его надежды быстро растаяли, но он уже привык ходить за Гордеевым и ходил за ним, лишенный надежд. Коллеги Кошевого посмеивались над ним, однако втайне завидовали, потому что считали, что Кошевой проник в мир интересных тайн и жутких преступлений. Они и сами часто сталкивались с жуткими преступлениями, но, привыкнув к ним, переставали считать их жуткими. Поглощенные рутинной, многие из них не думали о преступлениях вовсе. Чтобы лучше не думать, они играли на работе в компьютерные игры, раскладывали пасьянс, сплетничали. Самые лучшие из них наловчились изображать мысль снаружи, не имея ее внутри.

У Кошевого пытались выведать, как продвигается дело маньяка. Кошей не знал, как оно продвигается, и поэтому молчал. Его молчание выглядело загадочным: у коллег от зависти сводило лица. Один майор, начальник следственного отдела по городу Т., поклялся, что поколотит Кошевого, если тот не расскажет коллегам о расследовании. В тот же вечер у майора умер отец, и он погряз в мелких неурядицах по поводу дележа наследства. Честно сказать, он бы не смог поколотить Кошевого даже в том случае, если б его отец остался жив. Майор был маленький и плюгавый: едва доставал Кошевому до подбородка.

Гордеев проводил вечера в беседах с проституткой Зиной. Ночью ему снилось, что он пес, которому вот-вот прострелят голову. Это были грустные сны: он лежал в траве, зная, что приближается смерть, но не видел ее; он не испытывал страха, только печаль, которая со временем превращалась в тоску, а та в свою очередь оборачивалась пустотой. Гордеев находил странное удовольствие в этих снах. Он часто повторял про себя: я пес, старый пес, мертвый пес. В пятницу он созвонился с родителями Ани Кабановой, дочь которых похитили, и договорился о встрече. В квартире Кабановых пахло жареным картофелем. Зеркала были завешены пожелтевшими полотенцами. На старых обоях остались выцветшие детские рисунки. Мать Ани, глядя себе под ноги, попросила Гордеева и Кошевого пройти на кухню. Это была седая женщина с глубокими морщинами на сером от горя лице. Кошевому не верилось, что ей всего тридцать. Она села на краешек табуретки, сложив руки на коленях,

и уставилась в пол. Гордеев много раз видел горе родителей, потерявших ребенка, и оно успело ему наскучить. Он не стал притворяться, что его волнует чужое несчастье, и задал несколько уточняющих вопросов. Несчастливая мать что-то отвечала вполголоса. Кошевой, видя, что женщина сейчас упадет в обморок, подошел к ней и подержал за руку. Женщина поблагодарила Кошевого за участие и немного ожила. Теперь она отвечала на вопросы более внятно. Кошевой вернулся на место, не совсем понимая, что он только что сделал. Гордеев тоже не понимал, что сделал Кошевой, потому что продолжал считать его предметом мебели. Он нацарапал пару записок в блокноте и спросил у Кабановой, где ее муж. Кабанова вздрогнула и неуверенно махнула рукой, будто сомневалась в наличии мужа. Гордеев встал и пошел в гостиную.

Кабанов, широко улыбаясь, совершал руками странные движения посреди комнаты. Гордеев решил, что он делает зарядку. Увидев Гордеева, Кабанов опустил руки:

— Ладно, Анечка, поиграли и хватит. Видишь, гости пришли. Что надо сказать?

Гордеев приподнял бровь.

Кабанов погладил ладонью воздух:

— Правильно, зайчик. Надо сказать «здравствуйте».

Кабанов уставился на Гордеева. Гордеев не знал, как поступить. Ему хотелось развернуться и уйти: от сумасшедшего толку всё равно не будет. С тоской смотрел он на мужчину, который гладил рукой воздух. Кабанов был простой человек с лысеющей головой и бедным словарным запасом. Пожалуй, от него и в нормальном состоянии ничего

не добьешься. Гордеев придерживался мнения, что таким людям не стоит заводить детей. Иногда он считал, что вообще никому не стоит заводить детей: тогда преступления мало-помалу сойдут на нет, и на земле воцарится тишина. Гордеев хотел бы пожить в тишине пустого мира на берегу холодного озера в каменном доме. Он представил, как идет вдоль берега, усеянного порыжевшими сосновыми иглами, и смотрит, как в прозрачной воде, в паутине синих водорослей плывут крупные рыбы с блестящей серой чешуей. Что-то дьявольское мерещится ему в поведении этих неземных рыб, выпученные глаза которых глядят вперед слепо и страшно; он хочет позвать на помощь, но никого рядом нет. Вообще никого нет и больше не будет.

Кабанов разозлился: его маленькая дочка поздоровалась с дядей, а грубый дядя здороваться не собирался. Анечка от смущения теребила подол платья. Вот-вот разревется. Кабанов хотел наброситься на Гордеева с угрозами, но тут вперед вышел крупный мужчина с развитой мускулатурой. Кабанов уважал мужчин с развитой мускулатурой и решил повременить с угрозами. Кошевой присел на корточки:

— Привет. Как тебя зовут?

— Меня зовут Аня, — ответила девочка.

— А меня дядя Кошевой. Сколько тебе лет?

— Восемь.

— Ничего себе, по сравнению с тобой я совсем старый. Анечка, ты не обидишься, если мы поговорим с твоим папой наедине?

Аня помотала головой и посмотрела на отца. Кабанов кивнул ей:

— Иди в спальню, зайка, поиграй.

Анечка робко улыбнулась и убежала. Кабанов со страхом глядел ей вслед. Когда Аня удалялась от него хотя бы на несколько метров, он чувствовал на сердце тяжесть. К тому же на него давил взгляд Гордеева. А вот Кошевой был мужик веселый: они с Кабановым немного поспорили, кто сколько отожметя на кулаках. Кабанов чуть повеселел. Гордеев молча думал, что Кабанова следует сдать в психушку. Кабанов посмотрел на него и затосковал. Он сел на диван и откинул голову назад. Гордеев стал задавать вопросы, не отрывая взгляда от мясистой шеи несчастного отца. Кабанов не хотел отвечать, он мечтал превратиться в точку и навсегда исчезнуть в космическом пространстве. Тем не менее он что-то говорил, не узнавая своего голоса. Ему казалось, что это не он говорит, а радио сообщает в пустоту страшные новости. Наконец Гордеев с Кошевым ушли. Кабанов продолжал неподвижно сидеть на диване. В комнату вошла жена. Кабанов повернулся к ней и не узнал. Он подумал, что так иногда бывает: живешь с человеком, живешь, а однажды смотришь на него и не понимаешь, кто это такой, и кажется, что рядом должен быть совсем другой человек. Жена села рядом с Кабановым и погладила его по влажной лысине. Тебе, наверно, противно гладить мою потную кожу, хотел сказать Кабанов, но ничего не сказал, однако жена поняла его, потому что они знали друг друга десять лет, десять бесконечных лет, проведенных в крошечной квартире, на маленькой кухне, где они едва помещались за столом, когда их было трое, а теперь их двое и они прекрасно помещаются, но радости нет, лучше бы как и раньше не помещались. Лучше бы толкались

и злились, и говорили сердитыми голосами: это мое место, тут я сижу, подай табуретку, ну что ты делаешь, опять уронила тарелку, как можно хоть что-то приготовить на кухне площадью пять с половиной квадратных метров, когда мы переедем, Кабанов, ну что ты молчишь, Кабанов, когда ты найдешь нормальную работу, куда ты опять уходишь, папа, пожалуйста, останься, мама не хотела тебя обижать, мама, пожалуйста, не обижай папу, мама-папа, пожалуйста, не ссорьтесь, и Аня жива, жива, жива.

В глубине души я понимаю, что Аня умерла, хотел сказать Кабанов, но не могу ее отпустить. Еще он хотел сказать, что он вовсе не псих, просто иногда уговаривает себя, что Аня рядом, и действительно видит ее: она стоит посреди комнаты в белом платье и смотрит на него, а он на нее; они смеются от счастья и чуть-чуть от неловкости. До того как она пропала, он никогда не видел ее в белом платье, но всё равно представляет ее именно такой, а в волосах у нее шелковая лента. Он ничего не сказал, однако жена сжала его руку, показывая, что понимает, что у него на уме; боже, какая у нее сухая ладонь, и пальцы едва гнутся, как она похудела за эти недели, сбросила килограмм двадцать, не меньше, теперь она похожа на скелет, обтянутый землистой кожей. Кабанов положил голову ей на плечо и замер. Жена замерла тоже. Я знаю, хотел сказать Кабанов, что со временем горе пройдет и воспоминания поблекнут, но ведь это и есть самое страшное. Он ничего не сказал. Они слышали, как гремит музыка у соседей внизу, как ругаются соседи справа; они тоже ругались когда-то, а теперь им не хочется ругаться, теперь хочется сидеть вместе, ощущая

тепло живого человека, и молчать. Кабанов хотел сказать жене, что любит ее, но не сказал, потому что у него пересохло в горле, однако жена поняла и прикоснулась губами к его сухой небритой щеке. Дверь в спальню скрипнула и приоткрылась. Они повернули головы, но это был всего лишь сквозняк, а у соседей слева заработала дрель и застучал молоток.

Гордеев и Кошевой курили возле подъезда. На асфальт медленно опускались желтые листья. Старейший мужчина в грязной кожаной куртке сгребал палые листья к бордюру. Мужчину звали Ведерников. Он был талантливый пианист. Когда-то им восхищались и пророчили великое будущее. Но он ничего не делал для развития своего таланта и в результате спился и стал дворником. Но Ведерников не унывал. Ему достаточно было знать, что заключенный в нем потенциал гораздо выше, чем у большинства; так сказал ему сам Рябин, а он был пианистом от бога. Это знание позволяло Ведерникову глядеть на прохожих свысока. Он и на Гордеева с Кошевым поглядел свысока, отложив метлу на минуту. Гордеев с Кошевым не заметили взгляда Ведерникова. Они немного постояли возле подъезда, глядя на листопад, и ушли.

Глава восьмая

Танич рос веселым мальчиком. Он пел, танцевал, рассказывал стишки. Бывало, заберется на табуретку и давай рассказывать. Взрослые восхищались позитивным настроением ребенка и дарили ему конфеты, а Танич отдавал конфеты маме, потому что

знал, что мама любит сладкое. Мама воспитывала Танича одна, им вечно не хватало денег. Приходилось на всем экономить. Мама часто удивлялась, почему маленький Танич такой веселый, когда им нечего есть. Танич отвечал, что всегда будет веселый, потому что когда он веселый, мама тоже становится веселее. Мама смотрела на сына с восхищением. Вскоре она умерла от рака двенадцатиперстной кишки. На похоронах маленький Танич пел, танцевал, рассказывал стишки. Родственники смотрели на него с ужасом и стыдом. Когда гроб с мамой опустили в могилу, маленький Танич вырвался из рук двоюродной тети и побежал в глубь кладбища. Он бежал быстро, аж пятки сверкали, а памятники и оградки летели ему навстречу. Маленький Танич думал, что сможет бежать долго и вскоре оббежит всю Землю, вернется на это самое место, и мама будет жива — не зря же он отважно преодолевал огромные расстояния. Но он споткнулся о выступающий из земли корень и упал. Земля забила ему в рот, нога распухла. Где-то рядом шумела река. Танич сидел на земле и глядел перед собой. Взрослые звали его громкими голосами, но он почему-то не мог ответить. Солнце зашло. Прозрачный воздух напитался чернилами ночи. Кроны деревьев шумели в недоступной вышине. Танич шептал «мама-мама-мама», но мама не отзывалась. Тогда маленький Танич стал петь, рассказывать стишки, только танцевать не мог, потому что нога сильно болела. Рано утром его нашел кладбищенский сторож. Мальчик смеялся и шутил, а глаза у него были белые, как молоко. Сторож от страха чуть не пристукнул Танича лопатой. Со временем Танич вырос. Он решил, что

дети не должны испытывать кошмары взрослой жизни, подобно ему, и принялся их убивать. Он старался убивать безболезненно, но иногда непослушные дети вырывались и приходилось догонять их и бить камнем по голове. Танич убивал бездомных детей и детей из неблагополучных семей, потому что трезво рассудил, что именно им предстоит больше всего мучений. Однажды у Танича кончились деньги на еду, и он решил попробовать детское мясо и нашел его приятным на вкус; особенно полюбил печенку. Танич не испытывал угрызений совести, когда ел человечину, потому что дети всё равно мертвы: зачем зря пропадать мясу. Он даже купил поваренную книгу, чтоб готовить строго по рецептам. Вскоре Танич научился неплохо готовить и поступил в кулинарный колледж, чтоб научиться готовить еще лучше. В кулинарном колледже Танича за веселый нрав полюбила веснушчатая девушка по имени Настя. Танич ради шутки как-то угостил ее тушеным человеческим мясом; сказал, что это свинина, приготовленная по особому рецепту. Насте не понравилась человечина. Она долго плакала в объятиях Танича, сама не понимая, отчего плачет. Ей казалось, что где-то в мире произошло что-то плохое. Танич устыдился своего поведения и в тот же вечер сделал Насте предложение. Настя обрадовалась. Танич стал подыскивать им жилье. Но время шло, и Танич понимал, что не сумеет найти простое человеческое счастье рядом с Настей. Однажды у них появятся дети, которых в будущем ждут те же кошмары, что и других маленьких озорников. Танич сомневался, что сумеет убить собственного ребенка, и был уверен, что, проявив

слабость, обречет малыша на беспросветное существование. Видя, как Настя радуется предстоящей свадьбе, он не решался порвать с ней и мучился от этого. Он даже задумался, не убить ли ее, чтоб она умерла в счастливом неведении, но не решился: могут возникнуть ненужные подозрения. В августе Таничу пришло письмо: умерла двоюродная тетка. Детей и других близких родственников у нее не было, и она оставила свою трехкомнатную квартиру Таничу. Двоюродная тетка жила в южной столице, там же, где Меньшов, Чуркин и другие. Танич не стал долго думать: объявил Насте о разрыве отношений и принялся собирать вещи. Настя погоревала день-другой и нашла утешение в объятьях загорелого электрика, который налаживал проводку в домах горожан. Танича неприятно поразила скорость, с которой Настя о нем забыла. Он позволил Насте на мобильный и потребовал объяснений. Настя отвечала, что не понимает претензий Танича: он ведь сам ее бросил. Танич утверждал, что подозревал в Насте склонность к измене и хотел проверить ее чувства. Настя ответила, что он выбрал для этого странный способ. Танич поинтересовался, где сейчас Настя: ему надо кое-что сообщить ей с глазу на глаз. Настя не пожелала отвечать на этот провокационный вопрос.

— Я знаю, — закричал Танич, — ты у этого сукиного сына!

— И что?! — завопила Настя. — Ты всё равно не знаешь, где он живет!

Однако Танич знал, где живет электрик, потому что в их небольшом городке почти все всех знали. Он поехал туда, чтоб потребовать объяснений. Электрик

встретил его на пороге в майке и семейных трусах. Вышел разговор на повышенных тонах, который со временем перерос в драку. Танич сломал электрику нос, а электрик вывихнул Таничу мизинец. Соседи с интересом наблюдали за сценой. Приехала полиция, бузотеров арестовали. Освободившись, Танич не стал более задерживаться в постылом городишке: побросал нехитрые пожитки в чемодан и отбыл в направлении новой жизни.

Новый город ему не понравился: душный, пыльный, люди злые. Впрочем, его старый город после происшествия с Настей нравился Таничу еще меньше. Первые дни Танич бесцельно шатался по улицам. В новой квартире было слишком много старых вещей, спальня пропахла кошачьим кормом. Танич собирался вынести старье и переклеить обои, но никак не мог начать ремонт. Проходили дни, недели; Танич ничего не делал. Он оправдывал себя тем, что у него полно забот, но на самом деле большую часть времени он проводил в парке, посасывая пиво, или валялся на диване перед включенным телевизором, слушая успокаивающий звук телевизионных помех. Старая мебель зарастала пылью. Танич от скуки теребил стрелку часов на поломанном будильнике или собирал пальцем грязь на полу. Но вот настал день, когда Танич скинул оковы лени и засучил рукава. Через полчаса он закопался в тетиных пластинках: у тети была огромная коллекция. До самого вечера Танич бережно перебирал винилы. На следующий день так и не смог вспомнить, почему не занялся уборкой. С горя пошел в кабак, чтоб выпить, но на полпути передумал, вернулся и уснул на диване, подложив руки под голову.

Деньги, скопленные за годы безмятежной жизни в провинции, заканчивались. Пришла пора искать работу. Танич отправился в бюро занятости, но там была большая очередь, и Танич не стал ее занимать. Увидел на стене объявление: требуются рабочие на завод. Душа стремилась к искусству, и Танич пошел в театр. Через десять минут после начала представления он крепко спал. Храп Танича вызвал негодование почтенной публики. Танича вывели из зала со скандалом. Пожилая женщина из первых рядов всё норовила ткнуть Танича пальцем в глаз. Танич задумался, почему его в последнее время тянет в сон; неужели он чем-то болен? Он записался на прием к терапевту в местную поликлинику. Бабушки в очереди смотрели на Танича с неодобрением. Наконец Танич вошел в кабинет. Медсестра куда-то отлучилась, а врач положил голову на бумаги и задремал; это был пожилой мужчина с кожей, похожей на древний пергамент. Полночи внуки не давали ему спать, гремя чем-то в детской, а тут выдалась свободная минутка. Танич сделал вывод, что раз даже доктор спит в рабочее время, то Танич ничем не болен, просто в этом городе все любят поспать. Он вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

У тети был старый компьютер, и Танич на оставшиеся деньги провел Интернет. Выяснилось, что Танич знаменит. В Интернете его знали, как Солнечного Зайца, потому что Танич оставлял ножом рисунок зайца на остаточных кусках жертв. Танич приятно удивился своему значению для общества. На форуме сайта о серийных убийцах он нашел тему, посвященную его преступлениям. Полный приятных надежд, взялся за чтение. Его ждало

разочарование: Танича обвиняли в подражательстве, в отсутствии собственного почерка и вкуса. К тому же последнее убийство он совершил больше года назад, и тема была заброшена. Танич зарегистрировался на форуме, чтоб представиться фанатом Солнечного Зайца и оживить тему, ответив на выпады критиков. Однако ему пришло в голову, что никто не поверит человеку, у которого на форуме всего одно сообщение. Следовало заработать репутацию, оставляя сообщения во всех темах подряд. К сожалению, Таничу не хотелось писать во всех темах подряд, ему хотелось писать только в теме о Солнечном Зайце. Так ничего и не написав, он выключил компьютер. Надо было что-то делать с жизнью, которая катилась под откос. Танич пораскинул мозгами и вышел на улицу. По скверу гуляло много нарядных детей, но убивать не хотелось. Хотелось пить пиво и плевать в потолок. Пошел дождь. Танич купил газету и спрятался на автобусной остановке под навес. В газете он впервые прочел о маньяке, который похищает и убивает девочек не старше десяти лет. Поначалу Танич не мог вникнуть в смысл статьи. Ему казалось, что он единственный серийный убийца если не в стране, то хотя бы в городе. Наличие другого маньяка не укладывалось в голове. Поразмыслив, Танич зло усмехнулся: если анонимные обитатели Интернета с легкостью разделились с Солнечным Зайцем, то что же они напишут об этом банальном убийце. Он поспешил домой, чтоб проверить свою догадку. Включил компьютер и быстро нашел тему о маньяке, которого в Интернете прозвали Молнией, потому что он похищал детей внезапно, как удар молнии. Танич читал тему и не

верил глазам: Молнию хвалили. Ею восхищались. Утверждалось, что Молния прославит южную столицу своей не имеющей аналогов жестокостью. Танич попытался внести немного здоровой критики в тему, но его забанили на форуме как тролля. Модератор так и написал: «Троллей с одним сообщением и сегодняшней датой регистрации баню беспощадно». Танич не знал, кто такие «тролли» и что значит «забанили», но писать на форуме он больше не мог. Он выключил компьютер и тихо сидел в темноте. За окном шептал дождь. В туче водяных брызг проносились автомобили. Ревели гудки. Свет фар время от времени заливал комнату, и длинные тени метались в агонии по стенам и потолку. Затем снова наступала темнота; Танич слушал ее тихое дыхание. Ему хотелось умереть или хотя бы уснуть навсегда. Впрочем, умирать не хотелось, потому что это, наверное, больно. Танич твердо решил пойти на завод; серийных убийц много, а рабочих не хватает. Сложная, но нужная стране работа среди станков внесет в его жизнь ясность.

На следующее утро Танич оделся поприличнее, тщательно почистил ботинки, навел прочего лоску. Явился на завод щеголем. На проходной ему вежливо объяснили, где находится отдел кадров. Сердце колотилось в груди от предчувствия новой жизни. Танич тихонько постучал в тяжелую деревянную дверь с потертой табличкой «Отдел кадров». Никто не ответил. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь: пусто. На письменном столе работал вентилятор, вкрадчиво шуршали бумаги, жужжал ноутбук. Из-за угла выглянула уборщица с тряпкой, сочащейся грязной водой, и пояснила, что начальник

отдела кадров вышел на пять минут и скоро вернется. Танич обливался потом от страха. Его подташнивало от запаха канцелярских принадлежностей. Он присел на скамейку в коридоре, встал, снова присел. Бухтел старенький кондиционер. Воздух был сырой, плотный, дышать тяжело. Прошло ровно пять минут; на лестнице слышались голоса. Танич решил, что прождал достаточно долго и пошел в противоположную от голосов сторону. Уборщица позвала его: молодой человек, а вот и Станислав Петро... Танич побежал. Голоса затихли вдали. Более на завод Танич не возвращался.

Глава девятая

Гордеев собирался провести вечер за изучением улик, но вместо этого сел у окна и уставился на крышу соседнего дома. Крыша оцетинилась антеннами. Вода стекала в водосточные трубы. Человек в серой куртке возился с кабелем у самого края крыши. Он был без головного убора, мокрые волосы облепили похожую на тыкву голову. Гордеев ждал, что человек вот-вот сорвется, но человек не срывался. К нему на крышу забрался другой человек, худой и бугристый, и они замерли в миллиметре от пустоты. Дождь лил им на согнутые спины, хлестал бока водяными розгами. Гордеев хотел бы оказаться рядом с отважными работниками. Он даже привстал немного, собираясь к ним пойти, но тут же уселся поудобнее. Ему наскучило смотреть в окно, и он задернул штору. Вызвал по телефону проститутку Зину. Зина явилась тотчас же:

пышущая здоровьем, счастливая, в строгом черном платье до колен. Гордеев с печалью глядел в ее улыбающееся лицо. Он знал, что дни ее счастья сочтены, как, впрочем, и любого другого счастья на этой богом забытой планете. Зина разместилась в кресле напротив него, достала тонкую сигарету и закурила. На ее розовом лице проступили красные пятна. Вымазанные сиреневой помадой губы двигались как черви. Гордеев хотел спросить, чем, собственно, вызвано ее счастье, но промолчал. Зина сама рассказала: оказывается, она выходит замуж.

— За кого? — спросил Гордеев, сильно тоскуя.

— За Мишеньку.

Гордеев не знал, кто такой Мишенька. Зина объяснила. Оказывается, это тот самый молодой человек в бейсболке и кожаном плаще, который ударил Зину возле аптеки и затолкал ее в свой джип.

— Он же вас бьет, Зина, — тихо произнес Гордеев.

Зина стряхнула пепел с кончика сигареты.

— Ничего страшного, — сказала она. — Я не отлицаюсь умом; иногда меня стоит бить. Честно говоря, я совсем глупая. — Она затянулась. — А у Мишеньки два высших образования: ему лучше знать, когда и кого бить, вам не кажется? Иногда он рассказывает мне всякие умные вещи: прям заслушаешься. Знаете, меня заводят образованные мужчины. Вы меня тоже заводите; но вы на мне жениться не собираетесь, верно? А Мишенька собирается.

Гордеев не знал, что ответить. Я мертвая собака, хотел сказать он, собака с простреленной головой; ты выйдешь замуж за пса? В последнее время ему надоело сравнивать себя с мертвой собакой, но он всё равно сравнивал, как будто назло кому-то.

— У меня появился напарник, — сказал Гордеев, обращаясь больше к себе, чем к Зине. — Туповат, исполнительен, силен. У него есть одна забавная черта: он умеет понимать чужое горе. Скажите, Зина, а ваш Мишенька сумеет постигнуть ваше горе?

Зина не понимала, что он имеет в виду. На самом деле она ничего в жизни не понимала и не хотела. Когда-то она страстно желала выйти замуж, но это желание давно кануло в Лету; а ее теперешняя радость от скорой свадьбы — лишь рефлекс. Внутри Зина была как грецкий орех с усохшим ядром. Она что-то говорила, сама не понимая, что говорит, и что-то видела, сама не понимая, что видит. Она курила, не чувствуя вкус табака, и пила коньяк, который был топливом для ее усталых мышц. Гордеев вскоре понял, что говорит не с человеком, а с пустой скорлупой, наделенной обрывками воспоминаний. Он подумал, что Кошевой, вероятно, такой же, а его умение жалеть других — лишь внешнее проявление пустоты, которая в нем содержится. Может, все люди со временем становятся пустыми; одни раньше, другие позже. Возможно, размышлял Гордеев, скоро настанет и мое время. С грустью представил он будущее, в котором его прекрасный мозг усохнет, и он будет ходить в толпе таких же, как он, безмозглых теней, думая о повышении цен на картошку. Вскоре ему наскучило думать о будущем, и он стал выпроваживать Зину. Зина не хотела уходить. Она желала сидеть в кресле, потому что у нее устали ноги; к тому же ей нравилось пить коньяк в номере у Гордеева. Гордеев не любил делиться коньяком, и всякий раз, когда Зина выпивала третью рюмку, немедленно гнал ее прочь. Зина давно

заметила, что Гордеев прогоняет ее после третьей выпитой рюмки, и старалась наливать себе до краев, а содержимое третьей рюмки растягивала, как могла. Когда Гордеев приказывал ей покинуть номер, она начинала скандалить и утверждать, что выпила только две рюмки. Однако Гордеев не знал жалости. Зина же ради коньяка была готова на всё. Сегодня она пообещала Гордееву, что порвет с Мишенькой, если ей нальют еще рюмочку. Гордеев не наливал. Зина прыгнула в направлении бутылки, но задела ногой стол и уронила бокал. Бокал упал и разбился. Гордеев спрятал бутылку за спину. Зина опустилась на колени. Ее истерический смех заметался по комнате. Гордеев взял пьяную женщину за руку и потащил к двери. Зина упиралась коленями в пол, цеплялась ногтями за стену. Гордеев отпустил ее и позвонил охране. Явилась охрана. Зина повисла у охраны на шее, хвастаясь скорым замужеством. Ишь разгулялась, добродушно сказала охрана, схватила Зину за волосы и потащила к лифту. Гордеев с печалью наблюдал, как пьяную женщину волокут по коридору. Зина видела, что Гордеев на нее смотрит, и пыталась заплакать, чтоб разжалобить специального человека; к несчастью, заплакать не получалось, потому что она не чувствовала ничего, кроме удовлетворения за хорошо проделанную истерику. В лифте она успокоилась, вытащила из сумочки зеркальце и стала приводить себя в порядок. Гордеев весь осунулся от абсурдности происходящего. Он собирался убрать осколки с пола, но поленился, а горничную вызывать не пожелал. Не зная, куда применить свой недюжинный ум, он нажрался коньяку и позвонил Кошевому, чтоб узнать,

как у того получается искренне сочувствовать человеческому горю. Кошевой не мог ответить на звонок, потому что мучился от запора, сидя на унитазе. Гордеев же решил, что Кошевой не берет трубку, потому что презирает его за черствость и неумение сострадать. Шмыгая носом, Гордеев забился в угол. Ему хотелось стать маленьким, незаметным. Тоска разъедала душу, как кислота. Будет смешно, если кто-нибудь увидит меня, знаменитого сыщика, в таком плачевном состоянии, с грустью подумал он.

Эта мысль навела его на идею. Гордеев приоткрыл дверь, вызвал по телефону горничную, а сам снова забрался в угол. С замиранием сердца он ждал результата. Горничная заглянула в номер: простите, вы меня звали? Гордеев не отвечал. Горничная вошла внутрь. Ее тихие шаги звучали совсем рядом. Щеки Гордеева порозовели. Горничная остановилась перед ним: Гордеев увидел ее ноги в мягких тапочках и поднял голову, опять ничего не чувствуя, кроме скуки. Горничная смотрела на Гордеева без всякого интереса. Она повидала множество богатых клиентов на своем веку: все они сходили с ума по-разному. Ей был скучен очередной зажавшийся урод, скрючившийся на полу. Она повела носом: к тому же пьяный. Гордеев почувствовал себя глупо и встал.

— Чем могу быть полезна? — спросила горничная.

— Ничем, — ответил Гордеев.

— Очень хорошо, — сказала горничная. — Тогда я пойду.

— Совершенно верно. — Гордеев кивнул. — Спасибо, что откликнулись.

Он позвал ее, когда она готовилась перешагнуть порог:

— Простите...

Она обернулась:

— Да?

— Вы знаете, кто я такой?

Горничная покачала головой:

— Нет.

— Отлично, — сказал Гордеев. — Вы мне очень помогли.

Она кивнула:

— Рада была помочь.

Гордеев холодно улыбнулся.

Она вышла, сразу забыв о Гордееве. Ее больше занимал вопрос, получит ли в этой четверти сын трояк по математике или вытянет на четверку. Этот вопрос был скучен, как и вся ее жизнь, но горничная надеялась, что к концу жизни скука пройдет, и она поселится в собственном загородном доме с верандой. Сидя в кресле-качалке, она прочтет все или почти все книги в мире, а потом спокойно умрет, зная, что в мире не написано ни одной хорошей книги. Сына горничной звали Лёша. У Лёши в классе училась девочка по имени Женя Ермолова. У Жени недавно родился братик. Он постоянно кричал: Женя с ужасом и отвращением глядела на это сморщенное орущее существо. Мама таскала братика на руках, пытаясь укачать его, а папа вопил из кабинета, что ему мешают работать. О Жене, кажется, позабыли. Девочка тосковала. Когда братик засыпал в кроватке, она пыталась обратить на себя внимание, чтоб папа и мама вспомнили, что она тоже есть, ее зовут Женя, и она их дочь, но на нее шикали и требовали,

чтоб несносная девчонка убралась подальше. Женя ложилась на кровать и тихо плакала. Приходила мать и злым голосом требовала, чтоб она редела потише; иначе она ее, мерзавку такую, прибьет. Раньше мама никогда не звала ее мерзавкой, и Женя редела громче. Приходил отец. Он что-то кричал, братик просыпался, и квартира взрывалась от воплей. Женя затыкала уши, мама неслась к братику и брала его на руки, а отец наклонялся к Жене и шептал: ты нарочно, маленькая дрянь, нарочно выводишь меня из себя, да? Его красные глаза и кривящиеся губы пугали Женю. Она отворачивалась. Отец брал ее за подбородок и поворачивал лицом к себе: ты понимаешь, что мне надо работать? Понимаешь, что если я не буду работать, то нам нечего будет есть? Ты любишь конфеты? Конечно, любишь, вон как отъела мордашку на сладеньком; а если конфет не будет, а? Что если конфет не будет? Женя не знала, что случится, если не будет конфет; однако она боялась, что у нее больше не будет любящих родителей. По ночам она вспоминала времена, когда была маленькой: мама приходила к ней в комнату, зажигала ночник и шепотом рассказывала смешную сказку. Женя хихикала. Мама щекотала ей пятки, а потом целовала в щеку и уходила, оставляя дверь приоткрытой, чтоб Женя не боялась темноты запертого пространства. Эти дни ушли безвозвратно. В последнее время Женя почти не спала; ее сердце зажалось в тиски вечной боли.

Женин папа, которого звали Степан, по вечерам запирался в своем кабинете и сидел, обхватив руками голову. Он притворялся, что вопли маленького ребенка мешают ему работать, но на самом деле ему ничего не мешало работать, потому что

с работы его уволили три месяца назад. Он боялся признаться жене, что у него больше нет работы. Каждый день он уходил из дому в восемь часов утра и возвращался в половине седьмого вечера. Он хотел найти новую работу и для этого шел в кафе с бесплатным вай-фаем. Садился у окна с чашкой кофе и ноутбуком; искал через Интернет новое место. Вернее, собирался искать. Каждый раз вместо сайта с объявлениями о работе он заходил на сайт виртуального покера и проигрывал крупную сумму денег. Сбережения подходили к концу. Степан поначалу нервничал, когда проигрывал, а потом ему стало неважно. Вместо покера он сидел на «Одноклассниках», каждую минуту обновляя страничку, потому что надеялся, что кто-нибудь ему напишет или поставит его фотографии пятерку. Но никто ему не писал и пятерок не ставил. Вечером Степан собирал ноутбук и шел домой. Дома его всё бесило: особенно Женя, которая, по его мнению, лезла куда не следует. Супруга Степана, которую звали Катерина, относилась к мужу с уважением, потому что считала, что Степан работает в поте лица, чтоб обеспечить будущее их детей. В восемь вечера Степан садился за пустой письменный стол, включал настольную лампу и больше ничего не делал. Ближе к одиннадцати, когда младенец, мучающийся газиками, засыпал, Степан выключал свет и шел в спальню к Катерине; ложился на спину и думал о том, какое беспросветное будущее их ждет. Он обещал себе, что завтра обязательно найдет работу, но вместо этого опять играл в покер или сидел на «одноклассниках». Со временем он стал заходить к своей престарелой матери и забирать у нее

половину пенсии. Мать не возражала, потому что считала, что жизнь ее всё равно окончена, а деньги в могилу не заберешь. Однажды она попросила Степана, чтоб он привел с собой невестку и внуков: хочется посмотреть на них перед смертью. Степан что-то пробурчал в ответ и в тот же вечер проиграл половину маминой пенсии в футбольный тотализатор. Он пошел в кабаки и напился. Напившись, он ходил по улице и кричал, что он отличный менеджер и его не имели права увольнять. Кроме того, он утверждал, что он замечательный человек, а они все быдло, которое не в состоянии понять, какой он прекрасный работник: инициативный и трудолюбивый. На детской площадке Степан разогнал компанию подростков, глотавших «ягуар» из алюминиевых банок, и крикнул на весь двор, что он ни в чем не виноват, что так сложились обстоятельства и, конечно, не обошлось без происков недоброжелателей. Кто-то вызвал полицию, чтоб предотвратить пьяный беспредел: Степан еле унес ноги. Домой он вернулся в час ночи весь в синяках и царапинах; ноутбук где-то потерял. Ребенок вопил в кроватке, сжимая кулачки и поджимая ножки. Катерина помогла Степану снять ботинки: она утешала, хлопотала, целовала мужа в небритую щеку; ее худые плечи тряслись, а губы дрожали. Из комнаты выглянула Женя, вся в слезах, одетая. Подошла к отцу, закричала:

— Папа, мама так переживала, где ты был?!

Катерина развернулась и вlepила дочери пощечину:

— Не кричи на отца! Он работает не покладая рук; подумаешь, один раз напился!

Потрясенная дочь схватилась за щеку; слезы брызнули из темнеющих глаз. Степан заворочался на стуле:

— Правильно, не хрен... — Он сглотнул, пытаясь сдержать рвоту. — Дрянь маленькая, ишь какую морду отъела на папиных харчах...

Женя выбежала на улицу. Ночь накинула ей на плечи холодный плед. Фонари поливали асфальт электрической кислотой. Тонкий лед сковал края луж. Пелена черных туч надвинулась на сырую землю, как брошенное кем-то вскользь проклятье. Женя обняла себя за плечи; ее колотило. Она ждала, что за ней погонятся и вернут домой, но за ней не гнались. Облезлая кошка перешла ей дорогу и скрылась в кустах сирени. Сейчас я дойду до конца квартала и вернусь обратно, подумала Женя. Ей стало всё равно: пусть папа и мама не любят ее, плевать. Она проживет жизнь в одиночестве. Многие так живут; и она сумеет. Холод забирался под джинсы и тонкий свитерок. Теперь в моем сердце поселится вечная мерзлота, подумала Женя. Иногда она любила думать красиво; вообще же думать она не любила, предпочитая чувствовать, как все девочки ее возраста. Вот и конец квартала. Женя решила пройти еще один квартал, чтоб замерзнуть посильнее. Может, тогда ее, озябшую, шмыгающую носом, наконец, пожалеют. Она перешагнула трамвайные рельсы, блеснувшие отраженным электрическим светом, и свернула в темный переулок. Весной здесь было красиво, цвела вишня, а у обочины росли одуванчики. Октябрь превратил переулок в мрачное место. Под ногами хлюпала грязь. Фонари не горели. В окнах отражался слабый небесный свет.

За низким забором детского садика в кустах кто-то шуршал. Девочка подумала, что это бездомная собака, и подошла посмотреть. В душе Женя надеялась, что собака укусит ее за ногу, и она вернется домой бледная, истекающая кровью. Родители поймут, как были не правы, что обижали бедную девочку, обнимут ее крепко-крепко и напоят горячим чаем. Фигура в кустах выглядела побольше собаки. Женя позвала: эй! Фигура поднялась. Женя спросила: что вы тут делаете? Она уже жалела, что позвала фигуру. Фигура молчала. Женя сказала: извините, что помешала. Фигура подступила к ней. Женя пошла прочь. Она услышала за спиной шаги и побежала. Сначала ей было страшно; потом она споткнулась, упала, и страх ушел. Она лежала на холодной земле и думала, что нет большой разницы, умрет она здесь или медленно угаснет в одиночестве среди родных. Кто-то потрогал ее за плечо. Женя ничего не сказала, только съежилась и приготовилась. Сначала ей было больно. А потом — нет.

Когда к Ермоловым пришли из полиции, Степан как раз блевал в туалете, размышляя о сосущей пустоте, которая образовалась на месте его сердца. Катерина стояла молчаливая, с притихшим младенцем на руках. Степан взял себя в руки и больше не блевал. Когда полицейские ушли, он обнял Катерину и рассказал ей правду. Что у него давно нет работы. Что он ей врал. Что он пропил почти все сбережения. Что ему жаль. Он ждал, что жена заплачет и скажет, что, конечно, прощает его; они пройдут через это жизненное испытание вместе. Но она ничего не сказала. Он опустил перед молчащей женой на колени и иступленно гладил ей ноги.

Его маленький сын смотрел на него сверху и сосал пальчик. Я найду новую работу, обещал Степан. Поставлю на ноги сына. Сберегу вас. Катерина ушла в спальню — собираться. Младенец молчал. После исчезновения сестры он больше не кричал; ни разу.

— Я сделаю так, что мы снова будем счастливы, — сказал Степан. — Верь мне!

В тот же вечер Степан проиграл остатки сбережений в очко. У него было предчувствие, что он выиграет по-крупному, но он проиграл всё до копейки. Обессиленный от неудач, Степан поехал к маме. Мама помогла сыну раздеться, накормила и уложила в постель. Степан жаловался, что в семье его не понимают, жена злая и именно из-за нее пропала дочка. Всё плохо. Он старается изо всех сил, чтоб увидеть лучик света, но никто его не поддерживает. Мама гладила Степана по голове. Ее старые глаза плохо видели, а думать она почти разучилась; знала только, что к ней вернулся сын, которого она воспитывала в одиночестве, и он нуждается в ее помощи. Утром позвонила Катерина. Она попросила Степана вернуться домой: слишком много дел им предстоит, и она не в состоянии разобраться с ними сама. Степан завопил: я никогда не вернусь туда, где меня не любят, слышишь? Он швырнул трубку на пол, прыгнул в постель и залез под одеяло с головой. Он лежал, спрятавшись под одеялом, и тихонько спал. Из-за туч выглянуло солнце. Полоса света упала на постель и нагрела ее. Было тепло и уютно лежать, зная, что мама приготовит тебе поесть и сварит кофе, принесет тапочки, погладит по голове и не скажет ничего против: можно просто

лежать и спать, лежать и спать, и ничего не делать. И вот он лежит и спит, лежит и спит, лежит и спит и больше ничего не делает. К стеклу прилип желтый тополиный лист, края листа трепещут на ветру как крылышки моли, а Степан храпит во сне, и такое чувство, что этот человек никогда уже не проснется.

Глава десятая

Меньшов любил рассказывать коллегам историю, как он, будучи студентом университета путей сообщения, спас девушку от изнасилования. Никто ему не верил. Меньшов и сам себе не верил, потому что это была одна сплошная выдумка, если не считать пары деталей. Но он всё равно рассказывал, украшая историю всё новыми подробностями. И хоть коллеги не верили Меньшову, им восхищались, а некая замужняя женщина из бухгалтерии тайно по нему томилась. Самые предприимчивые коллеги, сообразив, что байка Меньшова имеет успех, тоже начали выдумывать себе подвиги: кто-то набил морду наглому гаишнику, кто-то вынул из петли друга, кто-то здоровался за руку с президентом или, наоборот, смело плюнул президенту в лицо. Этими историями восхищались, но не так сильно, как историей Меньшова. Меньшов, как основатель традиции рассказывать байки, задира л нос. Вскоре ему надоело слушать о чужих подвигах, и он начал критиковать их за явную недостоверность. Коллеги Меньшова замолкали на полуслове. Кто-то пыривался сказать: но ведь твоя история тоже ложь!

В ответ на это Меньшов презрительно кривил губы и уходил, не говоря ни слова. За глаза он называл последователей эпигонами, хоть и не знал точно, что это слово означает. Коллеги, задавленные чужим авторитетом, перестали рассказывать о своих подвигах. Для упрощения единственной реальной историей признали байку Меньшова.

На самом деле Меньшов не спасал девушку от изнасилования. Однажды вечером в состоянии алкогольного опьянения он возвращался домой по темному переулку и услышал за углом возню, а потом молодой женский голос позвал на помощь. Меньшов подумал, что девушке надо помочь, но вместо этого ускорил шаг и вскоре оказался на хорошо освещенной улице. Этот случай поразил Меньшова: раньше он считал, что незамедлительно кинется на помощь даме, попавшей в беду. А теперь выходило, что Меньшов трус. Меньшову не нравилось считать себя трусом: он стал нервным и озлобленным, на всех кидался. Со временем ему надоело на всех кидаться, и он выдумал историю о спасении несчастной девушки. Нельзя сказать, что он сам в нее поверил, но, по крайней мере, ему стало легче на сердце. К тому же не было достоверно известно, что девушку на самом деле изнасиловали; может, она звала на помощь, чтоб привлечь к себе внимание. Меньшов знал людей, которые выдумывали себе несчастья ради привлечения внимания; возможно, девушка, звавшая на помощь, как раз из таких.

Девушку на самом деле не изнасиловали, а пырнули ножом в живот, потому что она не хотела отдавать грабителю сумочку. Грабитель когда-то был примерным семьянином, но потом фирма, в которой

он работал, обанкротилась, и грабитель не смог более выплачивать ипотеку. Жена грабителя, узнав, что ее муж не в состоянии платить по счетам, после долгих терзаний разлюбила его и с тех пор не могла без содрогания смотреть в бескровное лицо «этого безработного», как она его называла. В один из вечеров, когда на ужин были «анакон» и кипяченая вода, она заявила мужу, что жалость унижает, а она давно не чувствует к нему любви, только жалость, и поэтому оставляет наедине с жестокой судьбой. На следующее утро она переехала к маме, которая встретила ее со словами «Ну я же тебе говорила». Будущий же грабитель пытался найти работу, но, увидев в темном переулке богато одетую девушку, решил вместо этого забрать у нее сумочку. Грабитель был тщедушный мужчина, а жертва ограбления попала крепкая: она хорошенько приложила грабителя сумочкой по голове. Оглушенный грабитель достал нож. С резаной раной на животе девушка не смогла более сопротивляться. Грабитель забрал сумку и побежал прочь. Грабитель был интеллигентным человеком: он очень переживал за совершенный поступок. Ему не хватило выдержки добраться до подходящего укрытия, чтоб вдали от посторонних глаз проверить содержимое сумочки, и он раскрыл сумочку прямо на мосту. Внутри он нашел пустую косметичку, помаду, связку ключей и кошелек, в котором лежало три рубля. Пораженный находкой, грабитель прыгнул с моста в реку, желая умереть, но выжил и выплыл на берег возле дамбы. Он безумно хохотал и комкал в руках косметичку. Дальнейшая его судьба неизвестна. Девушка тоже выжила, но после удара ножом предпочитала

ни с кем не разговаривать и вышла замуж за такого же молчаливого человека, как она. Девушку звали Людочка. Она работала секретарем при Меньшове. Слыша в очередной раз байку шефа, она замирала и молча поглаживала через платье шрам на животе. Меньшов тоже любил себя поглаживать, поэтому относился к действиям Людочки без особого удивления. В целом вид поглаживающей себя женщины возбуждал в нем странные чувства. Он не подозревал, что Людочка — та самая девушка, а если б и подозревал, — ему было всё равно.

В последнее время на Меньшова накатывали приступы необъяснимой печали. Он не хотел себе в этом признаваться, но, похоже, причина была в том, что Чуркин перестал с ним дружить. Сначала Меньшов собирался извиниться перед Чуркиным, но потом решил, что это Чуркин должен извиняться. По прошествии времени Меньшов осознал, что никто ни перед кем извиняться не должен. Вообще извиняться — глупая человеческая традиция. С возрастом Меньшов разочаровался в человечестве, потому что считал, что оно погрязло в традициях, отринув свободу самовыражения. Меньшов же был сторонником прогресса и выступал за искоренение ритуалов. Поэтому он стал ждать случая, который снова сведет его с Чуркиным. Но случай никак не происходил. Чуркин уходил с работы сразу после окончания рабочего дня, нигде более не задерживаясь. Меньшов старался попасться ему на глаза, но из этого не выходило ничего путного: наоборот, Чуркин начал избегать встреч. Он сторонился Меньшова, потому что заметил, что в последнее время тот следит за ним, и испугался, что Меньшов что-то

подозревает. Чуркин раздражался по пустякам и часто огрызался на замечания начальства. Начальник, видя, что происходит с Чуркиным, собирался уволить его, но ему лень было тратить время на скандал с маргинальным работником, и он оставил хама в покое. Меньшов же, не подозревавший о страхах Чуркина, поджидал его то у главного входа, то на автобусной остановке, притворяясь, что читает газету или играет в «Angry birds». В сердце Чуркина поселился настоящий ужас: Меньшов не давал ему проходу. Чуркин едва сдерживался, чтоб не завопить: да что тебе от меня надо?! — но молчал, потому что боялся, что подобный вопль выдаст его с головой. Про себя он называл Меньшова «божьей карой».

Меньшова поразило то ледяное спокойствие, с которым Чуркин отнесся к его преследованию; он понял, что проиграл, и решил явиться к Чуркину домой, чтобы прямо спросить его о причинах, которые разрушили их дружбу. Решение пришло в пятницу, а в субботу полил дождь, и Меньшов никуда не пошел. Впрочем, он бы не пошел, даже если бы день выдался солнечный, потому что намеревался отдохнуть после долгой рабочей недели. В воскресенье Меньшов провалился в постели до полудня: ему снился приятный сон. Проснувшись, Меньшов в течение часа пытался вспомнить содержание сна, но так и не вспомнил. Он заварил кофе, но забыл его выпить. Сел на диван перед телевизором. Долго перебирал каналы. Ему казалось, что он должен сделать какое-то важное дело, но не мог вспомнить, какое именно. По телевизору показывали документальный фильм про ежей. Меньшов недолюбливал ежей за их колючки, но переключать

не стал, потому что по другим каналам, наверно, идет что-то еще более скучное. В течение получаса Меньшов наблюдал, как ежи рождаются, взрослеют, питаются насекомыми и бессмысленно существуют, зарываясь носами в порыжевшую хвою. У Меньшова затекла нога, но ему было лень шевелить ею. Ветер за окном свистел, дым из трубы дальнего завода жирной змеей полз на восток. Меньшов вообразил, как бесконечная вереница мигрирующих ежей тянется через город, попадая под колеса машин. Представив раздавленных ежей, размазанных по проезжей части, он неожиданно вспомнил, что собирался к Чуркину. Встал и тут же сел, пока еще не понимая, зачем встал и зачем сел. Строго говоря, Чуркин ему не нравится: крайне неприятный тип. А на улице ветер и собирается дождь. Еще не хватало простудиться. Думая так, Меньшов одевался. Нельзя сказать, что он одевался осознанно, скорее неосознанно. Он поднял воротник пальто, чтоб защитить горло от ветра, и обмотал шею шарфом. Вызвал такси. Такси на вызов ехало долго, потому что таксист только что получил эсэмэску, что его сыну грозит восемь лет лишения свободы в колонии строгого режима. Таксист помнил сына, когда тот был младенцем: как он весело смеялся, когда таксист кружил его на руках. Он был добрый малыш; почему же он до смерти избил в пьяной драке друга? По дороге таксист пару раз останавливал машину, чтоб выйти и подержаться рукой за телеграфный столб; он задыхался от страха за будущее единственного ребенка. Когда Меньшов, наконец, дождался машины и сел, он заметил, что таксист ненатурально бледен и молчалив. Он подумал, что

таксист, наверно, выпивал вчера, а теперь мучается с похмелья. Меньшов предпочитал думать о людях самое плохое: так реже ошибаешься. Он назвал таксисту адрес, и таксист повез его, погруженный в приятные воспоминания о сыне, который, будучи восьмимесячным младенцем ползал за ним, хватал за брючину и что-то лопотал по-детски. Таксист долго размышлял об этом, но вскоре устал думать и больше ни о чем не думал. Меньшов же, поудобнее устроившись на сиденье, мечтал о свежей клубнике. Он не любил клубнику, но поздней осенью ему всегда хотелось именно клубники. Впрочем, если б ему на самом деле предложили клубники, он бы отвернулся и не стал есть из чужих рук.

Машина прибыла на место. Меньшов вышел и расплатился с таксистом. Таксист не глядя сунул деньги за подкладку пиджака и укатил в серый туман; на самом деле он хотел бы уехать напрямик в ад, но не знал, в какой стороне ад находится и хватит ли у него бензина, чтобы туда доехать. Меньшов огляделся: район для проживания Чуркин выбрал самый мрачный. Крыши желтых хрущевок облепили вороны. Цыганчонок катил тележку с тряпьем вдоль бордюра. Подозрительные люди обступили старую «девятку» и о чем-то спорили простуженными голосами. Меньшов ускорил шаг. Он хотел бы сделаться комаром, чтоб его не замечали. Почему Чуркин живет в таком отсталом месте?

Вскоре Меньшов приблизился к нужному подъезду. Тучи затянули небо, стало темно как в лесу. Меньшов осторожно поднимался по выщербленным ступеням на пятый этаж. Лампочка горела только на первом. Чем выше Меньшов поднимался,

тем становилось темнее. Под ноги лезли какие-то палочки, ломти засохшей грязи, камешки и другой сор. На площадке между четвертым и пятым этажом Меньшов впервые почувствовал вонь. Воняло нестерпимо; он зажал нос, но это почти не помогло. Самая ужасная вонь стояла возле квартиры Чуркина. Меньшов замер возле двери, не решаясь позвонить. «Канализацию у него, что ли, прорвало? — размышлял Меньшов. — Впрочем, это не мое дело». Дверь в соседнюю квартиру приоткрылась, и Меньшов от неожиданности вздрогнул. Наружу высунула нос столетняя старуха с трясущимися руками. Она смотрела то ли на Меньшова, то ли мимо него, ее губы дрожали, а под вялым подбородком болтался морщинистый кожаный мешок. Как у пеликана, подумал Меньшов. Старуха-пеликан подняла крючковатый палец, словно хотела что-то сказать, но ничего не сказала, втянула голову в помещение и закрыла дверь. «Может, это от нее воняет?» — подумал Меньшов. Он повел носом: нет, воняло определенно из квартиры Чуркина.

Чуркина как раз не было дома. Он ушел по важным делам и забыл запереть дверь. Обычно Чуркин поворачивал ключ в замке на максимальное число оборотов. Вынув ключ, он дергал дверь за ручку, чтоб убедиться, что она не открывается. По пути на работу, не в силах вспомнить, закрывал он дверь или это ему приснилось, мчался обратно и проверял; успокаивался, но ненадолго. Потом целый день мучился на работе. Как назло именно в это воскресенье он был твердо уверен, что дверь заперта. В голове утвердилось воспоминание, как он тщательно запирает дверь, дергает за ручку и, убедившись, что

дверь не открывается, спускается по лестнице. На втором этаже, измучившись сомнениями, решает проверить: вдруг не запер. Бежит наверх, тянет дверь на себя: все-таки заперта. Эти воспоминания относились к субботе, но страдавший бессонницей Чуркин давно потерял счет одинаковым серым дням.

Меньшов позвонил, но никто не ответил. Он позвонил еще раз, и снова никто не ответил. Кнопка звонка была липкая от грязи и жира. Меньшов решил позвонить в третий раз для очистки совести, но не позвонил; он заметил, что дверь не заперта. Повернул ручку и застыл на пороге. Запах стоял почти осязаемый. Меньшов окунулся в вонь, как в мутную воду. В темноте чернели груды мусорных мешков. Меньшов моргнул: в последний раз он был у Чуркина полгода назад. Тогда его квартира была мрачным местом, в котором Меньшов страдал от скуки. Но сваленного куда попало мусора не было. Меньшов пощелкал выключателем в прихожей; свет не зажегся. На цыпочках он прокрался на кухню. Сквозь задернутые шторы сочился тусклый свет. На столе, накрытом старой клеенкой, лежала тарелка с разлагающимися обедками. По обедкам, питаясь, ползали тараканы. Меньшову казалось, что он сходит с ума: комната поплыла перед глазами. Он попробовал отдернуть штору, чтоб впустить в комнату побольше солнца, но та не поддавалась. Дернул еще раз — безрезультатно. В груди поднялся жар, горло сдавило, ладони высохли, как бумага, на лице выступил пот. Он захотел выпить чего-нибудь холодного и открыл холодильник. В холодильнике не было ничего кроме банки красных ягод. Меньшов видел эти ягоды раньше, но не помнил названия.

Он потрогал банку: на влажном стекле остался отпечаток указательного пальца. Меньшов закрыл холодильник. Вернулся в прихожую, аккуратно перешагивая мусорные мешки. Он почти перестал замечать вонь, да и тошнота прошла; чтоб не бояться, он просто ни о чем не думал. К счастью, он хорошо умел это делать. Заглянул в гостиную: темно и ни души. На старом телевизоре темнел холщовый мешок, набитый мусором до отказа; дно мешка протекало. Меньшов не стал особенно приглядываться, что за жидкость вытекает из мешка, потому что вообще не любил приглядываться: у него от этого болели глаза. Он толкнул дверь в спальню, но она оказалась заперта. Из спальни послышался тихий детский голос. «Пожалуйста...» Меньшов не поверил своим ушам. «Пожалуйста...» — повторил голос. Меньшов, чтоб не слышать голоса, развернулся и поспешил к выходу. Споткнулся о мусорный пакет и чуть не упал. Из пакета что-то вывалилось. Меньшов не стал смотреть, что именно вывалилось. Дверь скрипнула; сердце Меньшова ухнуло в пятки. Он замер на месте, готовый закричать. К счастью, это был всего лишь сквозняк. Меньшов пулей вылетел из страшной квартиры. Бежал он долго, не помня себя от ужаса. Очнулся перед супермаркетом «Солнечный круг». Немолодая женщина в черном платке странно на него смотрела. В руках она держала распечатанную на листе формата А4 фотографию улыбающейся девочки; внизу чернела надпись большими буквами: «ПРОПАЛ РЕБЕНОК, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ». Дочь этой женщины пропала больше месяца назад, и бедная женщина уже не верила, что ей кто-то поможет, но всё равно

выходила на улицу с фотографией ребенка и приставала к прохожим возле супермаркета с просьбой о помощи. Прохожие отворачивались и старались отойти от нее подальше, чтоб не подцепить микроб чужого несчастья. В администрации супермаркета посчитали, что поведение женщины мешает торговле, и обратились в полицию, чтоб та предотвратила появление безумной тетки у дверей магазина. Полиция заявление приняла, однако с мерами по оказанию противодействия не спешила. Меньшов уставился на фотографию девочки. Женщина, поблескивая глазами, приблизилась к нему и подняла фотографию повыше, чтоб Меньшов получше разглядел лицо ее единственной дочери. У Меньшова пересохли губы.

— Здравствуйте, — сказала женщина так тихо, как будто в целом мире царила мертвая тишина.

— Здравствуйте, — так же тихо ответил Меньшов.

— Вы не видели мою девочку? — спросила женщина.

— Нет, — помолчав, сказал Меньшов.

— Спасибо, — сказала женщина.

— Не за что, — сказал Меньшов.

Женщина опустила фотографию. Меньшов вспомнил, что дома закончился хлеб, и зашел в супермаркет. Кроме хлеба он взял гроздь бананов, полкило копченой колбасы и килограмм сахара, потому что сахар дома тоже закончился, а еще кофе, потому что кофе подходил к концу, а в «Солнечном круге» продавался как раз тот недорогой сорт кофе в зернах, который Меньшов предпочитал пить; в отделе консервированных продуктов он прихватил свиную тушенку, потому что давно не ел тушенки

и решил поесть ее с вермишелью, но вспомнил, что вермишели дома тоже нет, и вернулся в отдел круп и изделий из теста. Он долго метался между полками, выбирая нужный сорт. Там было потрясающе много всякой вермишели, и лапши, и круп, и Меньшов совсем потерялся в этом разнообразии. Голова у него пошла кругом, и он схватил первую попавшуюся пачку. Молодая девушка с бэджиком на груди подошла к нему и спросила, чем она может помочь. А Меньшову как раз нужно было, чтоб кто-нибудь ему помог, именно в ту минуту он сильно нуждался в чьей-нибудь помощи, но у него не было друзей, которые могли бы помочь, и он попросил девушку, чтоб она открыла стеклянный шкаф, в котором хранятся крепкие алкогольные напитки. Девушка долго искала ключ от шкафа, но так и не нашла. Вызвали менеджера. Менеджер пришел не сразу: он хмурился и отвечал недовольным голосом, потому что его разбудили посреди приятного сна. Наконец шкаф открыли. Меньшов не глядя положил в корзину несколько бутылок: коньяк, ром и, кажется, виски. Далее ему пришлось выстоять длиннющую очередь. Работала всего одна касса, и пожилой мужчина в очереди возмущался, почему только один кассир на рабочем месте. Он требовал вызвать менеджера. Однако менеджера не вызвали, потому что он опять уснул и строго-настрого наказал не будить его до четырех. Девушка на кассе не смотрела в лица покупателям. Меньшову так хотелось, чтоб она посмотрела на него, но она не посмотрела. Она положила деньги в кассовый аппарат, подождала, когда машина распечатает чек, и отдала его Меньшову. Меньшов взял чек и с полным

пакетом еды вышел на улицу. На тополях дрожали последние листья. В лужах отражались грязные ботинки. На балконе женщина прикрывала белье от дождя полиэтиленовой пленкой: ветер задирает углы пленки, она поправляет их, ветер снова задирает, она снова поправляет. Небритый мужчина подошел к Меньшову стрелкнуть сигаретку. Меньшов протянул ему чек. Небритый мужчина потоптался на месте и отошел в сторону, размышляя, сколько странных людей ходит по улицам родного города. Меньшов дождался маршрутки и забился на заднее сиденье. Нельзя сказать, что он чего-то боялся или о чем-то думал; он не думал вообще ни о чем, просто глаза у него были пустые, а руки тряслись, и бутылки позвякивали в пакете.

Глава одиннадцатая

Чуркин не сразу понял, что в его квартире кто-то побывал. Вернувшись с вещевого рынка в новых ботинках, он без сил опустился на пол и свернулся калачиком, разглядывая ползающего по обоям жука. В форточку стучала тополиная ветка, и Чуркин уснул под этот мерный стук. Ему снилась прозрачная скала. Он застыл в этой скале, как древний москит в куске янтаря, с приятным чувством, что делать ничего не надо, только беззвучно находиться на своем месте. Проснувшись в три часа ночи от неясной тревоги, Чуркин встал не сразу: немного полежал, размышляя о бесконечности космических пространств. Люди представлялись ему песчинками, высыпанными на Землю щедрой рукой

безучастного творца. Чуркин не верил в бога, но любил подумать о нем, как о саркастическом создании, которому нравится наблюдать за страданиями разумных песчинок. В другое время Чуркин воображал бога мохнатым шаром, который катится по земле, пожирая человеческую плоть, как в кинофильме «Зубастики-2». Портсигар больно уткнулся в бедро, и Чуркин привстал на локтях, созерцая свои владения. Дед его был атеистом, и Чуркин тоже решил стать атеистом, хотя по большей части ему было всё равно, есть бог или нет. Он подумал о тревожной мысли, которая его разбудила: с чем она связана? Неужели с тем, что Чуркин так и не выбрал на рынке новую куртку? Вряд ли. Чуркин открыл холодильник и поморгал, привыкая к холодному белому свету. Банка с ягодами стояла на месте: на ее стеклянном боку остался отпечаток пальца. Чуркин сглотнул: он относился к банке бережно, потому что она каким-то образом была связана с запертой спальней, в которую он боялся заходить, и никаких отпечатков не оставлял — просто не мог оставить. Он кинулся к входной двери. Вспомнил: дверь была открыта, когда он вернулся. Тогда он не придавал этому значения, как не придавал значения своей жизни; в сущности, размышлял Чуркин, и теперь нет никакой разницы. Он открыл сейф, в котором хранился незарегистрированный пистолет, оставшийся ему от отца. Вынул его; повертел в руках, размышляя, куда лучше приставить ствол — к виску или ко лбу, но так ничего и не надумал. Спрятал пистолет обратно в сейф. Прислонился спиной к стене и сполз на пол: неважно, побывал кто-то у него или нет. Теперь этот кошмар закончится.

Чуркин ждал утра, потому что решил, что за ним придут именно утром. Солнце поднялось в обноскоках черных туч; никто за ним не пришел. Чуркин хотел почистить зубы, но вспомнил, что зубная паста засохла, потому что он забыл закрыть тюбик крышкой, а новой пасты он не купил; поэтому чистить зубы он не стал, а заодно не стал умываться, потому что не видел в этом смысла. Чуркин видел смысл приводить себя в порядок ради дорогих ему людей, а ради ментов, которые придут за ним, приводить себя в порядок не желал. Он кинул в рот пару ягод, стараясь не глядеть на отпечаток пальца, запил прокисшим молоком и сел на стул, повторяя про себя: сейчас я пойду на работу, сейчас я пойду, и уснул. Через минуту проснулся и пошел на работу. Он опоздал на полчаса, но начальник тоже опоздал, поэтому никто его не отчитал. Он ждал, когда откроется дверь в помещение и полицейский в фуражке заглянет внутрь и потребует Чуркина в коридор; но никто Чуркина не потребовал. После обеда заглянула Людочка. Она спросила, не видел ли он ее начальника, Меньшова. Чуркин ответил, что не видел. Чуть позже Меньшов сам позвонил Людочке и предупредил, что сегодня не придет, потому что заболел. Людочка расположилась у окна и застыла, не желая ничем заниматься. Она увидела сидящую на скамейке молодую девушку, которая читала книгу, спрятавшись от дождя под зонтом цвета шафрана. «Вот дура», — подумала Людочка. Затем она подумала, что сыну надо купить очки, потому что он совсем испортил глаза, сидя за компьютером. Она решила, что придет сегодня домой и выскажет мужу всё, что о нем думает: во-первых, он купил

сыну компьютер, чтоб не проводить с мальчиком время; во-вторых, она несчастлива в браке. Поразмыслив, Людочка пришла к выводу, что после этих слов ничего не изменится: муж промолчит, сын промолчит, а она пойдет в «Оптику» и купит мальчику очки. Принесет домой, но сын не станет их носить, и очки проваляются в углу, покрываясь пылью, как вся ее жизнь. Она погладила живот: шрам отозвался застарелой болью. Когда-то она была веселой неунывающей девушкой, любила жизнь и людей, а потом ее чуть не прирезали из-за сумочки, в которой было три рубля и помада. В кабинет вошел системный администратор. Он спросил, где Меньшов. Людочка не ответила, и системный администратор вышел.

Девушку, которая читала на скамейке под дождем, звали Надя. Она была четверокурсницей с журфака. Из всех книг Надя предпочитала те, которые ей нравились. Поэтому она читала книги про любовь. Муж ее, учившийся на пятом курсе журфака, выступал за свободные отношения. Он изменял Наде, в чем открыто ей признавался, и настаивал, чтоб и Надя изменяла ему, утверждая, что это укрепит их брак. Надя вслух соглашалась с мнением мужа. Выкроив свободную минутку, она говорила ему, что идет к другому мужчине, а сама шла в парк читать книги. В этих книгах мужчина любил женщину, женщина любила мужчину, и никто никому не изменял. Надя была рада за героев книги и подумывала о самоубийстве. Однако она прочла в каком-то женском журнале, что самоубийство закрывает дорогу в рай. Нельзя сказать, что Надя верила в рай, но в ад верила точно. Однажды Надя спросила у мужа, почему он не сказал ей до свадьбы, что

выступает за свободные отношения. Муж признался, что до свадьбы верил в моногамию, но Светочка с филфака поколебала его уверенность. Надя красочно описывала мужчин, с которыми у нее якобы была связь, надеясь вызвать в супруге ревность, но мужа ее рассказы только раззадоривали. Они ютились в общежитии, в комнате с тонкими стенами, и соседи их часто подслушивали. Надя очень стеснялась, а муж, наоборот, не стеснялся. Поздно ночью он засыпал, раскинувшись на кровати. Рано утром Надя вставала, чтоб погладить ему брюки. Потом шла на пары. Затем в парк — читать. Вечером у нее болела голова. Муж относился к Надиной мигрени с пониманием и, чтоб не беспокоить ее, тихонечко уходил к любовнице. На нем были брюки, которые Надя погладила, и белая рубашка, которую Надя постирала. Надя перестала ходить в парк и на занятия, лежала в кровати и хандрела; муж решил сделать жене сюрприз и нашел ей любовника среди своих друзей, которые тоже выступали за свободные отношения. Надя устроила безобразный скандал. Мужу было стыдно перед другом; он так и сказал Наде. Надя не знала, что на это ответить, и поэтому ничего не ответила. Вскоре она возобновила походы в парк, но мужу об интрижках на стороне больше не рассказывала. Муж сначала сердился, а потом решил, что тут ничего не поделаешь, и в самом деле не стал ничего делать. С очередной любовницей у него не заладилось, и он проводил дни, играя в «Battlefield 2» по сети.

Надя чувствовала, как у нее в душе отмирает что-то важное. Ей ничего не нравилось, мир опостылел, а люди, которых она раньше считала друзьями, вызывали раздражение. Люди, видя

такое к ним отношение, стали отдаляться от Нади. Вскоре Надя осталась совсем одна. Ее прекратили звать в гости; а на свингерские вечеринки, которые устраивали друзья мужа, она не желала ходить сама. По вечерам она гуляла по улицам со своим любимым зонтом шафранного цвета. В городе появился особо опасный маньяк, и Надя почти желала, чтоб он убил ее, но он убивал только маленьких девочек. Со временем Надя устала бродить по холодным улицам. Она проводила вечера в кафе за чашечкой капучино. Иногда ей хотелось, чтоб кто-нибудь подсел к ней, а иногда не хотелось. В любом случае к ней никто не подсаживался. В синих окнах краснели огни большого города. Шумные компании оглашали зал громким смехом. В кафе царило коллективное веселье. Надя тихо сидела перед чашечкой, в которой медленно остывала светлокориичневая жидкость. Однажды рядом с ее столиком остановился небритый мужчина. Надя сначала подумала, что мешает ему пройти, и подвинулась вместе со стулом, освобождая проход. Но мужчина продолжал стоять. Надя посмотрела ему в лицо и испугалась, но не за себя, а за него. Мужчина весь трясся, моргал и шевелил серыми как пепел губами. Его худое тело облепил мокрый костюм — хоть выжимай, — под ботинки натекла большая лужа дождевой воды. Он был сильно пьян, но Надя не почувствовала угрозы; только жалость. Она подскочила.

— Вам плохо? — Она схватила его за рукав. — Сядьте, пожалуйста.

— Простите. — Он прижал руку к груди. — Я немного пьян; у меня есть на это некоторые основания...

— Случилось что-то плохое? — испугалась Надя.

— Да, пожалуй... но я сейчас не об этом... — Он схватился за край столешницы, чтоб не упасть. — Дело в том, что когда-то я видел вас в парке, мечтал о вас дни напролет, а потом вы ушли, и я вас забыл...

Надя ничего не понимала.

— Но сейчас увидел и вспомнил, — быстро сказал мужчина. — Вы читали в парке книгу, а я хотел к вам подойти, потому что видел вас на открытке или еще где-то; вы были моей детской мечтой, единственным светлым воспоминанием. Боже, знали бы вы, кем вы для меня были, но вы не знали, никто не знает, кто он и для кого...

Надя бессознательно погладила пьяного мужчину по руке.

— Меня зовут Меньшов, — представился он после долгой паузы. — Я знаю, это глупо, что я к вам подошел без причины, я идиот, вы возненавидите меня и будете правы, или того хуже: отвернетесь и промолчите, умоляю, только не это: лучше накричите на меня и прогоните прочь. Я дурак, что подошел к вам, теперь я вижу: у вас кольцо на безымянном пальце, вы замужем, и я не имею никакого права быть здесь... — Он прижал ладонь к лицу. — Боже, что я сделал со своей жизнью, вы понимаете, что я сделал? Никто не понимает, никто никого не понимает, все только о себе и для себя, но вы же понимаете? — Он убрал ладонь с лица и горячо зашептал: — Вы такая красивая, но это ладно; разве мало красивых женщин в этом хмуром городе, красавиц с белыми лицами из сверкающего снега, сердцами из вощенной бумаги, вы милая, таких не

осталось, безотчетно милых, настоящих женщин, которые ради любимого и в огонь и в воду, которые санитарками в войну, которые за мужем в Сибирь... мне кажется, вы такая, вы наверняка такая, боже, скажите, что вы такая; нет, не говорите, прошу вас, ничего не говорите, я часто видел — откроет рот, и всё волшебство куда-то делось... но вы молчите, а я даже не знаю, как вас зовут...

— Меня зовут Надя, — тихо сказала Надя и положила руку ему на ладонь. — Пожалуйста, не волнуйтесь. Мне всё кажется, что вы вот-вот упадете в обморок. Успокойтесь, вы вовсе не идиот, я просто пока не совсем понимаю, о чем вы говорите. Ну сядьте, сядьте же, пожалуйста. Давайте я закажу вам кофе, и вы мне расскажете поподробней, хорошо?

Меньшов невесело засмеялся.

— Вы думаете, я из-за всего этого... такой? А я не из-за этого... Я такой, потому что разочаровался в себе, я думал... всегда думал, что я другой, а потом понял, что не другой, я просто могу врать всем, что другой, но я такой же, ха-ха, как все они, со мной всё ясно, с самого начала было ясно... и вы, вы тут сидите и жалеете меня, я вас недостоин, я ничего и никогда... я трус, трус, обыкновенный трус... — Он вцепился скрюченными пальцами в волосы. — Прошу прощения. — Он быстро удалился.

Надя хотела кинуться за ним вслед, но пока она выбиралась из-за стола, он уже хлопнул дверью и исчез за гардинами ледяной воды. Надя видела в окне его истончающийся силуэт. Она расплатилась по счету и выбежала наружу. Никого. Эта странная встреча что-то оживила в ней. Надя задыхалась. Она бежала по улице, не замечая дождя,

и щеки ее горели от тайного стыда и неуклюжего счастья. Суровый вахтер в общаге улыбнулся Наде, хотя улыбаться не собирался; он не любил улыбаться, потому что в жизни ему встречалось много людей, совершавших подлости с улыбкой на лице. Муж сидел в темноте за компьютером. Он ел сосиску. Голубой свет монитора делал его лицо неживым. Надя положила сумочку на полку. «Где ты была?» — спросил муж, не отрываясь от экрана. Нет ответа. Муж повернулся к ней вместе с креслом: «Надя, нам надо серьезно поговорить». Надя обмерла: о чем, о чем же? неужели он что-то заметил в ней, неужели это так видно?

Выслушай меня внимательно, сказал муж, и, пожалуйста, не перебивай. Я кое-что понял. Наш брак был ошибкой. Мы еще слишком молоды, ты и я. Ты не готова к свободным отношениям; признаю, я тоже немного перегнул палку: надо было подвести тебя аккуратней к осознанию того факта, что современный мир не приемлет искусственных ограничений в браке. Но теперь слишком поздно: наши отношения развалились. Думаю, будет лучше и тебе и мне, если мы разведемся. Поступим как взрослые люди, без скандалов и лишних слез; если хочешь, останемся друзьями. Я даже готов какое-то время поддерживать с тобой половую связь: по крайней мере, до тех пор, пока ты не встанешь на ноги. Конечно, всё зависит от твоего желания: настаивать я не собираюсь.

Монитор светил мужу в затылок, и Надя вместо лица видела темную маску, которая говорила с ней блестящими от жира губами. Она хотела развернуться и молча уйти, но вспомнила, как вставала

спозаранку, чтоб погладить брюки для этой маски, и как ждала эту маску долгими пустыми вечерами, но не дожидалась и засыпала под утро, вздрагивая во сне от каждого шороха. Она схватила лампу и швырнула в мужа. Потом схватила книгу и тоже швырнула. Вслед за лампой и книгой полетела кастрюля с вермишелью. Вермишель вывалилась из кастрюли и покрыла пол, как белые черви. Муж что-то вопил, держась за ушибленный лоб, а она смеялась, потому что впервые за много дней чувствовала себя прекрасно. Когда пыль улеглась, она обнаружила себя лежащей на полу, затылком в вермишели, с онемевшей челюстью, а он нависал над ней, и кусочек сосиски прилип к его гладко выбритой щеке. Он бормотал: «А ведь друзья говорили мне, и мама предупреждала...» Надя попробовала пошевелить челюстью: вроде не сломана. Хотела что-то сказать, но вместо этого засмеялась: ее придуренный смех выдавил из мужа остатки трезвой мысли. Он со всей мочи пнул Надю ногой в живот и, шепча вслух оправдания своим действиям, схватил с вешалки куртку. Оглянулся, тоскуя: этому месту он отдал месяцы жизни и вот уходит навсегда. Нельзя сказать, будто он считал, что женщин можно бить; но — пришлось. На самом деле ему была скучна женская истерика. Он много повидал их на своем веку и не понимал, отчего в этот раз вышел из себя. Обычно он глядел на женщин свысока, не опускаясь до их уровня. А сегодня опустился: нет ему оправданий. Он аккуратно прикрыл за собой дверь, не желая эскалации скандала. Спускаясь по лестнице, он печально вздыхал, что в мире существуют такие слабые духом люди, как его Надечка.

Чтоб отвлечься от печальных мыслей, он представил в красках всю свою дальнейшую жизнь: они разведутся, и если Надя снова выйдет замуж, он сделает ее своей любовницей. Как-нибудь ничего не подозревающий Надин муж пригласит его с новой женою в гости. Он будет гладить под столом Надино бедро, искоса наблюдая за тем, как розовеют от стыда ее щеки и как ничего не подозревающий Надин муж произносит тост, посвященный крепкой мужской дружбе.

Надя тем временем скрючилась на полу, пытаясь унять боль. В целом она была счастлива.

Глава двенадцатая

Гордеев протянул Кошевому на ладони дешевый мобильный телефон «Samsung». Кошевой уставился на пластиковую коробочку, не видя в ней никакого смысла. Мобильник был в грязи, на крохотном дисплее — глубокие царапины. Кошевой подумал, что Гордеев нашел его на помойке; может, алкоголизм шефа дошел до такой стадии, что он роется в мусоре вместе с собаками и бомжами. Гордеев догадывался, что Кошевой считает его алкоголиком. Сам он себя алкоголиком не считал, потому что водка была нужна ему для ясности мысли. Он мог в любой момент завязать с выпивкой, а не переставал пить лишь потому, что в этом душном городе по-другому нельзя.

— Что вы думаете об этом телефоне, Кошевой? — спросил Гордеев.

— Я ничего о нем не думаю, — сказал Кошевой.

Гордеев опустился на стул.

— Очень жаль, Кошевой. — Он положил мобильник перед собой на стол. — Этот мобильник принадлежит — вернее, принадлежал — серийному убийце.

Кошевой выпучил глаза.

— Вы имеете в виду «нашему» серийному убийце?

— Именно так.

— Но как вы это... ну... поняли?

В номер осторожно постучали, но никто не открыл, и стук больше не повторился. Гордеев задумчиво погладил себя по лбу.

— Утолю ваше любопытство, Кошевой. — Он ткнул пальцем в мобильник. — Этот сотовый телефон, как я уже сказал, какое-то время принадлежал серийному убийце. Модель дешевая, распространенная, сложно определить, где именно его приобрели. Телефон пролежал в земле пару недель, поэтому выглядит довольно скверно, вы согласны? На нем не осталось отпечатков пальцев, никаких волосков, следов крови или частичек кожи, если вас это интересует. Аккумулятор отсутствует, сим-карты тоже нет. Однако я знаю наверняка, что с этого мобильника был сделан всего один звонок. Как вы думаете, Кошевой, куда звонили?

Кошевой нахмурился, пытаясь изобразить на лице задумчивость.

Гордеев погладил телефон по рифленой крышке:

— Молчите? Прекрасно. С этого телефона, Кошевой, звонили в полицию.

— В полицию?

— Именно так. Вы догадываетесь, кому принадлежал телефон?

На этот раз Кошевой не стал изображать задумчивость.

— Нет.

— Подумайте.

— Без понятия.

— Очень жаль. — Гордеев прикрыл глаза. — Вас разве не зацепил один момент в истории похищения Ани Кабановой? — Кошевой покачал головой. — Нет? Прекрасно. А меня зацепил. Вспомните: Кабанов стоит возле забора и ждет дочь. Незнакомый молодой человек звонит в полицию. Кабанова увозят. В тот же день дочь пропадает. Следствие ведется из рук вон плохо: о молодом человеке, сделавшем звонок, как-то походя забывают. Тем не менее личность этого молодого человека важна, вам так не кажется? Совпадение ли это: молодой человек убирает препятствие в лице Кабанова, и в тот же день исчезает девочка?

Кошевой нахмурился:

— Вы полагаете, что этот звонивший... ну... и есть наш серийный убийца?

— Именно так. Более того: он видел Кабанова возле школьного забора в то утро. На допросе Кабанов показывал, что кроме него взрослых поблизости не было; по крайней мере, он никого не заметил. Предположим, убийца следил за ним из дома. Предположим также, что он боялся, что его звонок отследят, поэтому приобрел или украл мобильник специально для одного-единственного звонка в полицию, а затем избавился от него. Итак, я прибываю на место преступления. Вы знаете, что я увидел? Нет? Очень жаль. Немного отвлекусь от темы нашего разговора: вы, наверно, полагаете, что я приложил

немыслимые усилия, чтоб прийти к своим выводам; однако любое дело можно раскрыть, приложив всего-то капельку ума и усердия. Просто большинство не прикладывает никаких усилий вообще. Думаю, вам это хорошо известно, но я повторю: в большинстве случаев у людей ничего не получается по той простой причине, что они не делают ничего. Запомните, Кошевой, в дальнейшем мы вернемся к этой мысли. Итак, я на месте. Что же я вижу? Я вижу недостроенный многоквартирный дом. Стройку заморозили полтора года назад; дом стоит пустой, он окружен забором, но в заборе полно дыр. Кое-где забор отсутствует вовсе. Первые два этажа захламлены пустыми бутылками, окурками, упаковками из-под чипсов и прочим; здесь любят выпивать подростки. Стены изрисованы граффити, исписаны похабными надписями. На третий этаж никто не забирается, там чисто. Не используя никаких спецсредств, я без особого труда поднялся на пятый этаж. Там есть отличное окно, вернее прямоугольная дыра в стене, в которую хорошо видно школьный забор, в том числе дерево, под которым дежурил Кабанов, и часть школьного двора. Я тщательно обследовал пол под окном и обнаружил засохшую грязь и отпечаток ботинка на ней. Сорок седьмой размер. Крупный парень. Вы слушаете меня, Кошевой? Такое чувство, что вы спите. Кошевой, вам не кажется, что остальные люди тоже спят? Спят с открытыми глазами, ходят и спят, говорят и спят, едят и спят, всё время спят. Иногда мне чудится, что я один бодрствую. Вам смешно? Нет? Очень хорошо. Итак, допустим, убийца стоял возле этого окна. Внизу возле забора находился Кабанов. Убийца

достал мобильник и позвонил в полицию. Что он делает дальше? Он хочет избавиться от мобильника, потому что уверен — трубка дает сигнал, по которому его смогут отследить; кроме того, он смотрел художественный фильм «Один пропущенный звонок» и мобильный телефон представляется ему мистическим предметом: он боится того, чего не понимает. Поэтому он вынимает аккумулятор и симку, но и этого ему мало; он спускается вниз и зарывает телефон в землю. Он не тратит время на поиски подходящего тайника, потому что, подгоняемый страхом, верит, что чем дольше телефон остается у него в руках, тем больше шансов, что полиция на него выйдет. Вы сомневаетесь в моих словах, Кошевой? Ах, вы удивлены, откуда я знаю, что убийца смотрел фильм «Один пропущенный звонок». Отвечу прямо: я вовсе не знаю. Я пошутил. Вы не смеетесь? Очень жаль. Надеюсь, однако, что я удовлетворил ваше любопытство. Итак, я спустился вниз, чтоб обследовать землю возле стройки. Надо сказать, это весьма нудное и неинтересное занятие. Я потратил почти целый день, прежде чем нашел мобильник. Надеюсь, вы понимаете, что в моем успехе нет ничего особенного: просто большинство не потратило бы и десяти минут. Большинство, Кошевой, мечтает, об успехе, который свалится с неба, и поэтому никогда ничего не делает. Проще обвинить злую судьбу или кого-то другого в своих неудачах, вы согласны? Наливайте виски, не стесняйтесь. Я не люблю виски, но всё равно пью его; я не люблю работать, но всё равно работаю. Именно поэтому меня называют «специальным человеком». Дурацкое прозвище, вам не кажется?

Кошевой промолчал.

Гордеев вздохнул и продолжил:

— Итак, я обследовал землю миллиметр за миллиметром. Я нашел отпечаток ноги сорок седьмого размера в дальнем углу возле забора; отпечаток был глубокий, словно человек нарочно вдавливал что-то в почву. Я раскопал землю в этом месте и нашел телефон. — Гордеев постучал пальцем по мобильнику. — Более того, я пришел туда на следующий день и потратил полдня на поиски аккумулятора и сим-карты; к сожалению, их я не нашел. Вы, наверно, представили смешную картину, как я ползаю на коленях с фонариком и лупой в руке. Что ж, вы недалеки от истины. У меня действительно есть лупа. Я потерпел неудачу, но не отчаялся. Знаете, как поступит обычный человек, если на пути к цели споткнется? Совершенно верно: он опустит руки и прекратит бороться. Не обижайтесь, Кошевой, я считаю вас обычным человеком. Однако у вас есть как минимум одна положительная черта: вы умеете понимать чужое горе. Я же повидал на своем веку столько горя и столько радости, что они взболтались у меня в голове, как дьявольский коктейль; и теперь я не могу отличить одно от другого. Вы понимаете меня, Кошевой? Нет? Прекрасно. Итак, предполагаемый убийца: молодой мужчина, высокий, спортивного телосложения, нога сорок седьмого размера; судя по рисунку и форме подошвы, обут в дешевые китайские кроссовки. Уверенный в себе мальчишка, который не боится грязной работы. Именно эта черта позволяла ему до сих пор скрываться от правоохранительных органов. Большинство боится не только грязной работы, но и работы

вообще; большинству удобнее живется где-нибудь на диване перед телевизором или в офисном кресле перед монитором. Конечно же, таким людям ничего не светит; они могут годами ничего не делать и жаловаться, жаловаться, жаловаться, — это всё, что они умеют. А еще нахваливать себя. Они любят себя нахваливать. Надеюсь, вы согласны со мной, Кошевой. Вы потеряли нить беседы? Что ж, вы правы: это мало похоже на беседу, скорее на не очень связный монолог. Знаете, что я сделал дальше? Я просмотрел запись с камеры видеонаблюдения, которая установлена возле светофора в ста метрах от школы. Если б Аня Кабанова возвращалась из школы обычным путем, камера бы засекала ее; но камера не засекала Аню, а значит, не засекала и ее похитителя. Он повел Аню другой дорогой. Но что мешало ему пройти мимо камеры, когда он шел к школе? Шансов, что так было, мало, но почему бы не проверить. Я просмотрел запись, начиная с раннего утра и до конца занятий первоклассников. Знаете, сколько подходящих под описание человек я увидел? Восемь. Пятерых из них уже проверили и исключили из списка подозреваемых. Личность троих пока определить не удалось. Я работаю над этим. Вам интересно, Кошевой? Смотрю, вы ожились. Признайте, начитавшись детективов, вы хотели поработать со мной именно из-за таких «бесед», верно? Это же клише: гениальный сыщик рассказывает своему глуповатому, но добросердечному помощнику о ходе дела, попутно раскрывая детали расследования; помощник восхищен, гениальный сыщик тешит свое самолюбие. Больше ничего вам от меня не требуется: вам всё равно, сколько детей

погибло, что они чувствовали, когда кромсали их плоть; вам интересны только загадки и то, как я собираюсь их решить. Скажите, Кошевой, я прав?

Кошевой сглотнул:

— Вы... вы ошибаетесь.

Гордеев кивнул:

— Я надеюсь, что ошибаюсь. — Он вздохнул. — Знаете, Кошевой, люди не любят ошибаться. А уж тем более признавать свои ошибки. Разве могут они, такие умные, ошибаться? Это не укладывается у них в голове. Вы понимаете меня? Да или нет? Почему вы молчите? Разбавьте мой монолог своим ценным замечанием, прошу вас. Мне скучно глядеть, как вы сцепляете и расцепляете пальцы.

— Почему... почему вы так... ну... не любите... людей?

Гордеев приблизил к нему лицо.

— Нельзя сказать, что я не люблю людей, Кошевой. — Он нахмурился и погладил себя по лбу. Кожа на лбу разгладилась, он улыбнулся и повторил: — Нельзя.

Глава тринадцатая

Танич не верил в существование зла. В существование добра он тоже не верил. Он верил только в то, что мог пощупать или хотя бы увидеть. Впрочем, в существовании увиденных и ощупанных предметов он тоже сомневался; они существовали тогда, когда он видел их и щупал; в другое время они, по его мнению, не существовали. Приятель Танича, который любил выпить, сказал, что жизненная

философия Танича называется, кажется, солипсизмом. На следующий день приятель Танича разодрал себе горло, падая в нетрезвом состоянии с лестницы, и умер, пока ехала «скорая». Танич в тот день уехал с Настей отдыхать в Евпаторию: он не знал, что приятель погиб. В Крыму они с Настей посещали достопримечательности. Насте больше всего понравилось Ласточкино гнездо, а Таничу — подземная база подводных лодок в Балаклаве, потому что после разграбления в девяностые там до сих пор было мрачно, пусто и сыро. Он даже хотел убить кого-нибудь в темных закоулках этой базы во время экскурсии, но так никого и не убил, потому что отвлекся на разглядывание темных, сырых стен, которые так и дышали подземным холодом. Вернувшись из Евпатории, он ждал от приятеля звонка, чтоб рассказать ему о поездке, но сам первым не звонил, потому что считал себя выше этого. Приятель никак себя не проявил, и Танич забыл о нем. Через полгода случайно узнал, что приятель умер; с трудом мог вспомнить, кто это. Немного позже они с Настей разошлись, и Танич уехал жить в южный город, отравленный пылью и копотью. На новом месте Танич никак не мог найти себя. Ему казалось, что его связали по рукам и ногам и не дают дышать. Время он проводил с пользой для организма: спал. Однажды он проснулся среди ночи в холодном поту и отчетливо вспомнил погибшего приятеля; тот исчез из его жизни и из жизни вообще, но, без сомнения, когда-то существовал. Танич вспомнил, что приятель всё время ходил за ним по пятам, как преданная собачка, а Танич демонстративно игнорировал его. Возможно, несчастный хотел, чтоб такой одаренный

человек, как Танич, стал ему настоящим другом, но Танич держал дистанцию. Теперь приятель погиб, а Танич не помнит его имени. Вероятно, такая судьба ждет и его: он умрет, и никто его не вспомнит.

Танич решил напомнить о себе миру. Он оделся в незаметную городскую одежду, взял в руки серый зонт и вышел на улицу. Он чувствовал себя охотником, обзирающим богатые охотничьи угодья. Накрапывал дождь, солнце скрылось за крышами домов. Автомобили ехали навстречу неведомой Таничу жизни. На высокой платформе перед гипермаркетом стоял молодой человек. Он громко рекламировал скидки на продукты питания. Лицо молодого человека выражало печаль; его бросила любимая девушка, потому что после смерти сестры он ударился в меланхолию. Молодой человек едва не плакал, но продолжал стойко рекламировать скидки. На нем был костюм куриного окорочка, потому что куриные окорочка пользовались спросом среди потребителей. Танич следил за поведением молодого человека; он больше не чувствовал себя охотником: тоска съела остальные чувства. Молодой человек спустился с платформы и пошел напролом через проезжую часть, невзирая на уличное движение. На него кричали и требовали убраться с дороги. Какой-то мужчина вышел из «вольво», чтоб набить молодому человеку морду, но тут же вернулся на водительское место и опустил голову на руль. Он был потрясен аурой тоски, которая окружала молодого человека. Другой мужчина тоже вышел из машины, чтоб поколотить молодого человека за то, что тот нахально попирает правила дорожного движения, но никакой ауры не почувствовал

и зарядил молодому человеку кулаком в печень. Молодой человек упал на колени и пополз к тротуару. На тротуаре он сел, снял с себя костюм куриного окорочка, чтоб снова ощутить себя человеком, и замер, потому что никаких изменений не почувствовал. Прибежал запыхавшийся менеджер супермаркета. Он отчитал молодого человека за недостойное поведение, забрал костюм и, сунув его под мышку, пошел обратно. Нельзя сказать, что он не понимал чувств молодого человека: его самого недавно бросила жена, но работа есть работа. Молодой человек еще немного посидел, с трудом соображая, что он здесь делает, затем нырнул в распахнувшиеся двери пузатого автобуса и укатил. Танич, наблюдавший эту сцену от начала и до конца, откровенно скучал. Он хотел какого-нибудь крупного события вроде падения метеорита или хотя бы урагана, но ничего подобного не происходило. На перекрестке его сфотографировала полная девушка в кожаной куртке; она подошла к Таничу и спросила, не хочет ли он получить свою фотографию в распечатанном виде. Танич сказал, что хотел бы, чтоб кто-нибудь сфотографировал, как он вынимает внутренние органы из убитых им детей; такую фотографию он бы с удовольствием получил в распечатанном виде. Девушка не расслышала его. Она давно не слышала никого, кроме себя, и постоянно спрашивала у людей, не хотят ли они получить в свое распоряжение фотографию, которую она только что сделала. Если ее спрашивали, сколько это будет стоить, отвечала: пятьдесят рублей. Больше она ничего не слышала и не говорила и жила как рыба в аквариуме, перемещаясь в определенных ею самой границах изо дня

в день, с зеркальным фотоаппаратом в белых от недостатка солнечного света руках.

Дождь усилился. Танич свернул в подворотню, обнаружив там бетонный козырек, под которым можно спрятаться от непогоды. В глубине темной подворотни раздавались голоса. Мужчина ругал женщину, женщина оправдывалась прокуренным голосом. Послышался звук шлепка, всплеск и чавканье грязи. Мимо Танича, не заметив его, прошел мужчина в кожаном плаще и бейсболке; он улыбался. Танич подождал немного и окунулся в мрак подворотни. На асфальте, спиной к кирпичной стене, ногами в луже, сидела сильно накрашенная женщина в белой шубе. Шуба промокла; женщина напоминала в ней больную овцу. Женщину звали Зина. Она поссорилась со своим женихом Мишей, который захотел, чтоб она сделала ему минет в подворотне, и он ударил ее по лицу. Зина упала в лужу и отползла к стене, дрожа от холода и отчаянья. Миша ушел; она умоляла, чтоб он не уходил, но он ее то ли не расслышал, то ли Зина умоляла его в мыслях, спутав фантазии с реальностью; в любом случае его рядом не стало. Вместо него из темноты вышел незнакомый мужчина в непримечательной серой одежде. Он молча смотрел на Зину сверху вниз. Зина хотела попросить его о помощи, но промолчала. Мужчина протянул ей руку. Зина испугалась этой бледной руки с длинными шевелящимися пальцами.

— Уходи, — попросила она шепотом.

— Хватайся, — велел мужчина.

Зина не посмела послушаться. Страх ушел. Она почувствовала обычную пустоту в голове, словно ее голова была стоящим на плите чайником,

в котором выкипают последние мысли. Мужчина привел ее в квартиру, захламленную антиквариатом, пропахшую мужским потом и пивом. Велел раздеваться. Зина разделась, потому что предпочитала слушаться мужчин. Вся ее жизнь была построена на послушании. Она знала, что, если не будет слушаться, ее побьют. Сначала ее бил отец, потом молодой человек, с которым она встречалась, затем сутенер. Мужчина повесил шубу сушиться, порылся в шкафу и нашел для Зины платье; оно было старомодное и на размер больше, чем надо, но Зина его надела. Мужчина принес ей чашку горячего чая. Зина не любила чай. Она вообще не любила безалкогольные напитки, предпочитая пить коньяк, но всё равно взяла чашку и выпила чай до дна. Мужчина сидел на полу рядом с грудой старых пластинок. Зина спросила, как его зовут; он не ответил. Зина опустилась рядом с ним на пол, стала перебирать пластинки. Пластинок было много. Зина не узнавала имен исполнителей, потому что никогда не интересовалась музыкой. Она выбрала пластинку наугад и протянула мужчине, чтоб он поставил ее, но тот будто не заметил протянутой руки.

— Ты обижаешься на меня за что-то? — спросила Зина.

Он покачал головой:

— Нет.

— Спасибо, что спас, — сказала Зина.

— Я не спасал тебя, — сказал он. — И я не знаю, что теперь с тобой делать.

— Я подожду, когда одежда высохнет, и уйду, — пообещала Зина.

— Кто тот человек, который ударил тебя?

— Это мой жених, — сказала Зина. — Он правильно сделал, что ударил меня; я ему дерзила.

— Дерзила?

— Он попросил меня о маленьком одолжении, а я накинулась на него с упреками, — объяснила Зина. — Это было нехорошо с моей стороны.

— Ты любишь его?

— Конечно. — Зина вертела в руках пластинку. — Он умный. Я люблю его за ум и идеи; ты знаешь, у него в голове много разных идей, как сделать мир лучше. Он действительно умный человек, мой Мишенька, и я могу слушать его часами, пусть даже половины не понимаю. — Она вздохнула. — Однако у него, как и у всякого мужчины, есть свои потребности, и он сердится, если я не выполняю его желания в срок. — Она повернула голову. — И все-таки: как тебя зовут?

— Танич.

— Какое странное имя.

— Это не имя, а фамилия.

— А имя у тебя есть?

— Есть.

Зина не знала, что еще можно спросить в такой ситуации, и стала бродить по комнатам, рассматривая старые вещи. Танич сидел на полу и думал, как ему поступить. Сначала у него была мысль убить Зину, потому что он давно хотел убить взрослого человека, но потом он вспомнил, что придется возиться с телом, и ему стало лень. К тому же, чтоб убить, не стоило приглашать жертву в свою квартиру, это слишком рискованно.

Зина тем временем решила, что трехкомнатной квартире Танича не помешает женская рука. Она

попросила Танича, чтоб он вытер пыль и вымыл полы, но Танич не захотел ничего этого делать; тогда Зина пошла на кухню, взяла из мойки грязную тарелку, чтоб помыть ее, но жирная тарелка выскользнула у нее из рук и разбилась. Танич прибежал на кухню и уставился на осколки. Зина завопила, что у Танича бардак и что он совсем не следит за домом: она поскользнулась на хлебной корке, валявшейся на полу, и случайно уронила тарелку: Танич не имеет права винить ее в порче имущества. Она оттолкнула Танича и взяла швабру, чтоб снять с потолка паутину, но случайно задела шваброй люстру: у люстры отвалился плафон. Плафон упал Зине на голову. Зина не унывала: уселась на диван и приложила к шишке лед. Растерявшийся Танич начал подумывать, что убийство, быть может, не такая плохая идея. Зина велела принести ей коньяку, потому что она леди и желает выпить. Танич не принес ей коньяку: у него не водилось другой выпивки, кроме пива. Да и пиво вчера кончилось. Строго говоря, даже если б у него был коньяк, он бы не стал угощать им Зину. Зина взяла сумочку, чтоб достать телефон и сделать звонок, но оказалось, что при падении в подворотне она нечаянно раздавила мобильник. Зина попросила телефон у Танича и ушла с ним в другую комнату. После долгого разговора она вернулась и расхаживала по комнате, бросая хозяйские взгляды на мебель. Танич рассердился. Он потребовал, чтоб Зина вернула ему телефон, но она притворилась, что не слышит его. Он потребовал во второй раз, и тогда она все-таки отдала ему телефон, брезгливо протянув его двумя пальцами, словно это было мерзкое

насекомое. Танич решил проверить, не высохла ли ее одежда. Раздался звонок в дверь. Танич пошел открывать: на пороге стояла светловолосая девочка лет десяти со школьным рюкзаком за спиной и огромным пакетом в руке. Она молча смотрела на Танича, а Танич молча смотрел на нее. Он чувствовал себя как в дурном сне. В прихожей появилась Зина. Она поцеловала девочку в лоб и забрала у нее пакет. Танич ничего не понимал. Зина объяснила, что девочка ее дочь, зовут ее Дианочка, и если Танич не возражает, они поживут у него денек-другой. Дело в том, что злая хозяйка квартиры, где они нашли временное пристанище, требует, чтоб Зина заплатила вперед за полгода, но она не может заплатить, потому что у нее нет денег; деньги появятся только послезавтра. Танич, будучи человеком добрым, обязан войти в положение несчастной женщины и ее ребенка. К тому же Танич один как барин живет в трехкомнатной квартире; ничего страшного, если он немного потеснится. Не дождавшись ответа, Зина с Дианочкой ушли в спальню, где вынули из пакета предметы гардероба, постельное белье и различные женские принадлежности. Зина стала причесываться. Дианочка была серьезная девочка: она вынула из рюкзака учебники, тетради и пенал и, расположившись прямо на полу, стала делать домашнее задание. Танич спросил, где ее отец; он боялся, что скоро в дверь раздастся еще один звонок. Но Зина про отца Дианочки ничего не сказала. В пакете она обнаружила бутылку дешевого коньяку и расцеловала дочь в обе щеки. Дианочка, кажется, не заметила, что ее целуют. Проявляя родительскую заботу, Зина спросила, как у Дианочки дела

в школе, но Дианочка не ответила, погруженная в мир задач и упражнений. Зина велела Таничу принести рюмок, бокалов или еще чего-нибудь, куда можно налить коньяк, и пару лимонов для закуски. Танич принес рюмки, а лимонов у него отродясь не водилось. Зина, вульгарно развалившись на кровати, выдула три рюмки подряд. Щеки ее порозовели, в голове образовалась приятная невесомость. Она смотрела на Танича и не понимала, что он тут делает; ей казалось, что она живет в этой квартире давно, а неприметный мужчина, переминающийся с ноги на ногу посреди комнаты, — случайный гость. Она выпила еще пару рюмок для прояснения ситуации. Потом еще три, чтоб подстегнуть мысль. После девятой она внезапно подскочила, замахала на Танича руками и закричала, чтоб он убирался из ее дома, иначе она вызовет милицию; то есть, поправилась Зина, полицию. Дианочка взяла мать за руку. Зина сразу замолчала. Дианочка подвела ее, слегка оторопевшую, к кровати и уложила спать. Мне холодно, пожаловалась Зина. Дианочка накрыла одеялом голые мамины ноги, стянутые нитями выпуклых вен. Зина поблагодарила доченьку за проявленную заботу, чмокнула в щеку и уснула. Дианочка подошла к Таничу и, не поднимая глаз, тихо извинилась за поведение матери. Она сказала, что им действительно негде сегодня ночевать, но завтра на рассвете они уйдут; если он предоставит им ночлег, конечно. Танич спросил, правда ли Дианочкина мать получит послезавтра деньги; если так, пусть остаются до послезавтра. Дианочка покачала головой и ласково, словно разговаривала с малышом, объяснила Таничу, что мать ее проститутка и то, получит ли она

деньги, зависит от дяди Пети, ее сутенера, а так как мать в последнее время забыла о своих обязанностях, проводя время с женихом, то дядя Петя ничего ей не даст, а если увидит поблизости, то изобьет. Однако ничего страшного в этом нет, добавила Дианочка, я знаю, где можно раздобыть деньги, и завтра обязательно их раздобуду. А нельзя ли взять денег у маминого жениха, спросил Танич, но Дианочка покачала головой: к сожалению, денег у него не допросишься. Вернее всего, он не собирается жениться на маме, а встречается с ней лишь для того, чтобы бесплатно заниматься взрослыми делами. Кроме того, в лице мамы он нашел благодарного слушателя: она с восхищением относится к высказываемым Мишей общечеловеческим идеям. Танич смотрел на Дианочку, разинув рот: он впервые видел такого трезвомыслящего и самостоятельного ребенка. Он пошел на кухню мыть нож, которым намеревался проткнуть Дианочку, чтоб выпустить ее светлую душу из грязной телесной оболочки. Однако он вспомнил, что находится дома и мертвое тело придется нести мимо дверей, которые ведут в жилища любопытных соседей. Тоска овладела Таничем. Он порезал колбасу и хлеб, налил в стакан кефиру, расположил угощение на подносе и отнес Дианочке, с жалостью разглядывая несчастного ребенка, которому и дальше предстоит жить в мучениях. Дианочка вежливо поблагодарила Танича за еду и поела прямо на полу, промокая губы бумажной салфеткой. Затем она помыла нож, которым Танич хотел ее убить, а заодно и остальную посуду. Кроме того, она вытерла пыль с мебели, снимала с потолка паутину и надраила полы; доделала уроки и села в углу с книгой. Книга

называлась «Приключения Незнайки и его друзей», про дружных коротышек, которые жили в Цветочном городе, и Дианочка почему-то плакала, когда ее читала.

Глава четырнадцатая

Программист Щеглов любил свою годовалую дочь Полину, которую называл Помнушкой. Он звал ее так, потому что ему нравилось мять кончиками пальцев ее пухлые щечки и приговаривать при этом: «А вот кому щечки помну, а вот кому помну, помнушеньке моей!» Каждое утро, вставая с постели, он жаловался, что не хочет идти в постылый офис. Лучше бы вместо этого он поиграл с Помнушкой в свое удовольствие. За чисткой зубов Щеглов обещал жене, что, вернувшись с работы, обязательно повозится с доченькой, но вместо этого, вернувшись, садился за компьютер и проводил время в блогах успешных людей, пытаясь разгадать секрет их успеха. В последнее время он разочаровался в успешных людях и пристрастился к форуму, который был посвящен серийным убийцам. Помнушка на маленьких ножках подходила к креслу Щеглова, что-то пищала, и Щеглов кричал жене, чтоб она забрала девочку, потому что та мешает ему сосредоточиться. Жена забирала надоедливую ребенка в соседнюю комнату. Недавно на форуме появился человек, который утверждал, будто он знает, кто такой Молния. Его сообщения с множеством грамматических ошибок вызывали дружный смех интернет-публики. Щеглов любил писать на форуме

про этого человека «Вот идиот» или развернуто: «Откуда такие идиоты берутся, их что, КЛОНИРУЮТ?!» Со временем ему надоело писать «Вот идиот», и он вспоминал, что собирался провести время с Помнушкой. Но Помнушка уже спала в своей маленькой кроватке, сунув большой пальчик в рот. Щеглов ложился рядом с женой и гладил ее по голому плечу, надеясь вызвать в любимой женщине страсть, но жена отмахивалась от него, потому что за день слишком уставала с дочкой и хотела отдохнуть. В расстроенных чувствах Щеглов уходил на кухню, чтоб покурить в открытую форточку и подумать о бессмысленности семейной жизни. Ему хотелось пожаловаться друзьям на фригидность жены, но друзей у него не было.

Двумя этажами ниже Щеглова жил Меньшов: это он писал на форуме, что знает, кто такой Молния. На самом деле Меньшов не был уверен, что знает, кто такой Молния, однако в последнее время он слишком много пил и не ходил на работу, и у него появилось время, чтоб писать в Интернете всё, что взбредет в голову. Выйдя из запоя, он первым делом позвонил в офис и спросил, как там дела. Людочка ничего не ответила. Она громко дышала в трубку, и Меньшов повторил вопрос. Людочка сказала, что всё в порядке: за прошедшую неделю ничего особенного не случилось.

— А как поживает Чуркин? — холодея, спросил Меньшов.

— Что?

— Как там Чуркин? — громче спросил Меньшов.

Людочка не знала, что ответить, и поэтому, немного помолчав, повесила трубку. Меньшова

молчание Людочки могло бы напугать, но он знал, что это обычная Людочкина манера разговаривать, поэтому хоть и испугался, но не особенно, а вскоре страх заслонила скука. Меньшов ходил по спальне в домашних тапочках, заложив руки за спину, и спрашивал себя: «Что я, собственно, видел?» и сам себе отвечал: «Собственно, я не видел ничего такого». В конце концов он убедил себя, что не видел в квартире Чуркина ничего такого. Он сел в кресло и застыл, бледнея от мысли, что завтра ему предстоит очередной тоскливый день на работе.

На следующий день Меньшов явился на предприятие спозаранку. Он ожидал, что на него будут странно поглядывать, но на него вообще никто не смотрел. Только Людочка взглянула, но, погруженная в печальные мысли, не поняла, кто это пришел, и закрыла глаза, чтоб внешние раздражители не мешали ее тихому существованию. Меньшов вошел в свой кабинет и сел в кресло. Чтоб чем-то занять себя, он переставил монитор чуть левее. А потом чуть правее. Столешницу покрывал толстый слой пыли. Меньшов позвал Людочку, чтоб она вытерла пыль, но Людочка не пришла; впрочем, Меньшов и не ожидал, что она придет. Он хотел заглянуть в кабинет, где работали Чуркин и другие монтажники, но остался сидеть. Вынул из шкафа папку с принципиальными схемами, повертел в руках и положил на место. В кабинет, не стучась, вошел замначальника пусконаладки, которого звали Ливан. На самом деле его звали как-то по-другому, но никто не помнил как. Никто не помнил и откуда взялась кличка Ливан. Сам Ливан, если его спрашивали о кличке, сводил густые брови к переносице

и жаловался на гастрит; он любил поговорить о своих болячках.

Сегодня Ливан пришел к Меньшову, чтоб дать ему совет по поводу работы. Он сел напротив и принялся учить, как правильно заполнять паспорт модуля индикации МИ-1. Меньшов не любил, когда его чему-то учили. Он говорил: я люблю доходить до всего сам, хотя на самом деле просто не любил запоминать что-то новое. Ливан знал, что Меньшов слушает вполуха, но продолжал монотонным голосом рассказывать о заполнении паспорта. Меньшов отворачивался: слушай, Ливан, я и сам всё знаю. Ну как же знаешь, монотонно бубнил Ливан, у тебя ошибка тут и тут. Меньшов не любил, когда ему указывали на ошибки. Это не ошибка, так и задумано, говорил он Ливану. Да нет же, удивлялся Ливан, это точно ошибка: смотри, здесь вместо девяноста пяти процентов просто девяносто пять, а это в корне неверно: нужно указывать проценты. Так задумано, повторял Меньшов. Если задумано, говорил Ливан, то задумано неправильно. Мне лучше знать, правильно или неправильно, возмущался Меньшов, да и вообще это сущая мелочь, чего ты пристал. Почему ты на меня злишься, удивлялся Ливан, я же хочу помочь. Мне не нужна твоя помощь, говорил Меньшов, я сам всё знаю, оставь меня в покое, дай поработать. Что за человек, злился Ливан, ему помочь хочешь, чтоб не повторял ошибок, а он гонит прочь. У меня нет ошибок, повышал голос Меньшов: то, что ты принимаешь за ошибки, так и задумано, выйди вон, я занят. Неправда, пыхтел Ливан, это не задумано, это явная ошибка. Я понял, прозревал Меньшов, ты копаешь под меня, потому

что завидуешь моему успеху. У Ливана округлялись глаза: да что ты такое говоришь, я помочь хочу. Знаем мы вашу помощь, говорил Меньшов, ты просто завидуешь. Самого, небось, на последнем собрании пропесочили, теперь вымещаешь злость на мне. Да не вымещаю я, вопил, поднимаясь, Ливан, я тебе помочь хотел чисто по-дружески! А чего ты орешь, холодно интересовался Меньшов, наверно, нервничаешь, потому что я угадал причину твоих поступков. Да ты сам только что орал, отвечал Ливан. Я не орал, холодно возражал Меньшов, закрой, пожалуйста, дверь с той стороны. Слушай, успокаивался Ливан, у тебя, наверно, сегодня плохое настроение. Не обижайся, просто пойми: я ничего против тебя не имею, я по-доброму хотел помочь, чтоб ты не повторял глупейших ошибок. «Глупейших?» — Меньшов багровел. Ливан подходил к двери и, взявшись за ручку, оборачивался: не надо обижаться, Меньшов. Да кто тебе сказал, что я обижаюсь, кричал Меньшов, я не обижаюсь, пошел прочь и чтоб глаза мои тебя не видели!

Ливан ушел, бубня под нос, что ему, Ливану, нельзя нервничать, потому что тогда у него, Ливана, обостряется гастрит. Меньшов сидел весь красный от гнева. Через несколько минут его гнев улетучился, не оставив после себя ничего, кроме чувства, что душу Меньшова тщательно выскоблили изнутри. Он подошел к окну и прислонился лбом к холодному стеклу. Увидел девушку с локоном, похожим на пружинку. Эта девушка приснилась ему во время заоя: во сне он подошел к ней и заговорил о чем-то важном, а она жалела его и гладила по руке. Сегодня девушка была без книги. Похоже, кого-то

ждала. Сильный ветер вырывал из худых рук зонтик, но она упрямо продолжала ждать. Меньшов понял, что не стоит тешить себя пустыми надеждами, и опустил жалюзи. Щелкнул выключателем и погасил монитор. Комнату заполнил полумрак. Меньшов сидел в кресле, пытаясь слиться с темнотой. В дверь постучали. Меньшов не пошевелился. Дверь, скрипнув, приоткрылась. В кабинет просунула голову Людочка; она медленно оглядела темное пространство, потом втянула голову обратно и аккуратно затворила дверь, не проронив ни звука. Меньшов не был уверен, заметила она его или решила, что кабинет пуст. На всякий случай он громко позвал:

— Людочка! — и замолчал.

Дверь приоткрылась. Людочка снова внимательно оглядела кабинет, потом закрыла дверь. Конечно, она прекрасно видела Меньшова. Поведение шефа ее не удивило, потому что она не сомневалась, что Меньшов подсел на запрещенные наркотики. Все люди, получившие власть, рано или поздно спиваются или подсаживаются на героин — так считала Людочка. В любом случае она не собиралась заговаривать с Меньшовым. Меньшову наскучило играть в эту странную игру с Людочкой, и он открыл ящик стола. Под руку попался айфон, обернутый шарфом болельщика, но Меньшов не стал его брать. Он вытащил из ящика пистолет. Пистолет не был заряжен. На самом деле это был даже не пистолет, а зажигалка, изготовленная в виде пистолета. Коллеги подарили Меньшову зажигалку на юбилей два года назад, потому что тогда он много курил. Меньшов спрятал подарок в ящик стола и забыл

о нем; а сегодня случайно наткнулся. Он взвесил зажигалку на ладони: ему показалось, что раньше она весила меньше. Он отмахнулся от этой мысли. Совершенно ясно, подумал он, что это не зажигалка потяжелела, а я ослаб после недели беспробудного пьянства. Ради шутки Меньшов вообразил, что у него в руках настоящее огнестрельное оружие, и приставил ствол к виску. Холодный металл уперся в теплую кожу. Меньшов почувствовал бессмысленное дыхание смерти у своей головы; пусть смерть и была поддельной. Он старался понять, о чем надо думать, когда жить осталось минуту или меньше, но ему ни о чем не думалось. Уловить разницу между жизнью и смертью тоже не получалось. «Уловлю ли я эту разницу, если нажму на спуск?» — подумал Меньшов и нажал на спуск. Голова дернулась. Вместе со стулом он полетел на пол. Заезженная пластинка жизни остановилась. Людочка, услышав выстрел в кабинете шефа, инстинктивно побежала в противоположную сторону, но ударилась лбом об угол стены и пришла в себя. Она робко постучала в кабинет, но Меньшов не открыл, потому что был мертв. Людочка приотворила дверь. Меньшов лежал у окна, как мешок с картошкой. Из его головы вытекала темная жидкость. Пришел Ливан и тут же ушел, хватаясь за сердце. Он отправился вызывать полицию. У дверей, не решаясь войти, толпились сотрудники, привлеченные шумом. Вперед протолкался Чуркин. Он немного посмотрел на Меньшова издали, затем подошел и посмотрел вблизи. Меньшов не шевелился. Чуркин наклонился и прислушался: не дышит. Тогда он отошел в дальний угол и там, в спокойной обстановке, заблевал весь пол.

Запах был неприятный, но никто не посмел обвинить Чуркина в нарушении дисциплины. Чуркин беззвучно плакал, вытирая рукавом грязный рот. Два дня назад он догадался, что именно Меньшов приходил к нему, когда его не было дома; догадавшись, Чуркин подменил зажигалку в столе Меньшова на пистолет. Он собирался анонимно позвонить в полицию, чтоб заявить: ему известно, что некий Меньшов держит у себя в кабинете незарегистрированное огнестрельное оружие. Таким образом Чуркин надеялся избавиться от возникшей угрозы. Однако Меньшов застрелил себя и теперь можно не звонить в полицию. Чуркин не знал, почему плачет, раз всё так хорошо обернулось.

На похороны Меньшова никто не пришел, кроме его пожилых родителей. Коллеги Меньшова хотели прийти, но перепутали дату. Впрочем, даже если бы они не перепутали дату, то всё равно бы не пришли. Родители Меньшова считали, что сын убил себя, не выдержав бездуховности жизни в этой стране. Папа Меньшова любил повторять: в этой стране жизни нет, только существование. Мама Меньшова говорила: эта страна для меня как ад, скорей бы уехать. На самом же деле Меньшов застрелился случайно. Заканчивался ноябрь. Кора на деревьях блестела как мокрые тряпки. Над кладбищем стелился туман. Бродячая собака пристроила костлявое тело возле могилы неизвестного художника. Пахло сырой землей. Родители Меньшова, постояв у могилы сына, по крутой тропинке поднялись к обочине и сели в «копейку». У папы Меньшова дрожали руки; мама Меньшова положила ладонь ему на запястье и прошептала что-то ласковое своим

увядающим голосом. Меньшов был их единственный, поздний ребенок.

— Когда земля на могиле осядет, поставим большой гранитный памятник, — сказал папа Меньшова.

— Обязательно поставим, — сказала мама Меньшова.

— Плохо, что он так и не женился.

— Плохо.

— Был бы внучок.

— Да.

— Или внучка.

— Хотя бы так.

Линии дождя перечеркнули небо.

— Природа по нему плачет, — сказал папа Меньшова.

— Завтра обещали дождь со снегом, — вспомнила мама Меньшова. — А тебе в налоговую идти.

— Да уж.

— Наденешь шарф.

— Не надену.

— Обязательно наденешь.

— Не надену. Он колючий. У меня от него шея чешется.

— Наденешь! И знать ничего не хочу.

Они уехали, продолжая спорить. К могиле, в которой лежал Меньшов, подошел Чуркин. Он хотел принести на могилу цветы, но, зайдя в цветочный ларек, увидел, что цветы стоят слишком дорого, и не стал их покупать. Вместо этого он купил сто граммов водки в запечатанном стаканчике, чтоб выпить возле могилы, но не донес, выпил по дороге. Теперь он стоял, опустив руки, и смотрел на портрет Меньшова. Меньшов на портрете улыбался.

Чуркин не помнил, чтоб Меньшов улыбался при жизни. Наверно, улыбку ему приделали в фотошопе. К соседней могиле подошел пьяный мужчина по фамилии Горбов. Горбов шатался. Он повернулся к Чуркину и спросил, не знает ли он, где похоронена Вера Щетинина. Чуркин промолчал. Вера Щетинина, повторил Горбов, моя бывшая жена; неделю назад она умерла, а я как раз был в командировке в Будапеште. Чуркин хранил молчание.

— Эй, я с тобой разговариваю, — разозлился Горбов. — Что, ответить в падлу?!

Чуркин развернулся и ушел. Горбов погнался за ним, чтоб набить морду, но споткнулся, упал и растянулся в грязи, роняя в сырой чернозем злые слезы. Он перевернулся на спину и увидел над собой свинцовую плиту неба. Как крышка гроба, подумал Горбов. Капли дождя упали ему на глазные яблоки, и он прикрыл холодные веки, представляя себя куском льда. Вспомнил Веру и то, как они были счастливы, пока не поженились, а после свадьбы всё время ругались и видеть друг друга не могли. Через полгода развелись. После развода Горбов сильно скучал по Вере. Вера вышла замуж повторно и через год умерла от кровотечения во время родов. Из-за этого случая был крупный скандал в НИИ акушерства и гинекологии; кого-то даже уволили, но, по обыкновению, не того, кого следовало бы. Обо всем этом думал Горбов, лежа на кладбище под дождем. Затем он встал, снял с себя грязную куртку и побрел домой с курткой в руках. Прохожие смотрели на него и думали: вот идет горький пьяница, а Горбов ни о чем не думал, потому что его Вера умерла навсегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧУРКИН

Глава первая

Чуркин жил в ожидании ареста. Он собирался пойти в полицию, чтоб прекратить это страшное ожидание, но под любым предлогом откладывал поход. То за едой сходить надо, то в ЖКХ, то еще что-нибудь. Выходные Чуркин проводил на холодном полу среди остатков пищи, шмыгая носом. В воскресенье около полудня раздался звонок в дверь. Чуркин погладил на прощание портсигар и пошел открывать, смирившись с неизбежностью российского правосудия. На пороге стояла Антонина Пална. Антонина Пална была пожилой женщиной с химией на голове. Редящие волосы Антонины Палны падали на маленькие слезящиеся глазки, обрамленные сетью морщин. Более всего Антонина Пална любила поговорить о себе. Нельзя сказать, что ей была интересна эта тема, но кроме себя она ничего не знала и знать не хотела. В молодости Антонина Пална была красивой девушкой: коса до пояса, кожа гладкая, грудь упругая; звали ее тогда Тонечкой. К Тонечке сватались разные мужчины, но Тонечка всем отказывала, потому что ждала единственного и неповторимого. Единственный и неповторимый

не приходил. Со временем Тонечка состарилась, и ее стали звать Антонина Пална или просто Пална. Пална жила в одиночестве на четвертом этаже под квартирой Чуркина. Она давно заметила, что из квартиры Чуркина тянет чем-то несвежим, и решила заявить соседу свой решительный протест. Однако сразу к нему не пошла, потому что в любой момент могли принести пенсию; она боялась пропустить этот важный момент. Получив пенсию, Пална первым делом позвонила младшей сестре. В течение часа она объясняла той, почему жизнь у нее не удалась. Затем Пална положила большую часть пенсии в конверт и отнесла деньги средней сестре, которая после смерти мужа в одиночестве содержала безработного тридцатилетнего сына. Вид расстроенной сестры, сильно сдавшей за последнее время, и ее охламона сына, потягивающего пиво на диване, подлокотники которого блестели от засохшего жира, привел Палну в чувство; она почувствовала, что не зря осталась старой девой. Это приятное чувство поддерживало ее несколько дней, в течение которых она забывала пойти к соседу. В конце концов запах стал невыносимый. Пална привела себя в порядок и поднялась на пятый этаж. Чуркин открыл сразу. Вид у него, по мнению Палны, был бомжеватый. Она молча рассматривала поношенный наряд Чуркина. Чуркин глядел куда-то поверх головы Палны. Он ожидал увидеть полицейских с наручниками. Но полицейских с наручниками не было. Чуркин высунул голову на лестничную площадку, внимательно огляделся: никого. Он закрыл дверь. Пална постучала снова. Чуркин открыл.

— Что ж ты, соседка, дверь захлопываешь перед носом у старой женщины? — язвительно поинтересовалась Пална.

— А, это вы, Антонина Пална, — удивился Чуркин.

— Как же, как же, — протянула Пална, заглядывая в темноту чуркинской квартиры. — Милый друг, у тебя в квартире воняет чем-то; канализационную трубу прорвало, что ли?

Чуркин уставился на докучливую женщину:

— Нет, Антонина Пална, это я мусор забыл вынести.

— Ах, вот оно что, — удивилась Пална, — и сколько же мусора у тебя скопилось?

Чуркин нырнул в темноту, как в тихую заводь, и вынырнул с черным пакетом. Пална отшатнулась: ну и вонь. Схватившись за нос, она прогундосила:

— У тебя что там внутри, мясо гниет?

— Простите ради бога, — сказал Чуркин, — и впрямь, наверно, мясо: купил, а приготовить забыл, а холодильник в последнее время не холодит ни черта, оно и сгнило; незадача, ничего не скажешь. Вот, взгляните. — Он приоткрыл пакет и оттуда вывалился кусок несвежей говядины. Далее копошились какие-то мухи.

— Ах ты, боже мой! — воскликнула Пална. — Как так можно; я ведь и в милицию могу заявить! Этак ты весь дом этой гадостью провоняешь. И много у тебя такого?

Чуркин посчитал на пальцах:

— Семь-восемь полных пакетов.

— Вот что, соседка, — заявила Пална, — я, конечно, человек добрый и понимаю, что всякое в жизни случается, но, если не избавишься от

мусора, вот те крест, напишу в соответствующие инстанции. Что же это такое: взрослый мужчина, а мусор не выносит. Стыд и позор.

Чуркин понурился. Не то чтобы он испытывал стыд или сожаление, на самом деле он не испытывал ничего, кроме досады, что вместо полиции пришла Антонина Пална. Пожилая женщина, решив, что Чуркин мучается от стыда, начала учить его жизни, желая направить опустившегося мужчину на правильный путь. Чуркин, чтоб угодить Палне, внимательно слушал ее монолог, вздыхая в нужных местах: как вы правы, Антонина Пална, как это вы верно подметили. Пална преисполнилась жалости к несчастному человеку, которого одолели удары судьбы, и решила помочь ему с уборкой квартиры. Невзирая на возражения Чуркина, она подвинула его в сторону, включила свет в прихожей и выволокла мусорные мешки на лестничную площадку. Чуркин с недоумением следил за ее действиями. Пална велела Чуркину отнести мешки с мусором в контейнер. Чуркин нехотя повиновался. Пока Чуркин выносил мусор, Пална прошлась по коридору. Она хотела заглянуть в спальню, но дверь оказалась закрыта. Пална несколько раз дернула за ручку: безуспешно. Услышав шаги Чуркина, она нехотя оставила дверь в покое. Чуркин замер среди прихожей. Пална вручила ему еще один мешок и спросила, где веник. Чуркин не помнил, где веник. Он поглядывал на Палну с подозрением. Палне хотелось, чтоб Чуркин поскорее убрался с территории жилплощади, потому что она еще не закончила обследовать квартиру. Чуркин не уходил. Он что-то сжимал в кулаке за спиной. Пална нахмурилась.

Чуркин спросил:

— Антонина Пална, как вам запах: принюхались уже?

— Запах так себе, соседushка, — ответила Пална, — но сейчас мы приберем, и станет лучше.

— А вы не удивляетесь, — спросил Чуркин, — что у меня так много гниющего мяса?

— Мяса? — переспросила Пална.

— Да, — повторил Чуркин. — Мяса.

Пална приоткрыла случайный пакет: в нем гнили помидоры. Открыла другой: в нем гнила картошка, и цвел недопитый кефир. Открыла третий: он был полон карандашных обломков, пустых бутылок и конфетных фантиков. Чуркин разглядывал содержимое пакетов с вытаращенными глазами: нельзя сказать, что он удивился содержимому пакетов, он давно разучился удивляться, но глаза все-таки вытаращил. Пална покачала головой. Чуркин разжал кулак. На пол со звяканьем упали остро заточенные ножницы. Пална вытолкала Чуркина на площадку со словами: чего стоишь? выноси. И ножницы подбери, а то кто-нибудь наступит и поранится. Чуркин растерянно поглядел на нее, взял ножницы и пошел выносить мусор.

В гостиной на телевизоре лежал холщовый мешок. Дно мешка промокло, на телевизор сочилась темная жидкость. Пална коснулась пальцем жидкости, понюхала и скривилась: воняло рыбой. Видимо, Чуркин побросал в мешок пропавшие рыбы останки да так и оставил на телевизоре, не желая беречь дорогую корейскую технику. Пална пожалела, что решила помочь пропойце, который даже не в силах выкинуть мусор и сваливает его куда попало.

Напоследок она заглянула в холодильник: пусто, если не считать банки с остатками красного сока на дне. Пална поболтала банку в руке и поставила на место. Открыла морозильник: тоже ничего. Но холод из морозильника идет: получается, Чуркин врал насчет того, как пропало мясо. Пална побрела к входной двери. Ей хотелось спать и не видеть сны.

На пороге стоял Чуркин с веником наготове.

— Вот, — сказал он.

— Что «вот»? — холодно спросила Пална.

— Веник нашел, — робко улыбнулся Чуркин.

— Ну так подмети, — велела Пална. — А то развел бардак. И полы вымой. Швабра у тебя есть? Чтоб завтра никакого запаха не было, а то обращаюсь куда следует.

Пална ушла, гордо подняв голову. Чуркин закрыл дверь и отложил веник. В окно постучала тополиная ветка. Чуркин сел на пол, ощущая каждой клеткой тишину пустой квартиры. Пол был холодный. Портсигар в кармане уткнулся в бедро. «Сошел я с ума или не сошел?» — размышлял Чуркин. Он хотел позвонить Меньшову, чтоб спросить его мнение, но вспомнил, что Меньшов умер, и не стал никому звонить.

Глава вторая

Надя не знала, что Меньшов умер, и каждый день приходила к скамейке в надежде, что он появится. Но Меньшов не появлялся, потому что, лишенный средств к существованию, лежал в земле на глубине полтора метра и разлагался на простые химические

соединения. Надя мечтала, что однажды он подойдет к ней растрепанный, дикий, с горящими глазами, и они, не произнеся ни слова (потому что и так всё ясно), возьмутся за руки. Дни стояли холодные. Лужи покрылись тонким льдом. Надя касалась каблучком луж, чтоб проломить хрусткий лед и обнаружить под ним черную воду, густую, как сметана. С востока пришел первый снег, мокрый и мелкий. Он быстро таял, обнажая блестящие островки мокрого гудрона. Надя ловила холодные снежинки на ладонь и глядела, как они оживают, превращаясь в легкую жидкость.

В последнее время у Нади начались проблемы с учебой, потому что она не ходила на занятия. Ей уже несколько раз звонил староста группы, но Надя не отвечала на его звонки. Мысли ее были далеки от учебы. На самом деле, Надя сама не понимала, о чем ее мысли. Иногда ей казалось, что никаких мыслей у нее нет, и это не она что-то думает, а кто-то чужой думает за нее. По вечерам Надя ходила в то самое кафе, где впервые встретила Меньшова. Официанты в кафе стали узнавать Надю и, видя ее добрый характер, обслуживали милую девушку в последнюю очередь. Незадолго до начала сессии Наде позвонил отец, чтоб уточнить, как продвигается ее учеба. Надя призналась, что учеба в последнее время не продвигается.

— Из-за Егора? — спросил отец.

Надя не сразу поняла, что он говорит о ее бывшем муже.

— Да, — помолчав, сказала она.

— Я предупреждал, чтоб ты не спешила с браком? — спросил отец.

— Предупреждал, — согласилась Надя.

— Я был прав? — спросил отец.

— Прав, — подтвердила Надя.

— Вы же были дети, — огорчился отец. — Со-
всем еще дети.

— Да, — согласилась Надя, — мы были дети.

— Хорошо, что ты это признаешь, — сказал
отец. — Значит, ты немного повзрослела. Надеюсь,
ты уже отошла от горя и теперь возьмешься за ум.

Надя пообещала, что обязательно возьмется. На
следующий день она явилась на занятия. Гляде-
ла в лица одноклассников и не узнавала их; а они
на нее даже не глядели. Староста группы подошел
к ней, постоял немного рядом для утверждения
своего авторитета и отошел, гордо подняв голову.
Преподаватели отнеслись к появлению Нади с рав-
нодушием. Надя гуляла по пахнущим мастикой
коридорам, как по лабиринту своей жизни. Под
ногами скрипел паркет. Теплый воздух поднимал-
ся от батарей отопления. В аудиториях стояла жара,
и преподаватели часто останавливались посреди
лекции, чтобы промокнуть пот на лбу носовым
платком. Учеба налаживалась. В один из пасмурных
дней Надя случайно подслушала разговор одно-
группников. Они говорили о странном фотографе,
который пристаёт к студенткам у дверей публич-
ной библиотеки с непристойным предложением.

— Не удивлюсь, если это тот самый маньяк,
Молния, который убивает детей, — сказал староста,
грызя ноготь на указательном пальце.

— Очень может быть, — сказала светленькая сту-
дентка.

— Я так не думаю, — сказала темненькая студентка.

Она посмотрела на светленькую свысока, а та в свою очередь свысока посмотрела на темненькую; они воевали за благосклонность старосты. Светленькая пыталась влюбить в себя старосту, поддакивая ему, а темненькая — возражая. Староста же вообще не любил девушек: он предпочитал обкусывать ногти и мечтать о блестящей карьере, которая ждет его в будущем. Надю заинтересовал странный фотограф. Она подумала: вдруг это Меньшов. Он ведь тоже странный. Дома ее интерес притупился. Она жила одна, соседи по блоку уехали, и каждый вечер Надя слушала стук своего сердца в тишине, и некому было заменить перегоревшую лампочку в пыльной люстре, которая раскачивалась под потолком. Чтоб отвлечься от тишины, Надя включила компьютер. На жестком диске после ухода мужа осталось большое количество порнографии, но Надя ею почти не интересовалась. Поводив по рабочему столу указателем мыши, она обнаружила папку «Аниме». Раньше Надя считала японскую анимацию мерзкой отрыжкой азиатской культуры, но теперь решила посмотреть пару мультфильмов: вдруг ее мнение переменится. Посмотрев мультфильм про девочку с большими глазами и неразвитым телом, которую в отсутствие родителей лапал родной брат, она удалила папку «Аниме» в корзину и положила голову на стол, размышляя о хрустящих елочных игрушках. Локон-пружинка упал ей на глаза: она поправила его и включила аську. Сразу пришло сообщение от незнакомца: привет. Привет, не глядя, напечатала Надя. Она была счастлива, что хоть кто-то обратил на нее внимание.

— Давай займемся виртуальным сексом, — предложил незнакомец.

Надя не хотела заниматься виртуальным сексом, но ответила «давай», лишь бы незнакомец продолжал ей писать.

— Я целую тебя в губы сладко-сладко, — напечатал незнакомец, — и глажу в это самое время твои груди через тонкую маечку. Тебе нравится?

— Нравится, — напечатала Надя.

— А что на тебе одето? — спросил незнакомец.

«Надето», — хотела поправить Надя, но не поправила, потому что не хотела выглядеть слишком умной в глазах незнакомца.

— Не помню, — напечатала Надя.

— Я приподнимаю на тебе маечку, — напечатал незнакомец, — и глажу твои напряженные сосочки, беру их в щепотку и нежно пощипываю.

— Здорово, — напечатала Надя.

Ей хотелось зевать.

— Я глажу тебя рукой по трусикам, они мокрые, потому что ты возбуждена, и твой любовный сок обильно течет на твои тоненькие, полупрозрачные трусики, а мой большой напряженный член тычется своей ярко-красной головкой в твой голый пупочек.

— Класс, — напечатала Надя.

— Я залезаю рукой тебе в трусики и ласкаю тебя пальцами между ног, там горячо и мокро, я целую тебя в губы и засовываю язык тебе в рот, твой крохотный язычок порхает как бабочка под моим жестким напором, а мой большой язык двигается, как молот. Потом я беру твою руку и заставляю гладить мой большой напряженный член, вверх и вниз, вверх и вниз, чтоб ты почувствовала, какой он длинный

и толстый, как ствол дерева. Ты испугана, что этот поршень скоро войдет в твое незащищенное лоно, он слишком большой для тебя, слишком могучий.

— Круто, — напечатала Надя.

Незнакомец замолчал. Надя ждала. Незнакомец молчал. Надя напечатала: а что дальше? Незнакомец не ответил и вышел из аськи. Надя подождала, может, к ней еще кто-нибудь постучится, но никто не постучался. Она закрыла аську и открыла браузер. На сайте городских новостей прочла новость о новой выходке серийного убийцы: посреди ночи он подложил на ступени, ведущие в мэрию, половину еще теплого сердца, а на стене написал краской: «Одну половинку сердечка я оставляю себе, а другую дарю городу. Молния». Пресса раздула скандал из-за того, что серийного убийцу не удалось снять. Запись с камер видеонаблюдения не велась: закончилось место на жестких дисках сервера охраны. Источник в мэрии, пожелавший остаться неизвестным, рассказал журналистам, что сервер под завязку набит пиратской видеопродукцией. Что касается изображения с видеокамер, то за ним в ту ночь никто не следил, хотя должны были следить сразу двое; первый охранник надолго отлучился в туалет, потому что накануне поел несвежей рыбы, а второй задремал перед монитором, укрыв больные ноги теплым клетчатым пледом. Поначалу считалось, что сердце принадлежит несчастной маленькой девочке, но вскоре выяснилось, что сердце свиное. Вероятно, выходку учинил не серийный убийца, а злой шутник-подражатель. Представитель МВД официально заявил, что шутка не удалась и МВД приложит все силы, чтоб найти и покарать преступника.

Надя несколько раз перечитала новость, но так и не поняла, смеяться ей или плакать. Она выключила компьютер и прислушалась к ночным звукам. Ночных звуков не было. Надя испугалась, что всё в мире исчезло, кроме нее и этой комнаты. Она швырнула дрожащее тело к окну и распахнула створки, впуская внутрь холодный воздух. У нее закружилась голова. В лицо ударил ветер, принесший горько-сладкие запахи далеких стран, которых Наде никогда не увидит, и соль бесконечного океана, в котором Наде не искупаться, истошные крики чаек и тихий голос родного человека, который зовет с собою вдаль, золотой песок островов в океане и молчание заброшенных городов, подернутых таинственной дымкой, и небо, боже какое синее небо увидела Надя: не обычную серую муть, а настоящее небо, чистое и пронзительное, как вопль умирающей души. Она с ногами забралась на подоконник и потянулась к этому чистому небу, у нее дрожали руки и подгибались колени, внизу чернела пропасть, а сверху синело небо, вихрь поднялся в груди Нади, это был вихрь такой силы, что у нее заболели ребра; ее устремило навстречу чему-то неизведанному, новому, всё выше и выше, осталось совсем немного, сделать маленький шаг, но тут кто-то крикнул снизу: «Ты что творишь, дура, свалишься же!» — и Надя, очнувшись от наваждения, слезла с подоконника и закрыла окно.

На следующий день Надя пошла в публичку. Выйдя из здания с книжкой под мышкой, она увидела странного молодого человека с фотоаппаратом на груди; он приставал к одиноким девушкам и о чем-то их спрашивал. Девушки мотали

головами и старались поскорее уйти. Надя замерла под козырьком, ожидая, что фотограф подойдет к ней. Она хотела спросить, зачем он пристаёт к девушкам с непристойным предложением. Фотограф не подходил. Тогда Надя сама пошла к нему. Фотограф увидел, что какая-то девушка целеустремленно шагает прямо на него, испугался этой смелой целеустремленности и сбежал.

Глава третья

Кошевого вызвали на серьезный разговор. Человек, с которым предстояло говорить, был то ли из ФСБ, то ли из какого-то другого серьезного госучреждения. Кошевому не сообщили точное звание собеседника, но велели не юлить и говорить правду: четко и членораздельно. Кошевой обещал не врать. Собеседник представился Пал Иванычем. Пал Иваныч был человек неопределенного возраста и внешности, среднего роста, лысый, в кашемировом свитере. Он временно занимал кабинет старшего следователя Шуйко. Шуйко был православный человек: у него на стене рядом с портретом Че Гевары висело огромное распятие. Сейчас оно нависло над головой Пал Иваныча. Пал Иваныч опасался, что распятие свалится и проломит ему череп. Кошевой же опасался самого Пал Иваныча. Он полагал, что за приятными манерами Пал Иваныча скрывается подлая натура, которая скоро проявит себя. На самом же деле за приятными манерами Пал Иваныча скрывался автоматизм всех его действий. Все его действия повторялись уже не первую сотню раз,

и Пал Иваныч в иные моменты жизни считал себя роботом, который предназначен для выполнения определенного набора поступков. В другие моменты жизни Пал Иваныч представлял себя цветущей вишней, но не потому, что образ цветущей вишни был как-то связан с его работой: просто ему нравилось представлять себя цветущей вишней.

Когда-то Пал Иваныч был женат, но развелся. От брака у него остались расплывчатые воспоминания о вечных скандалах и сын. Два раза в году, на Новый год и в день рождения, Пал Иваныч отправлял ему крупную сумму денег, выражая таким образом родительскую заботу. Одно время у Пал Иваныча была постоянная любовница, но она ушла от него, потому что Пал Иваныч редко с ней разговаривал. На первом же свидании он заявил ей, что она должна без слов, только по выражению его глаз понимать, чего он от нее хочет; а так как выражение глаз Пал Иваныча оставалось неизменным, она постоянно ошибалась в своих выводах. Когда она ушла, Пал Иваныч какое-то время звонил ей на сотовый с чужого номера и мстительно дышал в трубку, доводя бедную женщину до истерики. Вскоре ему это надоело, и он велел своему заместителю звонить вместо него. Бывшая любовница сменила номер, и Пал Иваныч потратил пару часов, чтоб выяснить его. Выяснив, он засыпал мобильник бывшей любовницы угрозами. Та догадалась, чьих это рук дело, позвонила Пал Иванычу и стала орать в трубку. Пал Иваныч на все упреки спокойно ответил, что никакая конченная тварь не имеет права его бросать и пригрозил, что в случае неповиновения применит меры покруче. Бывшая любовница поперхнулась,

вспомнив, что Пал Иваныч имеет непосредственное отношение к силовым структурам, и замолчала. Пал Иваныч тоже умолк. Бывшая любовница робко попросила прощения, и удовлетворенный Пал Иваныч повесил трубку. В целом Пал Иваныч был человек неплохой и любил разглядывать фотографии котиков в Интернете. Кошевой тоже любил разглядывать фотографии котиков и щенят, особенно маленьких щенят в кружках. Экая ты заварочка, ласково приговаривал он, разглядывая фотографию очередного щеночка, высовывающего любопытный носик из кружки. В этом они с Пал Иванычем сходились.

Пал Иваныч поинтересовался настроением Кошевого, справился о здоровье, восхитился его мускулатурой. В кабинете было душно, пот лился градом. Когда же починят этот хренов кондиционер, разозлился Пал Иваныч и постучал по кондиционеру рукой. Кошевой встал и тоже постучал. Кондиционер загудел; подул холодный ветерок.

— Спасибо, дорогой. — Пал Иваныч потер ладони. — Раз уж мы здесь собрались: что вы можете сказать о Гордееве? Вы, я слышал, часто общаетесь с ним в последнее время. Какой он человек?

— Правильный он человек, Пал Иваныч, — с готовностью отвечал Кошевой. — Таких больше не найти.

— Выпивает?

— Не без этого.

— А ведь раньше ни капли в рот! — Пал Иваныч сцепил над столешницей пальцы. — Я с ним, знаете ли, давно знаком. — Он закусил губу. — Дело серийного убийцы продвигается?

— Продвигается потихоньку.

— Долго! — заметил Пал Иванович. — Обычно такие дела Гордеев как орешки щелкает, а тут затык. Неужто из-за алкоголя?

Кошевой заволновался:

— Как можно, Пал Иванович! Он, понятное дело, случается, выпьет; ну а кто не бухает? Тем более такая голова, такая голова!

Пал Иванович перебирал на столе бумаги.

— Ну, положим. А что вам известно о любовнице Гордеева, некой проститутке по имени Зина? Как вам кажется, тратит он на нее государственные средства?

Кошевой заволновался еще сильнее:

— Пал Иванович, ну это совсем абсурд! Понятно, тратит, но ведь он с ней не спит, это я сам видел. Они беседуют за рюмочкой коньяку, и Гордеев оттачивает на ней свое умение делать выводы. Тут уж его винить никак нельзя, сразу видно: для дела!

Пал Иванович хлопнул ладонью по столу.

— Прекратите ломать комедию, Кошевой! — Он поскрипел зубами, чтоб произвести впечатление на сотрудника. — Не буду врать: до нас доходят самые тревожные слухи. Говорят, Гордеев забросил дело, ударившись в пьяный разгул, и расходует государственные средства не по назначению, в том числе на упомянутую проститутку. Положение серьезное. Страна на пороге кризиса, грядут президентские выборы, а вы тут со своими шуточками. «Оттачивает умение делать выводы», — передразнил он. — Я вам кто, девочка, что вы мне по ушам ездите? Девочка?! Ну, что молчите? Девочка я для вас или не девочка?

— Ник-как нет, Пал Иванович, не девочка, — заикаясь, пробормотал Кошевой.

Пал Иваныч чуть успокоился:

— Это хорошо, что не девочка, Кошевой. Это внушает надежду.

— Нет в вас ничего от девочки, — поправился Кошевой.

— Хорошо, что вы это понимаете, Кошевой, — заметил Пал Иваныч. — Значит, вы небезнадежны. Тут главное — видеть ситуацию всю. Поймите, дорогой вы мой человек: нельзя упускать из виду детали.

— Спасибо за ценный урок, Пал Иваныч, — тихо поблагодарил Кошевой.

— Вот вы говорите: ценный урок, — заметил Пал Иваныч. — А что для вас ценный урок? Молчите? То-то же. Главное, понять, кто вы и для чего, дорогой мой, иначе в современном обществе никуда.

Кошевой пытался сообразить, о чем они с Пал Иванычем разговаривают. Он понимал, что они говорят о чем-то, но о чем именно — вот вопрос. То ему казалось, что они говорят о Гордееве, то чудилось, будто ведут беседу на общечеловеческие темы. Пал Иваныч и сам не понимал, о чем разговор. Это был его метод: напустить туману. Благодаря своему методу Пал Иваныч поднялся довольно высоко по служебной лестнице. Нельзя сказать, что Пал Иваныч задался целью подняться по служебной лестнице, он предпочел бы родиться вишней, роняющей по весне белые лепестки на безмолвную гладь прозрачного озера, но раз вишней стать не получилось, то приходилось заниматься карьерой. Пал Иваныч знал, что люди любят, когда загадочно и непонятно, и старался вложить в свои слова скрытый смысл, вернее ощущение, что скрытый смысл есть, хотя никакого скрытого смысла не было

и в помине. В беседе с женщинами Пал Иваныч в основном молчал, чтоб женщины думали, будто за его молчанием скрывается страшная тайна, а в беседе с мужчинами нес многозначительную ерунду, которая была по душе сильному полу. Излюбленным приемом Пал Иваныча был внезапный рассказ о технических характеристиках огнестрельного оружия: например, какова прицельная дальность АК-74. Или как правильно разбирать пистолет Макарова. Вот и сейчас он огорошил Кошевого вопросом, что тот думает о последних моделях венгерских пистолетов, принятых на вооружение у болгарской полиции. Кошевой ничего не знал о последних моделях венгерских пистолетов; он даже не помнил наверняка, где находится Венгрия. Пал Иваныч тоже ничего не знал об этом вопросе, потому что выдумал его на ходу, но всё равно начал что-то рассказывать, чтоб напустить побольше туману. На середине рассказа он достал сигарету: «Вы не против, если я закурю?» Кошевой был против, но промолчал из уважения к должности Пал Иваныча. К тому же он был уверен, что Пал Иваныч всё равно закурит. Пал Иваныч приоткрыл окно и курил короткими затяжками, выпуская дым из ноздрей и уголков рта, как пожилой китайский дракон. Кошевой уставился в пол: на полу лежал раздавленный окурочок. Пал Иваныч проследил за взглядом Кошевого, увидел окурочок и подумал: «Прямо как я: раздавленный жизнью окурочок». В плохом настроении Пал Иваныч всегда представлял себя втоптаным в грязь окурочком или пивной бутылкой, которая валяется под скамейкой. Кошевой, видя страдания Пал Иваныча, с трудом боролся со сном. Пал Иваныч разгля-

дывал смутное отражение своего лица в оконном стекле.

— Боже, — сказал он, — посмотрите на эти морщины, Кошевой. У меня есть деньги и власть, но я всё равно старею, вы можете себе это представить?

Кошевой вытаращился на кашемировый свитер Пал Иваныча.

— Вот вы, Кошевой, наверно, думаете, что я еще могу что-то изменить, — сказал Пал Иваныч, — а уже ничего нельзя изменить: моя бывшая жена постарела, сын давно вырос и не хочет меня видеть. Я не знаю, что ждет меня впереди, и не помню, что осталось позади. Так-то. Вы удивляетесь, зачем я вам это рассказываю?

— Конечно, Пал Иваныч, — закивал Кошевой.

— А нет никакой причины, — сказал Пал Иваныч. — Надеюсь, вы это понимаете: никакой причины нет. Хочу — и говорю.

— Еще бы, Пал Иваныч, — с готовностью подтвердил Кошевой.

— Это хорошо, что вы со мной согласны. Значит, вы умный человек.

— Стараемся, Пал Иваныч!

— М-да... — Пал Иваныч потер ладонью лоб. — О чем мы говорили до того, как... — Он запнулся. — Ах да, о Гордееве. — Пал Иваныч вздохнул и закрыл глаза. — Вот что, Кошевой, — сказал он, — докладывайте мне обо всех поступках Гордеева в устной форме, договорились? Поглядим, что он еще выкинет. Следующий доклад послезавтра здесь в это же время.

— Всенепременно, Пал Иваныч, — сказал Кошевой и встал, пошатываясь и зевая. Осенью

и зимой его всегда клонило в сон. Он вышел на улицу, слушая вой ветра в ушах. В небе клубились тучи. Люди спешили скрыться от непогоды в теплых подъездах. Кошевой пошел, сам не зная куда: ему некуда было идти. Позвонил Гордеев. По его настойчивой просьбе Кошевой поймал такси и отправился в стриптиз-клуб «Ваниль». Охранник на входе не хотел его пропускать, потому что Кошевой, по мнению охранника, был недостаточно прилично одет. Кошевой показал ему удостоверение. Охранник, поколебавшись, распахнул дверь. Внутри плясали огни. Пахло шампанским и табаком. Большая часть столиков пустовала: посетители жались к маленькой сцене, залитой розовым светом. Кошевой протиснулся поближе к Гордееву, который возвышался над потными головами посетителей, как айсберг. Гордеев молча пил яблочный сок. Кошевой ждал, что он что-нибудь скажет, но Гордеев ничего не говорил. Тогда Кошевой задремал стоя. Гордеев разглядывал девушку, которая размазывала лоснящееся тело по блестящему металлическому шесту. Из одежды на стриптизерше были черные трусики с блестками и белые туфельки на шпильке. Мужчины, насмотревшиеся голливудских фильмов, старались засунуть бумажные деньги под резинку трусиков, и только Гордеев оставался в гордой неподвижности, потому что хранил деньги на карточке. Ему было грустно глядеть на сосредоточенное лицо девушки, которая боялась ошибиться, и оттого ошибалась только чаще. Пьяные зрители не замечали ошибок стриптизерши; никто не хотел видеть, как дрожат у нее руки и как она мечтает поскорее вернуться в служебную комнату, чтоб привести

в порядок макияж и пересчитать деньги. Ей нужны деньги на учебу сына: родительский комитет приказал сдать две тысячи на Новый год и четыреста рублей на новый учебник, взамен порванного. Еще надо заплатить за квартиру, за которую не плачено семь месяцев, и купить маме подарок на день рождения. А вокруг лица-лица-лица, они выныривают из темноты, как губастые карпы из черной реки, и белые руки подобно склизким щупальцам тянутся к ней, чтоб положить в трусики деньги или ущипнуть за незащитную кожу. Только одно лицо не выражает чувств: лицо Гордеева, и стриптизерша думает: этот пижон в костюме не положил мне в трусики ни рубля. Она злится на Гордеева, и от злости ее танец становится красивее, чище и возвышенней. Она проделывает немыслимые вещи с шестом, трюки, которым позавидует любой акробат. Помещение гудит, пытит и стонет, денежный ливень обрушивается на стриптизершу. Гордеев же стоит как ни в чем не бывало и потягивает кислый яблочный сок через трубочку, представляя себя по обыкновению мертвой собакой.

Знаете, Кошевой, говорит он дремлющему напарнику, я знаю, что вы виделись сегодня с Пал Иванычем и могу примерно представить, о чем вы с ним говорили. Он — неплохой человек. По крайней мере, есть и хуже. Просто он жил, как жил, как многие живут, и теперь думает, что должен меня спасти. Уверен, вы решили, что он желает разрушить мою карьеру; это не так. На самом деле Пал Иваныч хочет уберечь меня от самого себя. Мы с ним редко видимся. Последний раз — на похоронах дедушки пять лет назад. Мы стояли по разные

стороны свежей могилы и молча смотрели друг на друга; он плакал, а я — нет. Мне было всё равно, что он плачет, хоть я и понимал, что он переживает из-за пути, который я выбрал. Спрашиваете, почему он переживает? Прекрасный вопрос. Ответ прост: потому что он мой отец. Родители всегда переживают за своих детей. Вот только мало что делают, чтоб помочь. Переживают и не делают — можете себе представить этот удивительный парадокс, Кошевой? Пал Иваныч два раза в год присылает мне деньги, хотя я давно взрослый и денег у меня не меньше, чем у него, но ему так легче, он думает, что деньгами можно откупиться от совести. Вы слушаете меня? Ах, вы спите. Изумительно. Когда вы спите, у вас такое глупое лицо. Интересно, какое лицо было у Молнии, когда он писал сообщение на стене мэрии; наверно, такое же. В новостях вышло опровержение: преступник якобы использовал свиное сердце, но это неправда, сердце было человеческое. Молния разрезал его на две части, одну половину оставил себе, а другую положил на лестницу. Ему кажется, что он любит родной город, и две половинки сердечка — символ этой любви. Вы храпите, Кошевой? Отлично. Храпите потише, прошу вас: люди оборачиваются. Кстати, этот Молния пользуется Интернетом. Он знает свою сетевую кличку. Не удивлюсь, если он первый ввел ее в обиход в Сети. На всякий случай я приказал проверить несколько человек, которые используют кличку «Молния» на форумах и в блогах. Как вам идея? Сомневаетесь, что сработает? Отлично. А теперь простите меня, Кошевой, я вынужден вас покинуть.

Гордеев пошел наперерез стриптизерше, которая направлялась к неприметной дверце под кисейным пологом. Схватил ее за руку:

— Прошу прощения, нам надо поговорить.

— Нам не о чем с вами говорить, — сказала стриптизерша, — отпустите меня.

— Как вас зовут? — спросил Гордеев.

— Оля, — представилась стриптизерша, — но вам-то какое дело?

Она посмотрела на охранника Борю, но Боря не спешил ей помочь.

— Ах, вот оно что, — догадалась Оля, — вы тот самый «особый гость», о котором говорил босс.

— Не в этом дело, — заверил ее Гордеев. — Пройдемте к столику. Я задам вам пару вопросов, совершенно незначительных.

— Можно, я накину что-нибудь на грудь? — поинтересовалась Оля.

— Обязательно: вот шаль. — Гордеев набросил пуховую шаль на Олины плечи.

— Откуда у вас шаль? — засмеялась Оля. — Впрочем, ладно. Спасибо, вы очень милы.

— Будете коньяк? — спросил Гордеев.

— Вам невозможно отказать, — усмехнулась Оля.

Он налил ей коньяку. Оля выпила. Щеки у нее зарделись: вкуснотища.

— Пожалуйте, лимончик, — галантно предложил Гордеев.

— Вы само совершенство, — сказала Оля, элегантно надкусывая кислую дольку. — Почему вы не появились в моей жизни раньше? Кстати, мое имя вы знаете, а как зовут вас?

— Гордеев, — представился Гордеев.

— Ничего себе, — удивилась Оля, — какая у вас фамилия: словами не описать.

Она доела лимончик.

— И что вы забыли в нашем гнезде разврата, господин Гордеев?

— Кое-кого ищу, — смутился Гордеев. — Зину. Знаете такую?

— Эту шлюху? — удивилась Оля. — Зачем она вам? Она вам не подходит, слишком проста.

— Мною движет личный интерес. — Гордеев положил руку на Олины пальцы. — Умоляю: не откажите в помощи.

— Вы такой нелепый, — сказала Оля пьяным голосом, — зачем вам эта падшая девица, когда есть я? — Она дернула плечиком, обнажая левую грудь.

Гордеев покачал головой:

— Не мне судить, кто пал.

— Но Зина вам нужна?

— Нужна: я знаю, последний раз ее видели в этом клубе.

— Здесь так шумно. — Оля поежилась, поправляя шаль. — Я вся дрожу от звуков. Пойдемте со мной в комнату отдыха.

— Там тихо? — уточнил Гордеев.

— Там пахнет духами и пудрой, а на зеркале выцветшая переводная картинка с яхтой. Говорят, эта картинка осталась от девушки, которая грезила парусными кораблями, а сама даже ни разу не побывала на море.

— Вы удивительный человек, Оля.

— Мне это говорят обычно спьяну, но вы, кажется, трезвы, господин Гордеев?

Гордеев улыбнулся:

— Такое чувство, что я знаю вас давным-давно.

— Шутник, — засмеялась Оля. — Осторожно, здесь ступенька. — Она открыла дверь в комнату отдыха, зажгла свет. — Садитесь: это табуретка для посетителей. У вас грустное лицо. Вас что-то тревожит?

— Ничего особенного. — Гордеев покачал головой. — Мне скучно жить.

— Ах, оставьте: это всем скучно. — Она наклонилась к нему и прошептала, обдав лицо горячим дыханием: — Хотите погладить меня по бедру?

— Не стоит, — тихо ответил Гордеев.

— Вы уверены?

— Совершенно.

Она отпрянула:

— Вы так милы; что ж, Зина... Зина-Зина-Зина... в последний раз она была тут неделю назад. Говорят, она задолжала денег своему сутенеру. Петя добрый мужчина, но из-за денег может озвереть.

Гордеев нахмурился:

— Он любит деньги?

Оля покачала головой:

— Он ничего не любит, он пустой. Как вы и я.

Гордеев поднялся:

— Вы знали, что Зина собирается замуж?

— Да.

— За него?

— Отнюдь. Ее жених другой. — Оля нахмурилась. — Я видела его всего один раз. Рассказывал ей что-то, щипал за кожу, смеялся. Страшный человек. Говорил что-то про счастье для... — Она закусила губу. — Что за счастье и для кого не помню, хоть убей. — Оля отвернулась к зеркалу. — Прошу вас,

если это всё, уйдите. Мне надо привести себя в порядок. Я вспотела... — Она сняла шаль. — Возьмите, это ваше.

Гордеев покачал головой:

— Не мое.

— А чье?

— Не знаю: стащил с вешалки в гардеробе.

Оля расхохоталась:

— Господи, какой вы забавный.

Она привстала на цыпочки и чмокнула Гордеева в щеку.

— Спасибо вам.

— За что? — удивился Гордеев.

— Не знаю. Вы подняли мне настроение.

— До свиданья, Оленька.

— Счастливо!

Гордеев вышел. Оля достала из ящичка мобильник и набрала номер сына. Сын взял трубку, сказал «Мама, потом» и повесил трубку. Ну хоть жив — и ладно. Она застыла перед зеркалом. Я как будто существую, сказала она себе. А как будто и нет. Она вынула из ящичка фляжку с коньяком и сделала глоток; ей полегчало, и она сделала еще глоток, чтоб упрочить возникшую легкость, а потом еще один, чтоб почувствовать себя птичкой, и в конце концов выдула всю фляжку.

Гордеев вернулся к напарнику. Кошевой уже не спал. Гордеев достал из-за пазухи чашечку на цепочке, посмотрел на нее и сунул обратно за пазуху. Для чего вы таскаете с собой эту дурацкую чашку, хотел спросить Кошевой, но не спросил. Гордеев, видя, что Кошевой озадачен, решил, что он удивляется, зачем Гордеев ищет пропавшую проститутку.

Вы, наверно, думаете, сказал он, что у меня возникли романтические чувства к Зине. Поверьте, это не так. На самом деле я ищу ее в связи с нашим делом.

Кошевой поднял голову:

— Что?

— Не верите? — разозлился Гордеев. — Зря. Какие чувства могут быть у меня к проститутке? Боже, я даже не спал с ней. Ну что вы мычите, Кошевой? Прошу вас: говорите внятно.

— Душно здесь, господин Гордеев, — сказал Кошевой. — Давайте выйдем.

— Давайте, — согласился Гордеев, — только, прошу вас, больше ни слова о проститутке.

Кошевой хотел спросить, о какой проститутке идет речь, но промолчал. Гордеев почувствовал странное стеснение в груди, которое отнес к слишком узкому пиджаку. На воздухе ему стало легче.

Глава четвертая

Танич ездил по вечернему городу на автобусе. Он не хотел возвращаться домой, потому что там до сих пор жили Зина с дочерью. Ездить на автобусе он тоже не хотел. Но всё равно ездил, потому что устал ходить. За стеклами мелькал унылый городской пейзаж. Шум мотора вгонял в тоску. В окнах домов мерцали голубые огни — как призраки умершего уюта. Возле ларьков на остановках толпились подростки; от их режущих голосов у Танича разболелась голова. В автобус ввалилась пьяная компания. Компания ругалась матом и задирала пассажиров. Пассажиры молча терпели издевки,

и компания вышла на следующей остановке, не выдержав гнетущей обстановки полупустого автобуса. Водитель, которого звали Семен, сделал радиопогромче. Певец пел о тюремной жизни. Семен не любил песни о тюремной жизни, но всё равно слушал их, потому что так было принято. Честно говоря, он вообще не любил музыку, а из развлечений предпочитал водку и водку с пивом. Когда водка кончалась, он шел в магазин за следующей бутылкой, а если магазин был закрыт, возвращался домой с пустыми руками и валился в обуви на кровать. Он ждал, что кто-нибудь снимет с него грязные ботинки, но никто не снимал. Тогда он вспоминал, что мать умерла, а жены у него нет, и снимал обувь сам. Иногда у него возникало желание пустить автобус на встречную полосу, чтоб почувствовать, как сминаются коробки из стекла, пластика и металла, фаршированные человеческим мясом. Но он прямо продолжал вести транспортное средство по установленному маршруту, словно рука человека, проложившего этот маршрут, обладала магическим действием на его усыхающий разум. Часть выручки Семен складывал в трехлитровые банки из-под сока. У него уже скопилось несколько трехлитровых банок с мелочью; поначалу он собирал деньги на путешествие, но с возрастом понял, что ехать ему некуда и незачем, везде одно и то же, и решил завещать, чтоб банки похоронили вместе с ним. А чтобы мелочь не разворовали жадные родственники, принял решение каждую банку заключить в отдельный нестораемый сейф, и для этого копил деньги на сейфы, но вскоре забыл, для чего собирает деньги, и пропил сбережения, а одну из банок

в пьяном угаре скинул с балкона и убил ею кошку. На следующее утро под балконом не было ни банки, ни кошки, а за листом подорожника Семен обнаружил след мужского ботинка сорок седьмого размера и выпачканный в крови медяк.

Танич прислонился к холодному стеклу щекой и думал, как бы ему найти какой-нибудь повод для размышления. К несчастью, повода не было. Ему захотелось выйти из автобуса, но он не вышел, подождал еще две остановки, надеясь, что желание выйти пройдет само; однако оно не проходило. Тогда он подождал еще одну остановку. Желание выйти никуда не делось. Что за чертовщина, подумал Танич. Вскоре он остался единственным пассажиром. Водитель остановил автобус и, глядя в пустой салон осоловелыми глазами, прохрипел: «Конечная!» Танич поднялся, жалея, что приходится выходить из теплого помещения в холодную ночь. Семен проследил за тем, как Танич не спеша выбирается из автобуса, и закрыл двери, чтоб в тесной обстановке пересчитать накопившуюся за день мелочь. Сбившись со счета, он пересыпал мелочь обратно в миску и стал пересчитывать снова, и так повторилось несколько раз.

Танич оглядывал незнакомый район. Слева были гаражи, бесконечный ряд кирпичных коробок с белыми номерами на воротах, справа — пустырь, а за ним девятиэтажки, похожие на незажженные белые свечи, впереди — ничего. Горящие фонари освещали дорогу, ведущую в сиреневую пустоту. На стенах гаражей трепетали полинявшие афиши Театра юного зрителя. Холодный ветер заставил Танича поежиться. Он пересек дорогу, а затем пересек

ее снова, увидев на другой стороне работающий ларек, в котором за стеной сигаретных пачек пряталась стареющая женщина: она читала книгу или только притворялась, что читает, потому что за всё время ни разу не перевернула страницу. Танич подошел к ларьку. Он рассмотрел его со всех сторон, не понимая, что этот безобразный нарост из стекла и металла делает у обочины дорожной ленты, протянутой, как бельевая веревка из ниоткуда в никуда. Ларечница в свою очередь уставилась на Танича, не понимая, что тут делает этот невыразительный человек со злыми глазами. Танич подумал, что это судьба, и он, наконец, убьет взрослого человека. Он осмотрелся в поисках камня, чтоб разбить им стекло, но камня поблизости не оказалось. Он прошел немного дальше и нашел в канаве обломок кирпича. Взвесил в руке: тяжелый. Он успел забыть, для чего искал камень, потому что его мысли вернулись к Зине и ее дочери, которые не желали съезжать с чужой жилплощади. Танич пошел по дороге с кирпичом в руке. Он миновал пост ГИБДД и очутился за чертой города. Чахлые деревца гнулись на ветру, как зубчики расчески. Заиндевелые травы прижимались к мертвой земле, чтоб ощутить себя частью большого мертвого целого. В воздухе мерцала холодная пыль. Танич моргал от боли, когда эта пыль попадала ему в глаза. Фонари светили приглушенно, словно боясь темноты. В поле недалеко от обочины виднелся заброшенный синий ларек с надписью «ПИВОВОДЫ». Танич пошел к ларьку, чувствуя в немеющей руке вес кирпича. По дороге промчался автомобиль, еще один, дальние огни слепо всматривались в зыбкую полосу

горизонта. В холодном воздухе вспыхивали и тут же гасли белые искры. Танич не видел ничего кроме ларька, правая половина которого была залита светом фонаря, а левая погружена во мрак. Он шагал по замерзшей грязи, и его каблуки, проламывая лед, проваливались в студенистую слякоть; Танич шел к цели как по болоту, стуча зубами от холода. В двух шагах от покосившейся двери, едва державшейся на ржавых петлях, он остановился, чтоб вспомнить, кто он и что тут делает. Он ничего не вспомнил, кроме той страшной ночи, которую провел на кладбище со сломанной ногой, когда чьи-то белые глаза глядели на него из темноты и чьи-то серые губы шевелились, произнося его имя. Ему подумалось, что, может, ничего этого не было; может, маленький Танич нафантазировал себе и глаза, и губы; может, он нафантазировал себе всю свою жизнь, а на самом деле он до сих пор сидит возле безымянной могилы, зная, что мама мертва, а кто-то большой и страшный, как колесо обозрения, глядит на него из темноты и потирает костлявые ладони. Это существо огромное и неуязвимое, холодное и мертвое, как космическое пространство, из которого оно вынырнуло. Оно погрузило острые пальцы в его грудь и что-то сделало с его сердцем, что-то ужасное. У Танича сдавило горло. Он потрогал ручку двери: холодная. Толкнул: дверь поддалась. Он взял кирпич поудобнее.

Надо заметить, что в ларьке «ПИВОВОДЫ» когда-то продавали паленую водку и лимонад, чтоб было чем запивать паленую водку, но затем его закрыли из-за недостатка финансирования. Хозяин ларька объявил себя банкротом и уехал жить

в Грецию, чтобы на берегу Ионического моря пережить удары судьбы. Новый хозяин хотел снести ларек и на его месте построить маленькую гостиницу с сауной и проститутками, но его убили выстрелом в спину во время разборок в лихие девяностые. Следующего хозяина ларька убили во время разборок в нулевые; он не думал, что его убьют, потому что нулевые были вовсе не лихими, особенно в сравнении с девяностыми, но его всё же убили, причем с особой жестокостью — сначала отрезали пальцы на руках и ногах, а потом сунули арматуру в рот, чтоб проверить, насколько глубоко стальной каркас проникнет в полости человеческого тела. Очередной хозяин ларька сначала даже не знал, что у него в собственности есть ларек на границе города, а когда узнал, долго соображал, к чему его применить. Он был веселый человек, всегда настраивал себя на позитив, но вскоре умер от разрыва сердца. Ларек перешел к его сыну, который в отличие от позитивного отца во всем видел негатив. Но и он тоже умер, причем из-за какой-то пустяковой болячки, которую не желал лечить и которая со временем переросла во что-то серьезное. Не совсем ясно, кому теперь принадлежит ларек. Пару раз его хотели снести, но в последний момент снос отменяли. Несколько раз возле ларька останавливалась милицейская машина. Представители правопорядка хотели проверить ларек: может, внутри устроили притон бомжи или наркоманы лежат на грубо сколоченных полках, ощущая, как горящая сера струится по венам. Но никто так и не проверил, что находится внутри ларька, пока не пришел Танич. Он тоже не стал бы проверять, но ему в руки

попал кирпич, и он искал ему применение. Скрипучая дверь медленно отворилась. Острый белый свет как ножницы вырезал из темноты бледные детские тела, беспорядочно сваленные на покосившийся прилавок. Когда Танич был маленький, у него был мешок, полный игрушек, и прежде чем начать игру, он вываливал содержимое мешка на пол: там были куклы и части кукол, плюшевые зайцы и медведи, машинки и кубики, — всё, что скопилось за годы жизни матери и ее сестры. Игрушки образовывали на полу большую гору. Глядя на сваленные в кучу детские тела и части тел, Танич невольно вспомнил об этой горе. От запаха его чуть не стошнило. Он немного постоял на пороге, задумчиво разглядывая царящую внутри ларька обстановку, затем шагнул назад. Ему послышался шум. Он обошел ларек слева, прячась в тени. За кустами стояла «газель» с цельнометаллическим кузовом; огни не горят, мотор заглушен. Кто-то совсем недавно приехал сюда на ней. Танич подошел ближе, чтоб проверить, внутри ли водитель; вдруг он уснул и не подозревает, что Танич рядом. Но водителя в «газели» не было. Водитель был снаружи: он подкрался к Таничу сзади и ударил его по голове тяжелым тупым предметом. Танич упал с таким чувством, будто у него в голове взорвалась граната. Очнувшись, он отполз к кустам, возле которых не было уже никакой «газели». Во рту разливалась горечь. Налетавший порывами ветер швырял в глаза снежную крупу. Руки и ноги одеревенели, уши заложило. Танич поднялся и тут же упал, больно ударившись коленом. Ладони вжались в мерзлый пласт земли, который отслаивался, как старая кожа. Танич снова попробовал

встать и снова упал. Провел рукой по лбу и щекам и обнаружил запекшуюся кровь. Сжал в кулаке немного снега и потер им лицо. Поднялся и, шатаясь, подошел к ларьку. В ларьке царил кавардак. Детские тела исчезли; вероятно, их увезли в крытом кузове «газели». Вдали раздался долгий тоскливый звук, похожий на собачий вой. Танич понимал, что время позднее и городской транспорт уже не ходит. А на такси денег у него не было. Он достал мобильник и набрал номер Зины. Зина не отвечала, потому что спала пьяная. Трубку взяла Дианочка. Танич молчал, не зная, что сказать. Дианочка тихо спросила: это вы, дядя Танич? Я, сказал Танич, и нажал кнопку отмены. Дианочка перезвонила ему, но он не ответил. Чувствуя слабость в ногах, Танич присел на землю и обнял себя за колени. Он решил замерзнуть и умереть. Нельзя сказать, что Танич твердо решил умереть, но он стеснялся перезванивать Дианочке: девочке утром в школу, а он будит ее среди ночи своими неуместными звонками. Он опустил веки, представляя их ледяными шторками, которые отсекут его от света жизни. Белый снег красиво ложился на голову человеку, который не знал, зачем ему дальше жить. Собственно, он и раньше не знал, зачем живет. Он просто жил, ел, пил, спал; иногда убивал бесприютных детей. Кроме того, у него была невеста по имени Настя и друг, имени которого он не запомнил, а теперь их обоих нет.

Мимо проезжал молодой человек по имени Саша в черном «вольво». В свете фонаря он увидел замерзающего человека, который слабо шевелился, сидя на холодной земле. Отъехав на достаточное

расстояние, Саша стал мучиться угрызениями совести: почему, ну почему он не подобрал несчастного. У Саши заболела голова, и он проглотил таблетку ибупрофена. Может, тот бедняга уже умер, с ужасом подумал Саша. Он свернул на дорогу, ведущую к дому. Дома жена устроила ему скандал, потому что подозревала, что Саша провел вечер с любовницей. Саша устыдился своего поведения, потому что и в самом деле провел вечер с любовницей. Однако он не хотел ранить чувств жены. Чтоб прервать поток ее обвинений, он ударил жену кулаком в плечо, а после заперся в кабинете, где выпил еще две таблетки ибупрофена. Чтоб отвлечься от грустных мыслей, он прилег на диван с мобильником в руке и включил его: семь пропущенных звонков от жены и девять от матери. Саша вспомнил, что давно не звонил престарелой матери, которая живет в одиночестве на другом конце города. Он решил, что завтра утром обязательно ей позвонит. Проснувшись утром, он никому не позвонил, потому что услышал, что жена плачет в постели. Своим плачем она мешала ему размышлять о важных вещах. Он крикнул, чтоб она заткнулась. Жена не затыкалась, и тогда Саша пошел в спальню. Он снова потребовал, чтоб жена замолчала, иначе он за себя не отвечает. Жена укрылась одеялом с головой и завывала, как дикое нецивилизованное животное. Саша устыдился, что довел жену до такого состояния, и приказал ей прекратить истерику, чтоб в спокойной обстановке разобраться в сложившейся ситуации. Жена не прекращала. Саша, чтоб упрочить свой авторитет, шлепнул ее ладонью по голове. Жена заорала. Господи, подумал Саша, а если соседи услышат? Он

сорвал с нее одеяло. Жена глядела на него круглыми от ужаса глазами. По некрасивому лицу струились слезы, губы посинели. Она что-то прошептала, но Саша не расслышал, что именно. Он еще раз ударил жену по лицу, на этот раз посильнее, чтоб достучаться до здравого смысла истеричной женщины. Жена не вняла голосу разума: она скатилась с кровати и стала шлепать ладонями по полу, как безумная. Саше не оставалось ничего иного кроме как ударить жену ногой в бок. Жена откатилась к стене. От этого поступка Саша почувствовал себя дурно и заорал: видишь, до чего ты меня довела? Он помчался на кухню, взял из холодильника упаковку ибупрофена, разломил блистер и дрожащими пальцами запихнул в рот сразу три таблетки. Его жена лежала на животе, царапая сломанными ногтями пол, и вспоминала, какой нежный и заботливый был Саша, когда они только начинали встречаться. Сейчас он почему-то не такой: не дарит ей цветы и конфеты, не приносит кофе в постель, возвращается домой поздно, от него пахнет чужими духами и ментоловыми сигаретами. Сначала она уговаривала себя, что это из-за того, что на фирме мужа работает много девушек, с которыми ему приходится сталкиваться по работе, но вскоре она устала себя уговаривать. Она больше ничему не верит. Прошло шесть недель с тех пор, как должны были начаться месячные, и она боится проверить: вдруг там ребенок. Саша ударил ее в живот, и теперь живот ужасно болит; что если она впрямь беременна, куда она денется с ребенком, если уйдет от Саши, ей некуда уходить, у нее нет денег и образования, она полностью зависит от мужа.

Она встает и идет на кухню. Саша сидит за столом и пьет текилу, посыпая дольки лимона солью. Жена опускается перед ним на колени и просит прощения: она не хотела говорить ему все те гадости, которые сказала, пожалуйста, пусть всё будет как раньше. Она верит, что у него нет любовницы, что он, как и прежде, ее и только ее, а она принадлежит ему. Саша смотрит на женщину, которая стоит перед ним на коленях. Он надкусывает лимон и гладит жену по волосам пальцами, испачканными в лимонном соке. Он говорит, что, так уж и быть, прощает ее, а теперь извини, говорит он, мне пора ехать. Как, ахает жена, сегодня же воскресенье! Я и сегодня работаю, холодно отвечает Саша. Жена, испугавшись его тона, гладит Сашу по руке: конечно, милый, я благодарна тебе за то, что ты не жалеешь себя и работаешь во внеурочное время, чтоб мы наконец закончили внутреннюю отделку дома. Ты у меня такой трудоголик, говорит она; со слезными губами целует мужа в щеку и идет чистить ему ботинки. Саша поглаживает в кармане мобильник, на который пришла эсэмэска от любовницы: она хочет его видеть прямо сейчас. Саша рад, что в мире существует красивая молодая женщина, которая ценит такого успешного мужчину, как он. Ему стыдно, что приходится обманывать жену, но после ее отвратительной истерики стыд немного уменьшился. Он выходит во двор, чтоб завести машину, и видит огромную кучу дерьма, покрытую тонким слоем ослепительно белого снега. «Какая дрянь навалила здесь?» — вопит Саша, хватаясь за голову. Он бежит за ибупрофеном, потому что у него болит голова от стыда за русское быдло,

которое позволяет своим домашним животным безнаказанно гадить в чужих дворах.

Глава пятая

Танич, посидев немного на земле, передумал умирать и побрел в город. Сотрудник ГИБДД Чопин в оконце увидел странного человека, который шел, пошатываясь, мимо поста. Чопин хотел задержать его для выяснения обстоятельств (ему нравилось избивать пьянчуг), но не стал, потому чтопил чай с рогаликом. Чтоб допить чай в спокойной обстановке, Чопин притворился, что никого не видит. Странный человек остановился. Он повернулся спиной к посту, расстегнул ширинку и стал отливать на снег. «Как будто это в порядке вещей!» — подумал Чопин с раздражением. Странный человек не спешил заканчивать свои противоправные действия. Чопин отвернулся. Минут через пять он повернулся обратно, надеясь, что странный человек ушел. Однако мерзавец продолжал стоять на обочине, непослушными пальцами пытаясь застегнуться. Вот алкашня, с ненавистью подумал Чопин, наступать бы тебе по куполу. Он не знал, что Танич вовсе не пьяный, просто замерз и от удара по голове до сих пор ощущает слабость в теле. Чопин привстал, но тут же снова сел, не желая портить вечер препирательствами с алкоголиком. Он подумал, что ненавидит свою работу. С детства он мечтал стать скрипачом, а сюда попал из-за отца, у которого связи в ГИБДД. Чопин третий месяц торчит здесь, а где-то в просторных помещениях нарядные люди

играют на музыкальных инструментах, и Chopina среди них нет и не будет.

На самом деле Chopin не любил музыку; он любил общество нарядных людей и чтоб им восхищались. Когда Chopin учился в гимназии, отец, потакая прихоти единственного сына, оплатил ему учебу в хорошей музыкальной школе. Chopin прогуливал занятия. Более того: он подстерегал учеников музыкальной школы на улице и забирал у них деньги, потому что был крупным и уверенным в себе мальчиком, который вместо занятий предпочитал ходить в кино на боевики. Отец, обнаружив у сына такое отношение к жизни, решил как-нибудь повлиять на него. Однако он ничего не сделал, потому что ему нравилось, когда всё получается само, без его непосредственного участия. Когда Chopin вырос, отец устроил его на работу и отстранился от воспитания. В целом он считал, что поступил правильно.

Chopin налил себе еще чаю. Станный незнакомец не уходил. Он нарезал круги вокруг поста. Chopin безмятежно прихлебывал чай, ощущая тепло пустого существования внутри. Он ни за что не выйдет наружу. Если надо, просидит в тесном помещении всю жизнь. Танич как будто почувствовал твердое намеренье Chopina и оставил его в покое. Сверкающая снежная гладь раскинулась перед ним. Шагая по скрипящему снегу, Танич жалел лишь о том, что не успел разбить кирпичом лобовое стекло «газели». Других сожалений у него не было. Придя домой, он открыл дверь своим ключом. В квартире царила сонная тишина. Пахло средством для мытья посуды и коньяком. Танич принял горячий душ, чтоб согреть замерзшее тело, тщательно

вымыл волосы, в которых засохла кровь, пошел на кухню и вытащил из ящика нож. Он постоял с ножом в руках минут десять, наблюдая, как электрический свет стекает с кончика лезвия, затем спрятал его обратно в ящик и отправился спать.

Глава шестая

У Нади был младший брат по имени Юра. В начале декабря он явился в Надину общагу весь красный от гнева. Надя сначала обрадовалась приезду брата, а потом испугалась, потому что Юра от охватившего его возмущения не мог вымолвить ни словечка. Он присел на диван, встал, снова присел, расстегнул узкий воротник. Надя капнула в чашку успокоительного, залила кипяченой водой и протянула брату. Юра отказался от чашки. Нет, сказал он, это решительно невозможно. Выпей хотя бы чаю, жалобно попросила Надя, все-таки сорок километров проехал, чтоб меня увидеть. Юра и в самом деле проехал сорок километров, потому что жил в соседнем небольшом городке, откуда была родом и Надя. Ему было приятно, что Надя отметила этот факт, но в остальном он кипел от ярости. Чтоб Надя получше осознала важность его приезда, Юра принялся бегать по комнате, заложив руки за спину. Надя, видя, что Юра носится по комнате как метеор, испугалась: может, что-то случилось с отцом? Неужели сердечный приступ? Она схватила Юру за рукав: что за беда приключилась, скажи! Юра посмотрел на сестру иступленно и прошептал: она еще спрашивает, уму непостижимо!

— Но что же случилось, что произошло, Юрочка? — испугалась Надя.

Юра подошел к маленькому холодильнику, открыл дверцу, заглянул внутрь и снова закрыл.

— Водка есть? — хрипло спросил он.

— Нет, — сказала Надя, — водки нет, я непьющая. Ты же тоже непьющий, Юрочка.

— А сейчас бы выпил, — хрипло заявил Юра.

— Как учеба? — спросила Надя.

— Учеба не убежит, — отрезал Юра.

— Я была так рада, что ты поступил в ветеринарный, — сказала Надя.

— И она так спокойно это говорит! — Юра схватился за голову. — Это какая-то страшная нелепость!

— Да что, в конце концов, произошло?! — воскликнула Надя.

Юра подошел к ней, взял за плечи и заглянул в глаза.

— Почему ты мне сразу не сказала? Почему молчала?! — Он встряхнул сестру. — Разве можно об этом молчать?!

— О чем ты?! — вскричала Надя.

— Я об этом ублюдке, которому не доверял с самого начала! — заявил Юра. — О твоём бывшем муже! Он избил тебя, мою сестру! Почему ты мне сразу не сказала?!

Не дав Наде ответить, он отпустил ее и снова забегал по комнате, потрясая кулаком.

— Он у меня умоется кровавыми слезами! — кричал Юра. — Я ему покажу, как трогать мою сестру! Чертов урод! Где он? — Он повертел головой, словно желал найти обидчика сестры в этой

комнате. — Где он сейчас живет? Скажи мне, я поеду к нему и дам по морде!

Надя не знала, что ответить, потому что после ухода мужа не интересовалась его судьбой. Они даже не развелись. Несколько раз она видела его мельком в стенах университета, но теперь это был совершенно чужой человек. Надя не могла представить, что когда-то спала с этой небритой горой мяса на одной кровати и гладила для нее брюки на подоконнике; всё это было не с ней и не в этом мире. Юра истолковал Надино молчание по-своему. Он решил, что Надя не называет адрес мужа, потому что до сих пор любит его и опасается, как бы Юра случайно не зашиб подлеца насмерть. Он стал угрожать Надю, чтоб она хотя бы намекнула, где проживает негодяй. Надя молчала. Юра пообещал, что не станет сильно бить этого сморчка; только припугнет. Надя в ответ покачала головой. Глаза у нее были сонные, потому что недавно стукнуло одиннадцать вечера, а Надя в последнее время ложилась спать пораньше, чтоб не слышать тишины пустого помещения.

— Как ты прошел мимо вахтера? — спросила она.

— Он меня не видел, — признался Юра. — Он как раз пошел в каморку за чайником, а я быстренько проскользнул мимо его кабинки.

Юра устал сердиться и прилег на диван. Надя заварила ему чаю, разместила в глубокой тарелке песочное печенье с кокосовой стружкой, которое Юра любил, и принесла угощение на подносе. Юра смотрел на сестру отрешенно. Он выпил чаю, съел пару печений и устроился на диване поудобнее.

— Устал? — спросила Надя.

Юра не ответил. Гнев его прошел. Среди прочего он подумал, что Надин муж довольно крупный лось и еще неизвестно, кто кому набьет морду в случае прямого столкновения.

— Почему он тебя побил? — спросил Юра. — Изменяла ему, да?

Надя промолчала, и Юра подумал: значит, изменяла. Теперь вместо гнева он сердился на сестру, которая заставила его тащиться к черту на кулички. Надя села рядом с ним на табуретку и погладила по голове, вспоминая те времена, когда ей было шесть, а ему два. Она точно так же сидела на стуле возле его кровати и по слогам читала ему сказку, а он лежал, натянув одеяло до подбородка, и смотрел в потолок, по которому бегали огни ночника. Юра тогда думал, что огни — это разноцветные глаза чудовищ, которые следят за ним, и если сестра уйдет, они немедленно накинутся на него и сожрут. Поэтому он требовал, чтоб сестра читала ему постоянно. Надя ласково ерошила ему волосы, и он засыпал. Около полуночи со смены возвращался усталый отец. Шестилетняя Надя готовила для него чай и бутерброды с колбасой и сыром. Отец наблюдал за своей не по годам серьезной дочерью и удивлялся, как она похожа на мать, и как быстро она переняла ее привычку поправлять упавший на переносицу локон-пружинку, и как смешно морщится, когда пьет что-нибудь горячее. Надя любила отца беззаветно и безотчетно, а Юре хотела заменить умершую мать. Юра считал сестру душой, потому что она была слишком добрая. Однако он ходил за ней по пятам, полагая, что чудовища разбегаются, когда видят ее. Юра всю жизнь боялся чудовищ, а также

хулиганов. Он никогда не дрался, хотя нередко грозился, что набьет кому-нибудь морду, но не набивал, а если тот, кому он хотел набить морду, сам приходил к нему, мгновенно прятался за спину сестры и сыпал оттуда угрозами и оскорблениями. Когда сестра уехала учиться в соседний город, Юра стал проводить больше времени перед телевизором. Телевизор, по мнению Юры, отгонял чудовищ не хуже сестры. По крайней мере, Юра во время просмотра телевизора не думал ни о каких чудовищах. Со временем он прекратил думать не только о чудовищах, но и в целом. Отец, видя состояние Юры, ничего не делал; он не любил сына, потому что его жена умерла, когда рожала этого худощавого мальчишку со злыми глазами. Юра окончил школу и поступил в ветеринарный. Не сказать, что он хотел там учиться, но надо же было что-то делать. На занятия он ходил редко, надеясь, что отец купит ему сессию. В конце ноября он узнал, что Надя разошлась с мужем. Позднее до него дошли слухи, что во время размолвки муж нанес ей несколько ударов по голове и в живот. В то время Юра встречался с одной симпатичной барышней. Он решил, что месть Надиному обидчику подождет. Он бы совсем забыл о мести, но отношения с барышней не заладились, и Юра, пылая от гнева, примчался к сестре.

Теперь он жалел, что приехал. Грустное Надино лицо навевало на него тоску. Он повернулся к Наде спиной. Надя гладила его по голове. Ты мне как буд-то не родная, сказал Юра тихо. Надя не ответила. Юра, видя, что Надя молчит, начал ее оскорблять, надеясь, что сестра что-нибудь скажет в ответ, однако Надя ничего не говорила. Юре показалось, что

ее уже нет рядом; она ушла, а за его спиной стоит чудовище, готовое в любой момент перегрызть ему горло. Бледный от страха, он повернулся и увидел Надино лицо: ее губы улыбались, а глаза блестели, но не от слез, а по какой-то другой причине, которую Юра не понимал.

— Ты чего? — спросил Юра.

— Ничего, — сказала Надя.

— Обкурилась, что ли? — осторожно спросил Юра.

— Нет, — сказала Надя.

— А выглядишь так, будто обкурилась, — давил Юра.

— Я не курю, — сказала Надя.

— Странная ты, — буркнул Юра.

— Уже поздно, — сказала Надя. — Ложись спать.

Если хочешь, спи на диване, а я лягу в кровать.

У Юры слипались глаза.

— Завтра я обязательно поколочу твоего бывшего, — сказал он.

— Непременно, Юрочка.

— Он у меня получит!

— Конечно, родной мой.

— Кровью харкаться будет!

— Да, братик.

Юра уснул. На следующее утро он проснулся ни свет ни заря и поскорее уехал домой. Был воскресный день, на улице шел снег. Надя лежала на кровати и ни о чем не думала. К ней зашла соседка из соседнего блока. Она куталась в теплый махровый халат. С отоплением беда, сказала она дрожащей от холода Наде. Холодрыга какая. Электрическую печку, что ли, купить? Не знаю, сказала Надя. У меня

под халатом свитер, сказала соседка. Я водки с утра выпила. А ты хочешь водки? Нет, сказала Надя. Почему? — спросила соседка. Не знаю, ответила Надя. Соседка стала ходить по комнате, касаясь руками предметов. Надя следила за ней с кровати, как за бездушным движущимся объектом. Соседка походила немного и ушла. Пришла другая соседка — попросить сахара. Надя от холода натянула одеяло почти на глаза. Соседка порылась в шкафчике, насыпала в стакан сахару и уставилась в окно. Надя хотела спросить, почему она не уходит, но постеснялась. А соседка не знала, почему не уходит. Зачем ей уходить — она тоже не знала. Жизнь в общежитии вытравивала из нее все желания. В комнату заглянул парень соседки: ты скоро? Соседка пошла на знакомый голос, как послушное животное. Пришла третья соседка. Прошлой ночью она выпивала в пятьсот двадцать пятой комнате и до сих пор не пришла в себя. Она пошаталась немного перед Надиной кроватью, натыкаясь голыми коленями на предметы. Пощипала себя за щеки перед зеркалом, пригладила торчащие в разные стороны волосы. Ей казалось, что с зеркала на нее глядит чужое лицо. Надя наблюдала за облачками пара, которые вырывались у нее изо рта. Соседка нашла на столе учебник, полистала.

— Скучно? — спросила Надя.

Соседка не ответила, да ответ и не требовался. Пришла четвертая соседка. Они с третьей столкнулись на пороге и долго смотрели друг на друга, как на отражения в кривом зеркале, а потом разошлись. Четвертая соседка уселась на диван, среди смятых простыней, где всего пару часов назад спал Надин

брат, и закинула ногу на ногу. В руке у нее появилась сигарета. Она закурила.

— Как живешь? — спросила она.

Надя сначала не хотела отвечать, а потом ответила: неплохо. Это хорошо, что неплохо, сказала соседка. Она стряхивала пепел в тарелку, где накануне лежало печенье. Надя хотела возмутиться, но не увидела в этом смысла. Всё равно пепел уже в тарелке. Соседка докурила первую сигарету и извлекла из пачки вторую. Она хотела пожаловаться Наде на бойфренда, который в последнее время не уделяет ей должного внимания, но решила, что Надя какая-то социопатка и ни черта не поймет чувств нормальных людей. Поэтому она скурила три сигареты подряд и ушла. Надя встала и принялась одеваться. Руки не слушались ее, пальцы от холода плохо гнулись. В дверях она встретилась с пятой соседкой. Та стояла на пороге и гладила рукой стену.

— Ты чего? — спросила Надя.

— Не знаю, — сказала соседка. — Давай в шашки поиграем?

— Я не люблю в шашки, — сказала Надя.

— Жалко, — сказала соседка. — А у меня в комнате коньяк есть и половина шоколадки. Хочешь?

— Нет, спасибо, — сказала Надя.

— Куда-то уходишь? — оживилась соседка. — Давай я с тобой?

— Нет, — сказала Надя.

— Ну и ладно, — сказала соседка. — Тогда я пойду.

Но она ушла не сразу, еще немного погладила шершавую стену. Надя заперла дверь и стала спускаться по лестнице. На лестничной площадке между восьмым и седьмым этажом курили. На площадке между

пятым и шестым выпивали. Небритый студент хотел угостить Надю пивом, но Надя, задумавшись, не услышала его настойчивого предложения. А небритый студент подумал, что его нарочно не замечают. Его и впрямь старались не замечать, потому что он был назойливый, как муха, и всюду лез со своими замечаниями. На вахте Надя по привычке улыбнулась вахтеру. Вахтер не заметил ее улыбки, потому что смотрел хоккей по маленькому телевизору: Надина улыбка пропала впустую. Под ногами скрипел свежий снег. Деревья стояли белые, в морозных шапках. Автомобили месили колесами бурое тесто дорог. Всюду царило оживление. Надя погуляла по парку, насыпала птичьего корма в кормушку, затем подождала у скамейки, но Меньшов не пришел, потому что как и прежде был мертв. Надя отправилась к публичной библиотеке. Станный молодой человек с фотоаппаратом сидел на бетонной тумбе и что-то разглядывал в видоискатель. На нем была красная шапка с помпончиком. Надя подошла к нему вплотную и дернула за помпончик. Фотограф опустил фотоаппарат. У фотографа было круглое доброе лицо. Надя спросила: это вы пристаёте к девушкам с непристойным предложением? Я, смущаясь, ответил фотограф. Щеки его порозовели. Больше спрашивать было не о чем. Через десять минут они сидели в кафе. Фотограф пил горячий шоколад. Надя размешивала в чашечке сахар. Молчание угнетало.

— Как вас зовут? — спросила Надя.

— Рома, — ответил фотограф. — А вас?

— Надя.

Какое красивое имя, хотел сказать Рома, но не сказал, потому что испугался, что его слова прозвучат

неискренне. Надя же, не услышав шаблонного «какое красивое у вас имя», решила, что Рома — большой оригинал. Подошла официантка, постояла немного, сжимая в руках блокнот и авторучку, и ушла, не дождавшись заказа. Рома от смущения теребил пальцем мочку уха. Надя мечтала об искреннем разговоре, но ничего не говорила, чтоб не допустить в словах фальшивую ноту. Рома боялся того же самого и поэтому молчал. Однако он не хотел расставаться с Надей и для этого пил горячий шоколад медленно, едва прикасаясь обветренными губами к остывающей чашке. Надя же подумала, что Рома пьет так медленно, потому что у него не хватает денег, чтоб заказать еще одну чашку, и он стесняется в этом признаться. Она подозвала официантку. Официантка подошла. Надя почему-то испугалась и прошептала официантке: простите, я ошиблась. Рома, видя Надино смущение, сам смутился еще больше. Чтоб чем-то занять руки, он сунул их в карманы. Надя поправила локон-пружинку. Вы часто здесь бываете? — спросил Рома. Надя не ответила, потому что мысленно готовилась к следующему вопросу Ромы и подбирала под него остроумный ответ. Рома, не дождавшись ответа, больше ничего не спрашивал. Горячий шоколад кончился, и Рома с тоской разглядывал гущу на дне чашки. С самого начала было ясно, что это пустая затея, подумал он. Есть люди, которые отталкиваются друг от друга как одноименные полюса магнита. Поняв, что с Надей ему ничего не светит, Рома оживился и начал рассказывать о своем прошлом. Оказывается, в прошлом он был моряк. Надю заинтересовала Ромина история, но чтоб не показать себя легкодоступной

девушкой, она отвернулась и фыркнула: как скучно. Рому задела Надины слова, но он не замолчал, напротив: стал рассказывать о своем прошлом громче. Оказывается, он побывал и в Италии, и в Греции, и в Испании. Подумаешь, сказала Надя. Рома показал Наде фотоаппарат. Нелепая штукавина, пробормотала Надя, с восхищением разглядывая объектив. Объектив заказывал в С.-Петербурге, похвастался Рома, светосильный широкоугольник, у нас хрен достанешь. Делать вам нечего, поморщилась Надя. Я занимаюсь искусством, возразил Рома.

— Рисовать бы лучше научился, — заявила Надя. — А то каждый, купивший зеркалку, мнит себя великим фотографом.

На самом деле ей нравилась Ромина целеустремленность, но, чтоб этот человек не счел ее банальной, она продолжала колоть его в уязвимые места. Рома хлопнул ладонью по столу: да вы издеваетесь надо мной?! Было бы над кем, бросила Надя. Ну что уставился? Иди дальше приставай к девушкам. Я не приставал! — закричал Рома. — Это для искусства; я искал свежую струю! Знаем мы вашу струю, заявила Надя, навидались ваших струй. Рома задохнулся от возмущения. Ему хотелось кого-нибудь треснуть; например Надю. Надя приблизила к нему лицо: большинство из вас тупо хочет фотографировать голых девушек, причем на халяву, но вам отказывают, и вы заканчиваете тем, что вывешиваете снимки своего потного хозяйства на сайтах знакомств. Рома так и сел. Надя прикрыла рот ладонью. Простите, прошептала она, я не знаю, что на меня нашло. Ничего страшного, глухо произнес Рома, я вполне понимаю ваши чувства. На улице

так холодно, пробормотала Надя (она была пунцовая от стыда), давайте выпьем водки. Согласен, Рома кивнул. Ко мне сегодня брат приезжал, наговорил мне гадостей, объяснила Надя, поэтому я такая взвинченная. Ох уж эти родственники, посетовал Рома и придержал за локоть проходившую мимо официантку: девушка, миленькая, принесите нам, пожалуйста, графинчик водочки, самой лучшей, что у вас есть, и какой-нибудь закуски; селедка с вареной картошечкой, политой растопленным сливочным маслом, вполне подойдет. Ах да, и какого-нибудь салату. Наденька, вы будете салат? Обожаю, засмеялась Надя, я обожаю салаты. Тогда принесите «Цезарь». Да-да, самый обычный «Цезарь», хватит с нас оригинальных рецептов. А на десерт клубничный чизкейк; Наденька, вы любите чизкейк? У меня уже слюнки текут, призналась Надя, клубничный чизкейк — мое любимое лакомство. И хлебушка не забудьте, попросил Рома. Без хлебушка в нашей ситуации никак. Официантка заученно улыбнулась шутке клиента. Рома подпер кулаком подбородок: вы правы, Надя, правы абсолютно во всем; я — ничтожество. Не будем так категоричны, сказала Надя. Рома вытащил из-за пазухи снимок и положил на стол перед Надей: этот снимок сделан вчера. Надя отвернулась: фу, какая гадость, уберите. Я же говорил, что вы правы, сказал Рома, пряча снимок обратно за пазуху. Вы прочли меня как раскрытую книгу: такое чувство, что я сижу перед вами голый и вид у меня самый неприглядный.

— Но вы же хотите измениться?

— Я ничего не хочу. — Рома опустил голову. — Раньше я хотел фотографировать старые здания, но

кому сейчас нужны старые здания; теперь я ничего не хочу.

Надя прищурилась:

— Знаете, Рома, у меня есть на примете несколько старых домов, где давно никто не живет; их скоро снесут. Давайте пойдем и сфотографируем их.

Рома не слушал ее. Он запивал горе водкой. Надя хотела обнять его и сказать, что она ничем не лучше, что сначала она вышла замуж за морального уродца, а затем искала хоть кого-то, вернее надеялась, что хоть кто-то найдет ее; ее нашел странный человек, но он больше не появлялся в ее жизни, и она почти забыла его. Теперь с ней Рома, но она не уверена, что не забудет и его, если он исчезнет из поля зрения хотя бы на минуту. Я боюсь одиночества, хотела сказать она, мне не нужна любовь; я просто боюсь одиночества. Она ничего не сказала. Она налила себе водки и выпила, не закусывая. Потом налила еще раз и тоже выпила. Она не чувствовала вкуса, не чувствовала запаха, она словно бы пила вакуум, и пустота заполняла ее умирающее от недостатка теплых чувств тело. Мне нужен кто-то рядом, сказала она. Я разучилась любить; мне всего лишь нужен кто-то рядом. Рома не слушал ее. Он размышлял о новом штативе для своего фотоаппарата.

Глава седьмая

Под высокой крышей среди балок кто-то летал. Наверно, воробей. Стены стояли голые; холодный вечерний свет сочился сквозь дыры окон. Под ногами шуршали обрывки старых газет, скрипели осколки

стекла. Старший лейтенант юстиции Кошевой светил фонариком, вылавливая из темноты картины запустения. Ему не хотелось здесь быть. Но он был здесь, потому что ему велел шеф.

— Что это за место, господин Гордеев? — тихо спросил он.

— Бывший склад речного вокзала, — сказал Гордеев. — Слышите, река шумит?

— Не слышу, — признался Кошевой.

— У вас отвратительный слух, Кошевой, — сказал Гордеев. Он надел перчатки и засунул руки в мусор по локоть. — Посветите сюда, прошу вас.

— Сюда?

— Левее.

У стены в куче белой пыли лежал рваный ботинок большого размера. Гордеев поднял его, осмотрел подошву. Потом запустил руку внутрь и вытащил мобильный телефон. Дешевый «Samsung». Гордеев повертел его в руках, снял крышку: симки нет, аккумулятор отсутствует.

— Это телефон Молнии? — робко поинтересовался Кошевой.

— Вы делаете успехи, Кошевой, — задумчиво произнес Гордеев. — С этого телефона Молния позвонил некой Светлане Барановой, одинокой матери, дочь которой пропала два месяца назад. Он сказал ей, что если она придет на этот заброшенный склад без полиции, то он вернет ей дочь. Баранова не стала обращаться в полицию, пришла сама; Молния действительно вернул ей дочь.

— Здорово, — обрадовался Кошевой.

— Он вернул ей дочь в девятнадцатилитровой пластиковой банке из-под питьевой воды «Колокольчик».

Внутри по отдельности лежали части тела. Молния приклеил к банке обрывок малярной ленты и написал на нем маркером «Собери ребенка сам». Вы можете себе это представить, Кошевой?

— Мне жутко это представлять, господин Гордеев. Честно говоря, меня чуть не стошнило от того, как вы спокойно это рассказываете.

Гордеев кивнул:

— Вы не одиноки в своих чувствах, Кошевой. Меня самого тошнит от себя. Но ничего не поделать. Мои чувства атрофировались. Я могу чувствовать только когда выпью водки, но и тогда мои чувства бледнеют по сравнению с чувствами обычных людей. Качаете головой? Превосходно. А что вы скажете о нашем убийце?

— Он псих.

— Тонкое наблюдение.

Кошевой напрягся:

— Этот ботинок, та же модель телефона... он знает, что мы идем по его следу, и играет с нами. Намекает на что-то... мы обязаны разгадать его ребус, чтоб выйти на след...

— Вы определенно делаете успехи, Кошевой, — обрадовался Гордеев. — Что касается Молнии, то он чем-то напоминает мне одного знаменитого американского убийцу по кличке Зодиак. Старое дело. Слыхали о нем, Кошевой?

— Нет.

— Отлично. Тогда я вам расскажу. Зодиак писал о своих преступлениях в редакции местных газет. Кроме того, к письмам он прилагал криптограммы, расшифровка которых, по словам Зодиака, помогла бы раскрыть его личность.

— Он тоже играл с полицией! — воскликнул Кошевой. — Ставил на кон свою жизнь!

— Превосходная мысль. Однако ошибочная. Все эти криптограммы — полная чушь. Только одну из них расшифровали, и в ней не было ничего полезного для следствия. Зодиак не рискнул бы своим инкогнито; он старался привлечь к себе внимание. Молния такой же. Этот ботинок, телефон и то, что аккумулятор снова исчез, — всё это ровным счетом ничего не значит. Трюки для привлечения внимания. Люди любят загадки и тайны, но в этом мире не осталось загадок и тайн, Кошевой. Этот мир слишком прост.

Кошевой нахмурился:

— Мне кажется, вы ошибаетесь.

— Вы смеете возражать мне? Великолепно.

— Почему вы всегда такой... ну... не верующий? — горячился Кошевой. — Пусть мир и прост, но разве не мы сами создаем в нем загадки?

Гордеев посмотрел на своего напарника с любопытством:

— То есть вы считаете, что Молния не так банален, как может показаться на первый взгляд?

Кошевой потупился:

— Конечно, он псих, но разве его существование, его поступки, то, что он убил больше двадцати детей, банка с человеческими останками — не тайна? Страшная тайна, тошнотворная тайна, но все-таки тайна!

Гордеев покачал головой:

— Посветите сюда, Кошевой.

— Сюда?

— Правее. Видите эту глину?

— Кусок засохшей глины?

— Именно так: кусок засохшей глины. Повторюсь: ботинок, телефон и банка ничего не значат. Их нам подсунул Молния, а значит, они лишь информационный шум. Созданная человеком загадка, которая не нуждается в разгадывании. А вот этот кусок глины, Кошевой, значит очень много. Молния не подозревает о его существовании; и это та самая криптограмма, расшифровав которую, мы выйдем на след убийцы. Не верите? Посветите сюда. Выше, мне в лицо. Не стесняйтесь, светите. Вам страшно? Нет? Превосходно. А теперь запомните: еще до нового года я скажу вам, кто такой Молния. Благодаря куску засохшей глины, о котором он не имеет понятия.

Кошевой посветил на пол.

— Это улика? — пробормотал он. — Нам надо забрать ее... ну... на анализ?

— Зачем? — Гордеев покачал головой. — Оставим ее здесь. Всё, что надо, она мне уже сообщила.

— Но что может сообщить кусок глины?!

— Всему свое время, Кошевой. — Гордеев улыбнулся. — Вы ведь работаете со мной ради загадок и тайн, верно? Если я скажу сейчас, вам будет неинтересно. Ну-ну, не хмурьтесь. Хотите водки? Тут рядом есть замечательный кабачок.

— Мне надо уйти по делам, — помолчав, сказал Кошевой. — Прошу прощения.

— Вы разочаровались во мне? Водка помогает мне думать.

— Что-то не верится.

— Изумительно. Что ж, тогда до встречи. Не споткнитесь, когда будете выбираться отсюда; пол завален битым стеклом.

Кошевой ушел. Гордеев еще немного побродил по складу, мучаясь сомнениями. Однако время поджимало: следовало забрать дубликат ключа, который он заказал накануне вечером. Ларек закрывается в семь; к счастью, идти недолго. Через двадцать минут Гордеев был на месте. Работник ларька как раз собирался уходить. Он посмотрел на припозднившегося клиента с неудовольствием, однако вернулся в ларек, покопался в ящике и отыскал готовый ключ. Гордеев сунул его в карман не глядя. Работник ларька произнес что-то неразборчивое. Гордеев расслышал «с вас» и «рублей». Он сунул в окошко смятую купюру и, не дожидаясь сдачи, направился в ресторан японской кухни, где заказал графин водки и пиццу. Водку ему принесли сразу, а пиццы не было. Официантку Светочку послали извиниться перед клиентом за отсутствие пиццы. Гордеев спал щекой в тарелке. Рядом стоял опустевший графин. Светочка не знала, как поступить. Перед тем как сделать заказ, Гордеев предъявил ей удостоверение, и Светочка сомневалась, имеет ли она право будить такого важного человека. Поэтому она немного постояла возле столика, нервно поглаживая на себе кимоно, и тихо ушла, чтоб не тревожить сон представителя властных структур.

В том же кафе за другим столиком сидела Надя. Напротив нее расположился молодой человек с бледным лицом, усеянным веснушками. Надя познакомилась с ним в Интернете. Молодого человека звали Ерема. Ерема был романтичным юношей. Большую часть времени он проводил в Сети: искал девушку своей мечты на сайтах знакомств. Он назначал свидания в японских ресторанах, потому

что, насмотревшись аниме, полюбил японскую кухню. На свиданиях девушки с любопытством разглядывали Еремин бордовый пиджак с белой розой в петлице; самые жестокие откровенно над ним смеялись. Друг Еремы по фамилии Королевский объяснил этот факт в скайпе тем, что современные девушки чересчур практичны и не приемлют романтических жестов. Он посоветовал Ереме быть смелее. Ерема, следуя совету друга, положил на стол перед Надей фотографию. Надя, поглядев на фото, не знала, плакать ей или смеяться. После Ромы это было четвертое подряд свидание, на которое ей приносили снимок неприличного содержания. Надя не понимала: может, это она ненормальная, а то, что происходит вокруг, — вполне естественно. Она смотрела на фотографию пустыми глазами, а Ерема ерзал в кресле, потому что опасался Надиной критики.

— Ну как вам? — наконец не выдержал он.

Надя кивнула:

— Недурно.

— Вы такая современная, — обрадовался Ерема. — Хотите sake?

— Не знаю, — сказала Надя. — Может, лучше белого вина?

— Я закажу sake, — решил Ерема. — Я мог бы заказать вино, но, к сожалению, у меня на него аллергия.

— Ну ладно, — сказала Надя.

— Кстати, я работаю в игрожуре, — вскользь заметил Ерема, чтоб произвести на девушку незабываемое впечатление.

Надя промолчала. Пока несли sake, Ерема рассказывал, какое влияние оказало на него японское

аниме «Евангелион». Надя не поняла ничего из его рассказа. От бессвязных слов Еремы у нее разболелась голова. Ерема, вдохновившись успехом с фотографией, отважно гладил Надино запястье. Надя с удивлением разглядывала его тонкие белые пальцы с обгрызенными ногтями. Ей хотелось улететь далеко-далеко. Но вместо этого она слушала рассказ Еремы об отличии японских дорам от корейских. Господи, подумала Надя. Ничего другого подумать не получалось. Ерема всё более вдохновлялся. Он выпил для храбрости sake и погладил Надю повыше локтя. Надя с ужасом размышляла, что он погладит дальше. Она сказала Ереме, что ей надо отлучиться в туалет. Ерема не заметил, как она встает: он вслух рассуждал о Лелуше. Надя понятия не имела, кто такой Лелуш и зачем ей о нем знать. Она забрала в гардеробе пальто и зонт и вышла наружу. От реки поднимался холодный воздух. Глаза фонарей смотрели на мир с туманным безразличием. По черной воде плыли пятна желтого света. Прохожие медленно брели вдоль набережной, кутаясь в теплую одежду. Поблескивали влажные камни мостовой. Голые деревья стыдливо заворачивались в серую кожу. У пристани покачивался на воде моторный катер. На сиденье развалился старик в дырявом пальто. В желтых зубах застыла незажженная трубка, глаза были закрыты. Надя долго разглядывала старика, пытаясь понять, жив он или умер. Подул ветер, и старик медленно завалился на бок. Наверно, уснул, подумала Надя.

Возле здания старого речного вокзала, ныне заброшенного, толпились люди. Надю поразило грозное молчание этих людей. Они будто дремали, стоя

возле разрушенной арки входа. Надя протолкалась вперед. Рядом кто-то шмыгнул носом. Надя случайно наступила на ногу пожилому мужчине, но он ничего не почувствовал; только почесал обеими руками скверно выбритые щеки. Надю толкнули в самую середину пустого места перед аркой. Сначала она ничего не заметила. Приглядевшись, она снова ничего не заметила и поняла, что и дальше не хочет замечать того, что свисает с арки на толстой веревке. Кто-то пробормотал у нее за спиной: это Молния, его рук дело. Толпа зашевелилась как комок змей. Люди переступали ногами, потирали замерзшие ладони. Они боялись уходить, но еще больше боялись остаться. Приехала полиция. Уставшие полицейские двигались среди людей, как призраки. Толпа по капле выдавливала себя с мрачной набережной. Надя вернулась в ресторан. Ерема продолжал что-то рассказывать. Надя заказала сто грамм водки и выпила залпом, как необходимое ей лекарство. Ерема испуганно моргнул. Лучше бы я остался дома, подумал он. Нет никакого смысла выходить на улицу и что-то делать, незачем стараться и кому-то что-то доказывать; всё, что мне нужно, можно найти в электронной начинке персонального компьютера.

— Так что вы говорили про Лелуша? — спросила Надя. — Это персонаж аниме, я правильно поняла?

Ерема не ответил.

— Вы работаете в игрожуре, — вспомнила Надя. — И пишете статьи для аниме-портала «World Art», верно?

Ерема молчал. Он рассматривал Надино лицо и подмечал в нем мелкие недостатки: уродливую

родинку возле виска, морщинки в уголках глаз, безобразный локон, падающий на лоб; в любом хентае можно найти девушку посимпатичнее. С мыслью о хентае Ерема встал из-за стола, вежливо попрощался и ушел. Надя осталась одна. Ей хотелось плакать, но она не видела ни одной причины, чтоб заплакать, и поэтому ее глаза оставались сухими. К ней подсел вдребезги пьяный Гордеев. Он проснулся после тяжелого сна лицом в тарелке и теперь пытался найти собеседника. Он меня ударит, подумала Надя. Хорошо если ударит; тогда я хоть что-нибудь почувствую. Но Гордеев не собирался бить Надю. Он пытался сохранить ясность рассудка и не сблевать. Надя коснулась его руки: вам плохо? Нет, сказал Гордеев. Очень жаль, сказала Надя. Гордеев поднял голову: почему вам жаль? Не знаю, сказала Надя, я всего лишь пытаюсь поддержать разговор.

— Какой смысл поддерживать разговор? — спросил Гордеев. — Всё равно вы одиноки, я одинок, все вокруг одиноки, а я к тому же пьян в стельку.

Надя призналась:

— Мне бы хотелось прочесть хоть чьи-нибудь мысли, чтоб понять.

— Что понять? — спросил Гордеев.

Надя пожала плечами:

— Не знаю.

— Вы феерическая дура, — сказал Гордеев.

— Офигеть, — возмутилась Надя, — уселся за чужой столик, еще и оскорбляет. Вали-ка ты отсюда.

Гордеев как раз собирался уходить, но после слов Нади передумал. Он откинулся в кресле и положил руки на подлокотники. Надя подозвала официантку: девушка, скажите этому человеку (она кивнула

на Гордеева), что ему здесь не место. Светочка испуганно посмотрела на нее и ушла. Надя хотела возмутиться поведением обслуживающего персонала, но не стала, потому что в этой стране ничего не изменится — возмущайся, не возмущайся. Вот бы я родилась где-нибудь в Испании, подумала Надя. Ей бы хотелось родиться в Испании в эпоху географических открытий. Стало душно, она расстегнула верхнюю пуговку на блузке. Гордеев следил за ней. Что-то страшно нелепое виделось ему в этой девушке. Знаете, сказал он, вы напоминаете мне одну проститутку. О, не сочтите это за грубость, я ничего не имею против проституток; я вообще не имею ничего против, даже против насильников и убийц. Он вынул из-за пазухи чашечку на цепочке: прошу прощения, я не очень ясно выражаюсь. Вы понимаете меня? Надя кивнула: я вас прекрасно понимаю. Сначала вы обозвали меня душой, а теперь сравниваете с проституткой; великолепный образец современного мужчины. Гордеев разволновался: прошу прощения, у меня не очень хорошо получается общаться с женщинами; во всем виновато рациональное мышление, которого женщины лишены. Ах, оставьте, сказала Надя, размешивая ложечкой сахар, я уже привыкла, что все мужчины одинаковы. Гордеев разволновался еще сильнее; он решил показать Наде удостоверение, чтоб она убедилась, что он не такой, как другие мужчины; однако остатками трезвого ума Гордеев понимал, что в случае с Надей это ни к чему. Тем не менее привычка оказалась сильнее, и он все-таки достал удостоверение и помахал им у Нади перед носом. Надя даже не взглянула на документ. Рассердившись, Гордеев приподнялся

и хлопнул удостоверение перед нею на стол: глядите! Ну? Что скажете?! Надя не смотрела. Гордеев вскипел: какое свинство, почему вы продолжаете меня игнорировать? Надя хмыкнула: хотите сказать, ваша сущность заключена в этом клочке бумаги? Гордеев не знал, что ответить, и поэтому презрительно промолчал, чтоб все вокруг поняли, что Надя сморозила глупость. Он взял удостоверение и пригладил корешок указательным пальцем: дело не в документе, сказал он, а в моей блестящей логике, которая позволила мне его получить; странно, что приходится объяснять очевидные вещи. Вы всегда на свидании тычете в девушку своим удостоверением, сказала Надя, я угадала? Гордеев опять не знал, что ответить, и снова промолчал, на этот раз еще более презрительно, чтоб Надя почувствовала себя униженной. Однако Надя не почувствовала себя униженной. Она вообще ничего не чувствовала, кроме страха, что придется возвращаться на стылую набережную.

— А почему вы напились? — спросила она. — В вашей жизни случилось горе?

Гордеев задумался.

— Я не умею горевать; я пью, потому что в этом городе по-другому нельзя.

— Звучит как жалкое оправдание, — заметила Надя.

Гордеев стукнул кулаком по столу, отчего задрожали вилки и ложки, но вовремя сообразил:

— Вы ведь нарочно нарывааетесь.

Он помялся:

— Скажите, как вас зовут?

— Надя, — представилась она, — а вас?

Гордеев поклонился:

— Гордеев. О, не смущайтесь, я предпочитаю, когда меня называют по фамилии.

Надя покачала головой:

— Я не смущаюсь, мне всё равно.

Гордеев разозлился. Для убедительности своего статуса он еще раз помахал в воздухе удостоверением, затем спрятал его в карман и предложил:

— Давайте прогуляемся?

Надя вздрогнула. Гордеев решил, что она промолчит. Но она все-таки ответила:

— Возле старого речного вокзала ребенка повесили, мне не хочется отсюда выходить.

Гордеев вздохнул:

— Возле речного вокзала? Этого следовало ожидать.

Надя нахмурилась:

— Зачем вы так говорите, будто что-то знаете, я ведь понимаю, что вы ничего не знаете, вы просто пытаетесь произвести на меня впечатление.

Гордеев вскипел. Чтоб успокоиться, он схватил с подноса у проходившей мимо Светочки рюмку абсента и выпил. Затем решительно поднялся и схватил Надю за руку.

— Вы правы, я ничего не знаю, я ничто, тля, червь, вы помогли мне осознать мою никчемность, о боже, куда я качусь, куда катится весь этот мир, давайте подышим свежим воздухом, вы так бледны, здесь невообразимо душно.

— Какой банальный набор фраз, — фыркнула Надя.

— Не спорю, — сказал Гордеев.

— Недавно я чуть не выпрыгнула из окна, — призналась Надя как бы между прочим.

Гордеев кивнул: мужественный поступок. Он не вполне разбирал Надины слова, да и свои слова понимал с трудом: они выскакивали из его проспиртованной глотки как резиновые мячики, без надежды на понимание. Надя забрала в гардеробе вещи. Гордеев предупредительно раскрыл зонт. Они вышли из ресторана. С голых веток им на головы сыпался мокрый снег. Электрическая дорожка петляла среди тополей. Исполинские здания выплывали из тумана, как доисторические чудовища. В лужах отражались рекламные огни. Возле здания старого речного вокзала курили полицейские, и вороны кружили над трупом повешенной девочки в коричневых колготках с дырочками на коленках.

— Как страшно, — прошептала Надя.

Гордеев ничего не сказал. Когда Надя возражала, она ему нравилась, а когда безропотно пошла следом — нравиться перестала. Он искал способ избавиться от ее присутствия. Так и не найдя способа, он сказал «ну до свиданья» и ускорил шаг. Надя не отставала. Он перебежал улицу на красный свет. Надя — за ним. Он закричал «такси-такси!» и замахал руками, но видимость была плохая, и такси не остановилось. Он свернул в темный переулок и услышал позади торопливое цоканье каблучков. Как в дурном сне, подумал он, переходя на бег. Запыхавшаяся Надя догнала Гордеева у магазина спортивной обуви. Гордеев круто развернулся, глядя в бледное лицо несчастной девушки. «Неужели такой мертвый пес, как я, пришелся по душе этому глупому созданию?» — с тревогой подумал он и спросил:

— Зачем вы меня преследуете?

— Верните зонт, — попросила Надя.

Глава восьмая

На съемках остросоциальной телепередачи «Пусть говорят», куда пригласили родителей погибших от рук Молнии детей, случился большой конфуз. Среди приглашенных была семья Ермоловых. Степан Ермолов обвинил в гибели дочери жену, которая по его словам, будучи пьяной, не уследила за ребенком. Катерина, не стерпев несправедливости обвинений, плеснула кислотой мужу в лицо. Передачу не пустили в эфир, но запись просочилась на ютуб и распространилась по всему Интернету. Общественный резонанс всколыхнул всю страну; в южной столице едва не начались волнения. Улицы патрулировали представители народной дружины. Участились случаи избиений. К счастью, в основном избивали подозрительных личностей. Одного педофила хотели линчевать прямо на центральной улице посреди дня, но не стали, испугавшись последствий. Впрочем, тот педофил вовсе не был педофилом; он просто любил дарить детям конфеты. После того случая он не только прекратил дарить детям конфеты, но даже при случае забрал у одного мальчика «Сникерс», чтоб никто не подумал про него дурного. Танич, видя царящую в городе паранойю, понимал, что ему лучше не высовываться: заметут. Однако он всё равно выходил на улицу и гулял допоздна. Пару раз Танича едва не арестовали, но, видя его изможденное лицо, отпускали, потому что думали, что он один из безутешных родителей мертвых детей. Танич быстро свыкся с ролью отца мертвой девочки. Он распечатал старое фото Дианочки на древнем матричном принтере и приставал с ним к прохожим: вы не

видели мою дочурку? Случайный человек взял у Танича интервью и разместил у себя в блоге его трогательную историю. История вызвала бурю эмоций в русскоязычном сегменте Интернета. Танич, роняя слезы умиления, читал эту историю Зине вслух. Блогер многое переврал, но так вышло даже лучше. Зина не слушала; в последнее время она совсем опустилась и не следила за собой. Дианочка всюду водила нетрезвую маму за руку. Танич, чтоб не видеть ее страданий, уходил в интернет-кафе и сидел там допоздна. Он придумал еще одну трогательную историю и связался с блогером. Блогер, сочувствуя горю Танича, поделился с интернет-общественностью продолжением печальной эпопеи одинокого отца. К сожалению, общественность не отреагировала; Танич успел всем надоесть. Кроме того, приближался Новый год, и люди хотели праздника, а не унылых историй об очередном неудачнике. Танич, видя такое к себе отношение, еще больше обозлился на человечество. В его мечтах человечество погибало от падения астероида или по какой-нибудь другой причине, подсмотренной им в кино. Со временем ему надоело винить человечество в своих бедах, и он задумался о новом убийстве. Хотелось убить так, чтоб люди ахнули и забыли о Молнии. Танич считал Молнию порождением современной массовой культуры, у которой нет ни прошлого, ни будущего. Себя же он представлял хранителем традиций, вроде Жиля де Рэ, деяниями которого восхищался после того, как прочел о них в «Википедии».

Однако дальше задумки дело не шло. Чтоб чем-то занять себя, Танич устроился охранником в «Интурист». В основном работа была связана с рестораном,

который находился на первом этаже «Интуриста», и проститутками. Большую часть времени Танич проводил в маленькой комнате, где доедал еду, оставшуюся после клиентов ресторана. Иногда кто-нибудь из гостей ресторана начинал бить тарелки и нецензурно выражаться. Танич в зависимости от важности гостя либо вызывал полицию, либо стоял в сторонке, приятно улыбаясь, либо подходил ближе и начинал мягко увещевать. У него хорошо получалось успокаивать разбушевавшихся клиентов. Начальник охраны, толстый мужчина с повадками кита, сказал, что у Танича талант. Поработав две недели, Танич заскучал. Он огрызался на замечания начальника, не желал совершать ночной обход и выпивал в рабочее время больше, чем позволялось. Начальник сказал, что Танич зарывает свой талант в землю. Таничу же хотелось тепла. Вместо работы он пошел в баню. На следующий день ему предложили уйти по собственному желанию. Танич пошел к начальнику, желая объяснить свое поведение, но начальника не было на месте, а зам-начальника пригрозил, что если Танич немедленно не заберет трудовую книжку из отдела кадров, то у него возникнут проблемы. Пришлось уйти. Напоследок Танич украл в «интуристовской» кухне торт с кремовыми розами. Он хотел подарить торт Дианочке: у нее завтра день рождения. Несмотря на увольнение, настроение у него было хорошее. Убийства прекратились, и Молнию стали забывать. Город охватила праздничная лихорадка. Всюду стояли украшенные елки. В переходе молодой человек исполнял на гитаре «Jingle bells». Люди останавливались и хлопали ему. Танич тоже остановился

и похлопал. Его переполняло счастье от мысли, что он скоро увидит, как улыбается Дианочка. Он протянет девочке торт, и она удивится: что это? Это торт, ответит Танич. Мне? — поразится Дианочка. Тебе, скажет Танич, потому что завтра у тебя день рождения. Дианочка прижмет коробку с тортом к груди и заплачет от радости: спасибо вам, дядя Танич. Вы не представляете, как я вам благодарна. Кушай на здоровье, скажет Танич. Он погладит Дианочку по голове, и они вместе пойдут есть торт.

Вернувшись домой, Танич обнаружил, что дверь приоткрыта. На вешалке он увидел кожаный плащ и старую бейсболку. Из кухни доносился пьяный смех. Танич украдкой заглянул туда: Зина выпивала с лысым молодым человеком, руки которого находились в постоянном движении. Молодой человек что-то втолковывал Зине, одной рукой глядя ее по бедру, а другой размахивая в воздухе. Их окутывали облака табачного дыма. Зина повторяла: «Ой, Мишенька, не надо: ты же знаешь, как мне это нравится». Мишенька говорил тихо, но веско. На столе расположилось несколько пустых бутылок, нарезка сервелата и пустая коробка из-под конфет «Ассорти». Танич поставил торт на старый тетин трельяж. Он не знал, что ему делать. В гостиной плакала Дианочка. Она сидела в углу, обняв себя за колени. Волосы скрывали ее лицо. Танич подошел к ней и тихо позвал: «Дианочка, здравствуй». Она не ответила. Он аккуратно откинул ее волосы и увидел синяки на детском лице. Дианочка толкнула его: отстань! Танич вздрогнул: он впервые слышал, как учтивая Дианочка грубит. На ее запястьях краснели

следы от веревки. На голых коленках, которые она крепко сжимала вместе, запеклась темная кровь.

— Больно? — спросил он.

— Нет, — сказала Дианочка.

— Не плачь, — сказал Танич. — Я знаю, что делать.

— Я не плачу, — сказала Дианочка.

— Конечно, — согласился Танич.

Дианочка закрыла глаза, чтоб ничего не видеть, а уши затыкать не стала, потому что и так ничего не слышала, кроме голоса внутри, который кричал на нее всякие гадости. Мыслей в ее голове становилось всё меньше. Танич, видя плачевное состояние девочки, принес ей торт. Он хотел, чтоб бедный ребенок почувствовал праздник, но Дианочка ничего не почувствовала; она даже не пошевелилась. Танич пошел на кухню. Возле двери он застыл, сомневаясь. Мишенька рассказывал Зине, какие все уроды вокруг. У него был звучный голос. Говорил он так, что заслушаешься. Однако говорил он не только об уродях. У него был план переустройства жизни: люди, последовавшие этому плану, обретут вечное счастье.

— Даже уроды? — спросила Зина.

— Уродов не станет, — терпеливо объяснил Мишенька.

От убедительности его слов Зина вся заволновалась. Будущее, нарисованное Мишенькой, походило на парк аттракционов, по которому гуляют разодетые дамы в воздушных платьях, достойные джентльмены в элегантных костюмах и вежливые ребятишки в матросских костюмчиках. В платье, наверно, неудобно, подумала Зина, еще и на каблуках,

но я как-нибудь переживу. Мишенька, увлекаясь, говорил всё громче и убедительней. Из его слов выходило, что такой мир давно бы настал, если бы не огромное количество идиотов, которые не в состоянии осознать простых истин. Зина кивала: Мишенька, как ты прав, сколько дураков на свете; не знаю, что и делать. Ладно дураки, возмущался Мишенька, так они ж еще и упертые: считают, что правы.

— Боже, — ахнула Зина, — какая страшная нелепость.

— Именно, — согласился Мишенька.

Далее он выпил коньяку, закусил конфетой и почувствовал вдохновение.

— Лично я считаю, — сказал он, — что за тупость следует отправлять на общественно полезные работы; пусть роют траншеи вместо того, чтоб озвучивать свои дебильные мысли. А самых упоротых — на урановые рудники. Пускай вкалывают, пока не сдохнут.

— И стране польза, — поддакнула Зина.

— Стране? — Мишенька хмыкнул. — Отчего вы так мелко мыслите, Зинаида? Мы говорим о переустройстве мира, а не отдельной взятой страны.

— Да-да, — поспешно исправилась Зина, — но ведь надо с чего-то начинать?

— Надо, — задумчиво согласился Мишенька.

В будущем Мишенька надеялся посетить построенный разумным человечеством всемирный мраморный фонтан размером с гору, символизирующий всеобщее счастье. Вообразив журчание струй этого фонтана, Мишенька захотел в туалет. Он ущипнул Зину за грудь и вышел. В коридоре его встретил Танич. Танич размышлял о чем-то важном

с ножом в руке. Мишенька, не понимая, что происходит, почувствовал слабость в ногах и сосущую пустоту в животе. Тяжелый удар обрушился на его шею; колени Мишеньки подогнулись, и он потерял равновесие. «Я столько мог сделать, — подумал Мишенька, — но вот несчастный случай прерывает течение моих дней». Он не воспринимал Танича как человека, только как несчастный случай. Танич тоже не воспринимал себя как человека, он вообще себя никак не воспринимал.

Зайдя на кухню, Танич первым делом допил коньяк. Зина нахмурилась: ты уже вернулся? Да, сказал Танич. Зина не знала, что еще спросить. Она раскачивалась на стуле, потому что иначе боялась уснуть; духота в комнате была страшная. Танич снял с плиты чайник и выпил кипяченой воды прямо из носика. Мне казалось, сказала Зина, что ты сегодня работаешь в ночь. Кое-что поменялось, объяснил Танич. Теперь он искал, чего бы пожевать; на столе ничего не осталось. В холодильнике колбаса, подсказала Зина. Танич открыл холодильник: не вижу. На средней полке, за пучком зелени, сказала Зина. О, сказал Танич, вижу. Он достал полпалки «Докторской» и отгрыз зубами изрядный кусок. Порезал бы, сказала Зина. И так сойдет, буркнул Танич. Как дела на работе? — спросила Зина. Танич пожал плечами. Я ведь тоже когда-то была приписана к «Интуристу», вспомнила Зина, представляешь, нас с девчонками проводили по статье «прочие доходы». Смех да и только. Да уж, комедия, кивнул Танич. Колбаса без хлеба не пошла, и он, порывшись в хлебнице, нашел черствеющий кусок бородинского. Намазал на хлеб сливочного масла,

а сверху положил два кругляша колбасы. Соорудив бутерброд, он озаботился выпивкой и налил в стакан томатного соку, а сверху плеснул водки для придания напитку пьянящих свойств. Зина следила за его приготовлениями, как за чем-то потусторонним. С Мишенькой познакомился? — спросила она. Более или менее, уклончиво ответил Танич. Он великий человек, сказала Зина, и хочет счастья для всех даром. Она потянулась за бутылкой, но бутылка была пуста, и Зина от бессилия изменить такое положение вещей уронила руку. Хочешь поесть напоследок? — спросил Танич с набитым ртом. Зина не ответила. Нам с мамой было тяжело, сказал Танич, еды иногда совсем не было. Поэтому у меня такое чувство, что я никак не могу наесться; правда, смешно? Смешно, согласилась Зина и встала. Сядь, приказал Танич. Зина села.

— Раньше я убивал детей, потому что считал, что они обречены на ужасную жизнь, — объяснил Танич, — но теперь считаю, что следует убивать взрослых, которые обрекают их на эту жизнь.

— А Мишенька говорил, что надо убивать идиотов, — вспомнила Зина, совершенно опьянев от происходящих событий.

Танич ничего на это не ответил, потому что жевал. Зина снова встала. Танич жестом велел ей сесть.

— Но я не знаю, зачем сижу! — воскликнула Зина. — Я хочу к Мишеньке.

Танич понял, что следует удовлетворить желание пьяной женщины. Он проглотил последний кусок, вытер салфеткой рот и поднялся, боясь, что Зина будет вести себя громко. К счастью, Зина вела

себя тихо. Вернувшись в гостиную, Танич порезал торт и протянул Дианочке треугольный кусок на блюдечке. Дианочка, глядя на мир пустыми от страха глазами, откусила немножко. Танич внимательно наблюдал за тем, как она жует. По его мнению, Дианочка недостаточно активно шевелила нижней челюстью.

— Вкусно? — спросил он, но Дианочка не ответила.

Она продолжала жевать торт, словно он был куском сахарной ваты, застрявшей у нее на зубах. Рядом валялась тетрадка с недописанным упражнением. Танич поднял тетрадку, любуясь аккуратными рядами Дианочкиных букв. У тебя отличный почерк, похвалил он. Дианочка подняла испачканное в креме лицо: что? У тебя отличный почерк, повторил Танич. Дианочка не понимала, что он говорит. Она тыкала куском мимо рта; на пол сыпались крошки. Он изнасиловал тебя? — спросил Танич. Дианочка уронила торт и сжалась в комок от ужаса. Прости, поспешно извинился Танич, я такой дурак. Он поднял с пола недоеденный кусок, положил на тарелку. Дианочка молчала. Не бойся, сказал Танич и предложил: хочешь, поднимемся на крышу? На крышу? — переспросила Дианочка. Посмотрим на звезды, объяснил Танич, у меня есть ключ. Он взял Дианочку за руку и повел за собой. Дверь на крышу была заперта. Танич повернул ключ в висячем замке и отворил дверь; снаружи пахнуло холодом.

— Пошли? — спросил Танич.

— Пошли, — сказала Дианочка.

Рубероид оброс льдом, и Танич взял Дианочку за руку, чтоб она не упала. Дианочка, несмотря

на то, что Танич заставил ее накинуть на плечи пальто, дрожала от холода. А Таничу было жарко в одной рубашке. Они стояли рядом, подальше от края крыши, и смотрели в небо. Небо было темно-серое, звезд не видно. Но Дианочке почему-то казалось, что она видит много звезд. В детстве я мечтал стать космонавтом, сказал Танич. Дианочка молчала. Я хотел летать на другие планеты, объяснил Танич, и смотреть в иллюминатор на рождение звезд. Звезды такие красивые, сказала Дианочка. Когда-нибудь люди полетят к далеким планетам и найдут себе там друзей, поделился своей теорией Танич. Да? — удивилась Дианочка. В космосе живет много мудрых цивилизаций, объяснил Танич. А мама говорила, что в космосе живет бог, сказала Дианочка, большой и черный, как смола, он ни за что не пустит человека в свои владения из мрака и холода. Танич замолчал, представляя большого и черного бога, который бессмысленно летает в пустом пространстве, грея больное тело в коронах звезд, раскалывая гнилыми зубами планеты, как орехи. Нет, сказал он, в космосе никакого бога нет; там только наши будущие друзья с других планет. А я бы хотела пожить в Цветочном городе, призналась Дианочка. В Цветочном городе? — переспросил Танич. Это город, где живут дружные коротышки, объяснила Дианочка, в их жизни случается много веселых приключений. Танич кивнул: точно, я читал про них в детстве; они тоже летали в космос, кажется, на Луну. Да, сказала Дианочка, на Луну, но я еще не дочитала до этого. Пойдем, сказал Танич, нам надо за билетами. Мы уезжаем в космос? — спросила Дианочка. Нет, помедлив,

ответил Танич; вопрос Дианочки навел его на тревожные мысли о ее душевном здоровье. По крайней мере, не сегодня, добавил он. Они собрали Дианочкины вещи в рюкзак, поймали попутку и поехали на вокзал. На вокзале Танич купил билеты на вечерний поезд. Плацкартный вагон дышал потом, звенел голосами. Ночью воцарился храп. Утром проводница ходила по вагону и продавала жареные пирожки. Танич купил Дианочке пару пирожков с яблочным повидлом и бутылку теплой колы, чтоб она отпраздновала день рождения. Около часу дня они прибыли на место. Дверь открыла Настя. Сзади стоял ее жених, электрик, в майке и семейных трусах.

— Чего тебе? — спросила Настя.

— Настенька, — сказал Танич, — пожалуйста, позаботься об этой девочке. У нее сегодня день рождения.

— А что с ней? — тихо спросила Настя, глядя на поникшую Дианочку.

— Ее сильно обидели, — сказал Танич, — и теперь ей нужна твоя помощь.

Настя вздрогнула и обняла девочку.

Электрик буркнул:

— Чего уж...

Танич не знал, что еще сказать. Настя повела девочку в ванную, чтоб она приняла горячий душ и переделась в чистую одежду.

Электрик пожал Таничу руку:

— Ты это... прости, что так вышло.

— Порядок, — сказал Танич.

— Как твой палец?

— Зажил давно. А как твой нос?

Электрик засмеялся:

— Перегородка сместилась... но ничего страшного...

Танич промолчал.

— А что с девочкой? — спросил электрик. — Если надо, я это... у меня брат в полиции, можем подсобить... можно и без полиции, уроем кого надо, ты только скажи...

— Спрячьте ее, — сказал Танич, — она хороший ребенок, но ей сильно досталось от одного страшного человека.

— Ты же знаешь, мы не обидим... — пробормотал электрик.

— Я вернусь за ней через несколько дней, — соврал Танич и по широкой лестнице пошел вниз.

На втором этаже немолодой человек во френче воровал лампочку. Он замер, увидев Танича, и жалко улыбнулся. Потом нахмурился и заорал: ты кто такой, шантрапа, почему вместо работы таскаешься по чужим подъездам?! Он кричал на Танича, крепко сжимая выкрученную лампочку в руке, а Танич улыбался, потому что был рад, что Дианочка попала к хорошим людям.

Ветер тащил над дорогой холодную пыль. Грязные кроссовки проваливались в рыхлый снег. Школьники спешили домой, снежки летали в воздухе, какая-то девочка-второклассница спряталась за дверью школы: она боялась, что мальчишки ее намылят. Танич взял девочку за руку, чтоб защитить ребенка от нападок злых мальчишек. Молодая учительница улыбнулась Таничу — наверно, решила, что он родственник испуганной девочки. Танич подумал, что мог бы легко увести девочку

в лесополосу, но не стал этого делать. Он проводил маленькую второклассницу до ее подъезда и отпустил. Мороз крепчал. Танич забрался на холм, откуда было видно весь город: дом, где он когда-то жил с мамой, железнодорожную станцию, фабрику, школу, похожую на перевернутый спичечный коробок, кладбище. Поразмыв, Танич решил пойти на кладбище. Засыпанное снегом, кладбище выглядело, как сказочный город гномов. Стояла тишина, только из покосившегося домика кладбищенского сторожа дядь Клепы доносился бодрый голос радио. Дверца домика приоткрылась. Дядь Клепа высунул красную голову, поросшую седым пухом, и, подслеповато моргая, уставился на Танича; моргал, моргал, наконец узнал.

— А, это ты... а я думаю, кто это тут шляется по такой погоде. Бухарики, думаю, шляются или наркоши, а это ты... Мать пришел проведать?

— Сегодня я пришел проведать друга, — сказал Танич, стесняясь признаться, что не помнит его имени. — Того, который с лестницы свалился. Помнишь?

— С лестницы, ясно... — Дядь Клепа замолчал, странно на него поглядывая.

Танич ждал.

— Не знаешь, где он похоронен? Ну, понятное дело, откуда тебе, я-то знаю, а тебе откуда знать... Ладно, давай покажу его могилу, пошли покажу, — сказал дядь Клепа, с трудом выворачивая жилистое тело наружу.

В жидких усишках дядь Клепы застряла квашеная капуста, изо рта у него пахло самогоном и луком. Почерневшие от сажи руки крепко сжимали

лопату. Он пошел вперед, ловко обходя препятствия, а Танич последовал за ним. Они шли долго и молча, хлопья снега падали им на непокрытые головы. Дядь Клепа постукивал ручкой лопаты по оградкам, словно извиняясь перед мертвецами за вторжение. Где-то рядом кричали вороны, но Танич никак не мог их разглядеть. Красное солнце стыло в молоке неба. Холодные ветки стегали по лицу. Пришли, глухо сказал дядь Клепа и посторонился. Танич шагнул вперед, к маленькой одинокой могиле, на которой лежали два завядших тюльпана, покрытые инеем как серебром. Лена Волкова, прочел он на сером надгробье, спи покойно, святое дитя. Дядь Клепа за его спиной издал ртом странный всасывающий звук. Это не та, сказал Танич, это чужая могила. Тут же он почувствовал боль в спине и упал на живот. Перевернувшись, он увидел дядь Клепу, который замахнулся лопатой для второго, смертельного, удара.

— Ты чего? — прохрипел Танич, выплевывая снег. — С дуба рухнул?

От боли в спине ему не хотелось двигаться, но он всё равно двигался и даже произносил разбитыми губами слова, будто они могли что-то значить в этой снежной глуши, когда вокруг пустота, а над головой нависла лопата.

— Это могила моей внучки, — прорычал дядь Клепа, облизывая горячие губы. — Ты ее, собака, убил в лесополосе.

Танич вспомнил, что и впрямь убил Лену Волкову, которая после смерти родителей жила с дедом на кладбище. Спивающийся дед поил за компанию и внучку, и она не ходила в школу, потому что

учителя не желали учить пьяную девочку; вместо постылой учебы Лена курила бычки на заброшенной стройке среди бетонных плит и крыла матом проходящих мимо мужчин; мужчинам нравилось, что их материт подрастающее на стройке дитя, и они давали Лене мелочь, чтоб она могла купить себе еще водки, а Лена в благодарность целовала их в губы, горячо и совсем не по-детски. Она и Танича однажды поцеловала своим бесстыдным ртом, и он едва не заплакал от жалости, почувствовав вкус алкоголя на детских губах. В тот же вечер он подловил Лену Волкову возле стройки и отвел в лесополосу. Она не кричала, не плакала, хотя сразу всё поняла; она улыбнулась Таничу и наклонила голову, чтоб ему было удобнее бить камнем, ее руки и ноги находились в постоянном движении, она не могла долго стоять на месте и бубнила своим сиплым голосом: «Дядя Танич, давай скорее, убегу ведь, ну же, бей со всей дури, раз — и готово, а то убегу, скорее, ну что ты стоишь, как целка мнешься». Танич ударил ее по затылку. Она упала и умерла. Танич не стал ее тогда есть, оставил лежать в снегу, и девочку нашли через пару дней.

— Как ты узнал? — прохрипел Танич.

А дядь Клепа вовсе не знал, что именно Танич убил его внучку. До Танича он приводил на это место двоих и каждого бил лопатой до смерти, потому что от горя и пьянства сошел с ума и считал, что все жители города повинны в смерти Лены Волковой и его ужасной жизни. Услышав от Танича признание, дядь Клепа вздрогнул от неожиданности и уронил лопату. Из рта у него вырвался сиплый звук. Танич, преодолевая боль в спине, встал

и схватил лопату. Дядь Клепа попятился. Танич внимательно разглядывал некрасивое лицо старика: дрожащие губы, впалые щеки и раздувающиеся ноздри — правая порвана в далеком детстве.

— Пощади, — прохрипел дядь Клепа. — Я ж не знал... если б я знал, то понятно, но я ж не знал... — Он упал на колени. — Пощади, Христом богом молю, господи, пощади.

— А как же твоя внучка? — тихо спросил Танич.

— Да хрен с ней... — обрадовался дядь Клепа. — Была б жива, тогда еще можно что-то, но она умерла, а раз умерла то чего уж тут, не жива же...

— Веди меня к другу, — велел Танич.

Дядь Клепа с готовностью поднялся и отвел его к нужной могиле. Могила находилась у обрыва, под дикой яблоней. Внизу несла свои воды река; было слышно, как трещит под чудовищным напором потока тонкий лед. Дядь Клепа замер в стороне, по колено в снегу, с трепетом разглядывая Танича. Танич прочел имя друга: Петр. Погладил надгробье. Теперь я запомню имя человека, который относился ко мне с уважением и рассказал мне о солипсизме, подумал он. Дядь Клепа кашлянул. Танич повернулся к нему.

— А как же я? — спросил дядь Клепа. — Хотелось бы узнать, что ты... вы... собираетесь со мной делать, потому что я не знаю, а знать бы хотелось...

— Прыгай, — велел Танич.

— Что? — просипел дядь Клепа, вытирая рукавом пересохший от ужаса рот.

— Прыгай с обрыва, — пояснил Танич. — Выживешь — расскажешь обо мне в полиции.

— Нет, — просипел дядь Клепа, птясь.

— Прыгай, или лопатой по башке дам, — пригрозил Танич.

— Нет! — каркнул дядь Клепа и повернулся, чтоб убежать, но поскользнулся, упал и, проехавшись цыплячьей грудью по гладкому камню, с диким воплем стал переваливаться через край. Он попытался за что-нибудь ухватиться скрюченными пальцами, но только пропахал бороздки в снегу и исчез. Раздался удар, еще один и снова тишина. Танич осторожно подошел к краю обрыва. Изуродованное тело дядь Клепы лежало среди камней в жидком крошечке льда, как в дьявольском фреше, черная вода затопила проломленную грудь, а руки, повинувшись течению, шевелились над водой, словно подавали Таничу знаки из мира мертвых. Танич не чувствовал радости от смерти дядь Клепы. Он сел на камень, свесив ноги с обрыва. Вороны замолчали. Танич не знал, сколько здесь просидит. Может, до тех пор, пока сам не свалится; его тело найдут рядом с телом дядь Клепы, и компетентный следователь решит, что имело место коллективное самоубийство.

Вечерело. Над синей полосой леса поднялись черные точки. Они устремились в темнеющее небо, как будто их дом был в космосе. Вот откуда кричали вороны, подумал Танич, но до чего же громко они кричали, раз и на кладбище я их услышал. А может, это не они кричали, может, это что-то в голове у меня кричало, потому что знало про меня нечто страшное, нечто такое, чего я и сам про себя не знаю или боюсь узнать. Он вспомнил разговор с Дианочкой и подумал: неужели в космосе нет мудрых цивилизаций, о встрече с которыми я мечтал

в детстве, неужели в космосе никого нет, кроме огромного черного бога, который существует среди звезд, глотая беззубым ртом холодную космическую пыль. Он стар и давно сошел с ума и не умеет ничего, только бесцельно передвигаться в пространстве, уничтожая свои давно забытые творения. Он и до Земли скоро доберется, подумал Танич, или уже добрался, и мы живем в желудке у этого страшного существа и поклоняемся его гниющим внутренним органам, потому что ничего другого не умеем.

Вскоре Таничу надоело думать о страшном черном боге, который существует среди разбегающихся галактик; он решил, что это плод его больного воображения, и пошел на железнодорожную станцию покупать обратный билет. Он свернул на объездную дорогу, чтоб никого больше не встретить. В пути он остановился покурить и о чем-нибудь подумать, но вместо этого просто курил и ни о чем не думал. Над линией электропередачи порхала крохотная желтобрюхая птичка; наверно, синица. Лети в лес, сказал ей Танич, там твой дом. Но птичка не хотела возвращаться домой, ей как будто что-то понадобилось здесь. По правую руку белело заснеженное поле, переходящее в подлесок из лещины, слева тянулся бесконечный забор химкомбината. Дорогу завалило снегом, и никто не потрудился ее расчистить. Танич отбросил окурок и пошел вперед. Он шел долго, но дорога не кончалась. Слева всё так же тянулся забор, справа белело поле. Таничу хотелось лечь и уснуть на этом холодном индустриальном ландшафте. Однако он продолжал брести вперед, преодолевая сопротивление смерзшегося снега, заслоняя рукой лицо от ветра. Солнце опустилось за

горизонт, разлив на западе красную ртуть. Темнота надвинулась на пустое пространство как глухота. Далекие фонари химкомбината разбавляли сумрак мигающим светом. Они подмигивают мне, подумал Танич, потому что знают все мои тайны. Дорога пошла под уклон; Танич поскользнулся и подвернул ногу. От резкой боли он едва мог передвигаться, и ему приходилось часто останавливаться. Он кутался в пальто и размышлял о судьбах разных людей. Он понимал, что эти размышления лишены смысла: надо просто идти вперед, несмотря на боль и отчаянье. Но он не мог не думать: о Петре, о Насте, которая живет с электриком, о мертвой проститутке Зине, но больше всего думал о Дианочке. Приживется ли она в маленьком городе, затерянном вдали от основных дорог, не найдут ли ее злые люди с холодными глазами, не отправят ли в детский дом, чтоб научить ненавидеть окружающую действительность и пользоваться людьми в корыстных целях; боже, лишь бы у нее всё сложилось хорошо. Неподалеку послышался шум двигателя. Галлюцинация, подумал Танич, опускаясь на колени. Господи, попросил он, может, ты и большое чудовище, но вдруг нет, и тогда, умоляю, помоги Дианочке, спаси ее, я никогда не просил за себя, потому что меня невозможно спасти, но за нее прошу: подари ей жизнь, полную радости смысла. Я давно растерял эту детскую радость и не чувствую направления, я иду вместе с другими угрюмыми тенями кривыми тропками к пропасти забвения, а она пускай шагает по прямой дороге в яркое будущее, ощущая вблизи тепло дружеских рук и биение любимого сердца; это всё, что мне надо, это всё, чего

я прошу... Он опустил голову, чувствуя жар уходящей жизни.

— Танич, это ты, что ли, старый черт?

Танич поднял голову, сморгнул налипший на ресницы снег. Рядом стоял узик. Из кабины выглядывал бородатый водитель. Танич не помнил его, но кивнул.

— Здорово, дружище, — прогремел бородач. — Ты чего тут расселся? Залазь внутрь, подброшу до города.

Он протянул Таничу руку, помог забраться в кабину. Танич стучал зубами от холода. Бородач вручил ему фляжку: на, глотни. Танич глотнул и обжег горло.

— Как тебе водка? — спросил бородач. — Бодрит, а?

— Бодрит, — согласился Танич.

— Вот погодка, — сказал бородач, смеясь. — Ты чего по этой дороге поперся? Так и замерзнуть недолго. Мороз, блин, нешуточный.

Танич ничего не ответил. Бородач еще долго болтал и смеялся, не переставая твердой рукой вести машину. Танич в ответ кивал или говорил «ага», чтоб не обидеть своего спасителя. Ему казалось, что он проснулся после долгого изнуряющего сна. В целом он был счастлив.

Глава девятая

Андрей Петрович был пожилой человек. Он ходил, опираясь на трость. Ему было сложно вставать из-за боли в спине, а спать еще сложнее, потому что по ночам в его старую голову приходили

воспоминания. Когда у него колело в боку, он подходил к холодильнику, где хранились медикаменты, раскрывал дверцу и стоял, пытаясь вспомнить, в каком из пузырьков содержится необходимое лекарство. Взяв нужный пузырек, он прежде всего проверял, не вышел ли срок годности. Если срок годности не вышел, он откручивал пробку и по капле наполнял столовую ложку. Средство было горькое, но Андрей Петрович не чувствовал горечи; в последнее время он вообще ничего не чувствовал. Жил он один в маленькой квартире. Дети его не навещали. Дочь звонила по вторникам и четвергам, чтоб рассказать о своих проблемах. Он слушал ее, не понимая и половины из того, что она говорит, но поддакивал и жалел бедную девочку, жизнь у которой не удалась. Называл нежно «моей козочкой». Дочь злилась: «Папа, мне почти сорок, какая я тебе в задницу козочка» и вешала трубку. На улицу Андрей Петрович выбирался редко. Снаружи его всё пугало: и то, как ему говорят «эй, папаша, чего плетешься, уйди с дороги», и то, как уступают место в автобусе. Ему казалось, что прошло совсем немного времени с тех пор, как он сам уступал место. Андрей Петрович не чувствовал себя старым, но не мог доказать окружающим, что он всё еще молод.

Вчера Андрей Петрович получил пенсию, а сегодня решил купить в супермаркете куриных яиц, на которые полагалась большая скидка. Боль отошла, Андрей Петрович чувствовал себя готовым к свершениям. Спускаясь по лестнице, он поздоровался с соседкой, но та не ответила, потому что была погружена в свои одинокие мысли. Однако Андрея Петровича это не смутило. Он стал насвистывать

старую песенку. На улице смуглая девочка лет двенадцати с шарфом, обернутым вокруг тонкой шеи, уставилась на него своими выразительными синими глазами. Наверно, решила, что дед сошел с ума, веселился про себя Андрей Петрович. Но девочка глядела не на него. Бесцельно гуляя по двору, она вдруг осознала, что все люди смертны, и она в том числе. Однажды ее положат в могилу, в холод и сырость ямы, навстречу белым корням подземных растений и слепым червям, которые не ощущают никого, даже себя, просто жрут, что придется, и исторгают из себя органические отходы: так живут многие люди, им всё равно, живы они или мертвы, но она ведь не такая... От осознания своей смертности девочка и уставилась в пространство, ничего не замечая вокруг. Дрожа от ужаса, она стала ходить вокруг дома. Ей казалось, что раньше она жила в тумане, а теперь туман рассеялся и вещи, которые ее окружают, стали четкими, как на чертеже, а самая четкая — надвигающаяся на девочку смерть. Девочка потрогала обледенелые качели. Она не знала, чем еще заняться, и не понимала, зачем вообще чем-то заниматься, если всё равно умрешь. К ней подошла подружка. Она что-то щебетала своим веселеньким голосочком. Как птичка, подумала девочка, с изумлением глядя на подружку: похоже, та ничего не понимала в жизни и продолжала нести чушь про заколку с фальшивым изумрудом, полученную в подарок от бабушки.

«Да ну тебя нафиг с твоим изумрудом!» — хотела закричать девочка, но не закричала. Вместо этого она попросила примерить заколку, а примерив, восхитилась блеском и изяществом украшения

и рассказала, что мама на днях разрешила ей воспользоваться помадой. Про себя девочка думала: так я и проживу до конца дней, окруженная тупыми людьми, которые ничего в жизни не понимают и не видят приближающейся смерти; придется изо всех сил притворяться, что я такая же тупая, как они, и говорить о разной ерунде, иначе я стану изгоем.

Что касается подружки, то она осознала, что умрет, еще месяц назад. Мысли у нее были приблизительно такие же: я должна пороть чушь, как все, а то никто со мной не станет дружить. Она смотрела на девочку и думала с горечью: боже, какая идиотка, выкатывает рыбки глазищи на мою заколку, что-то произносит щербатым ртом, а сама полная дура; ей и в голову не придет, что когда-нибудь она сдохнет и ее положат в сырую толщу земли; ах, если б она поняла, если бы хоть кто-нибудь понял, чтоб можно было поговорить по душам, но никто не понимает, вокруг одни дебилки, у которых в голове мамина помада и мальчишки; эти тупые дуры считают, что будут жить вечно, но это не так, не так, не так. Вот что думала подружка девочки, хвастаясь своим новым смартфоном. Девочка же смотрела на смартфон подружки с брезгливостью, а вслух хвалила. Среди прочего она заметила, что у Нинки из соседнего двора мобильник попроще, да и сама Нинка, если по чесноку, тупая задавака: даже не знает, как перебросить фотку с одного мобильника на другой.

— Ну а я? — спросила подружка.

— Что «ты»? — переспросила девочка.

— Я не задавака? — спросила подружка.

— Нет, мы с тобой лучшие подруги, — сказала девочка.

— То есть со мной ты дружишь, а с Ниной нет? — уточнила подружка.

— Как с этой идиоткой вообще можно дружить? — удивилась девочка.

— Мне тоже кажется, что Нина тупая сука, — сказала подружка.

Девочка, услышав запретное слово, стыдливо захихикала: ну ты даешь! Подружка взяла девочку за руку, и они пошли к гаражам, где тайком курили мальчишки.

Андрей Петрович тем временем достиг дверей супермаркета. Он взялся за ручку, но вдруг дверь распахнулась и чуть не ударила Андрея Петровича по лбу; он успел отскочить, поскользнулся и едва не упал. Из супермаркета вышел угрюмый маленький человек с охапкой дивиди в руках. Андрей Петрович после этого происшествия весь дрожал. Он поскорее пошел домой, что-то бормоча под нос. Дома выпил несколько таблеток, чтоб успокоиться, и устался в пол. Доски пола разохлись и скрипели при каждом шаге; он вспомнил, что десять лет назад собирался постелить на пол ДВП, а сверху линолеум, но так и не постелил. Или это было пятнадцать лет назад, какая теперь разница. Он пошел в туалет. Смыв не работал; он хотел починить бачок пять лет назад, снял с бачка крышку, но дальше дело не сдвинулось, потому что у него не было необходимого инструмента, а теперь ему и это всё равно. Он набрал в ведро холодной воды из крана, четверть ведра или меньше — у него стоит счетчик, а вода дорогая — и вылил в унитаз. Обои в туалете отслаивались от сырости. Зачем я вообще наклеил здесь обои, размышлял Андрей Петрович. В разваливающихся

тапочках он подошел к запотевшему зеркалу, протер его рукавом и уставился на отражение. Ему хотелось плакать. Он никогда раньше не плакал, потому что мужчины не плачут, но никого рядом не было, и Андрей Петрович подумал: почему бы не заплакать. Однако у него не получалось вспомнить, как это делается. «Какое старое лицо, — подумал он с ужасом, — это не мое». Он повторял про себя: не мое, не мое, не мое. Он ударил по зеркалу кулаком, но удар получился слабым, таким слабым, что зеркало даже не дрогнуло, как будто Андрей Петрович уже не существовал для этого мира. У Андрея Петровича затряслись губы. Он прилег на диван, чтоб подумать о чем-нибудь важном, и уснул. Ему приснилась жена. Они гуляли среди березок, взявшись за руки, травинки щекотали голые щиколотки, пахло чабрецом, в синем небе летели белые журавли. Когда он проснулся, то первым делом увидел на тумбочке ее фотографию в траурной рамке и вспомнил, что, поженившись, они пообещали друг другу, что умрут в один день, но она умерла тринадцать лет назад, когда у нее, больной сахарным диабетом, отказали почки, а он до сих пор жив. Чтоб чем-то занять себя, Андрей Петрович решил, что завтра обязательно пойдет в строительный гипермаркет: купит линолеум и краску, малярную кисть, лучше две, и саморезы, а еще разводной ключ, чтоб починить бачок. Но на следующий день он ничего этого не сделал. Он сидел в кресле тихо, словно боялся громким звуком привлечь острую боль в боку, и смотрел, как метет за окном. Он вставал три раза в туалет и один раз, чтоб выпить кефиру и проглотить горькое лекарство. Поздно вечером раздался

звонок. Андрей Петрович снял трубку. В динамике надрывался пьяный голос: Анжела? Анжелка, это ты? Черт знает что: дед, позови Анжелу! Андрей Петрович пробормотал: молодой человек, извините, вы ошиблись номером, и повесил трубку. Снова раздался звонок, но Андрей Петрович на этот раз не стал брать трубку, а потом подумал: а если это дочь, и все-таки взял. Пьяный голос вопил, срываясь на визг: слышь, дед, ты трубку-то не бросай, ты кто вообще такой, чтоб бросать трубку, когда я с тобой разговариваю?! Андрей Петрович молча слушал, а потом нажал на рычаг. Снова раздался звонок, но тут же оборвался, потому что Андрей Петрович выдернул телефонный кабель из розетки. Ночь он провел в кресле, без сна, прислушиваясь к ночным звукам, но никаких звуков не было, только один раз, под утро, в соседнем доме кто-то закричал страшным голосом. Андрей Петрович решил, что крик ему померещился. Впрочем, даже если нет, какая разница. Под утро он уснул, и ему ничего не снилось, и не было никакой разницы, жив он или умер.

Человеком, который вышел из супермаркета с охапкой дивиди и едва не стукнул Андрея Петровича дверью по лбу, был Чуркин. Пережив временное помешательство, вызванное, как он считал, смертью матери, Чуркин решил отвлечься и найти себе хобби. Он покупал в супермаркете дешевые диски с фильмами, пятьдесят рублей за штуку, и смотрел зарубежное кино, чтоб проникнуться чужой культурой. Зарегистрировавшись на сайте киноманов, он оставлял отзывы на просмотренное. Хвалил легкие романтические комедии и вообще кино

про любовь, а фильмы, где кого-нибудь убивают, клеймил, потому что считал, что они плохо влияют на современную молодежь. Кроме того, он полагал, что в фильме должна быть мораль. Кино, где людей показывали аморальными негодьями, Чуркин презирал. Он признавал, что в реальной жизни не все люди озарены светом христианской любви, но снимать о подобных индивидуумах полнометражный фильм? Хватило бы и короткометражки!

Совсем недавно Чуркин передумал быть атеистом. В православии нашлось много плюсов, о которых он прежде не задумывался. Чуркин посещал маленькую церковь на углу Ленина и Социалистической. Ему нравилось слушать бормочущий голос священника, нравился сводчатый потолок в булавках желтого света и старые иконы на стенах, нравился запах горящих свечей и старушка в красном платке, которая продавала молитвенники: она всегда ласково здоровалась с Чуркиным и улыбалась ему беззубым кровоточащим ртом. Во время служения Чуркин вставал в сторонке, слушая священника, и его охватывало чувство причастности к чему-то важному. Пару раз он попадал на чужие крестины и с нежностью и благоговением смотрел, как плачущих младенцев окунают в купель и как счастливые родители фотографируют таинство или снимают его на камеру. Прихожане стали узнавать Чуркина. С ним здоровались, интересовались делами; женщина в черном платке, у которой умер ребенок, рассказала Чуркину о своей горе. Он внимательно выслушал ее, а она, выговорившись, призналась, что ей стало легче. После этого случая к Чуркину подходили многие, особенно если

священник был занят. С ним делились своими проблемами, потому что он хорошо умел слушать.

Дома Чуркин смотрел кино, оставлял в Сети отзыв, снова смотрел кино и снова оставлял отзыв. У него появились поклонники, которым нравилась его жизненная позиция. Они писали: как вы правы, слишком много зла на свете, зачем про него снимать кино, фильмы должны менять мир к лучшему. Один человек оставил комментарий: помните, какое доброе было советское кино, и люди, которые его смотрели, тоже становились добрее. Чуркину этот комментарий не понравился. Он высказал мысль, что советское кино восхваляло быдло, а быдлу не место в современном кинематографе. Да ты сам быдло, написал кто-то. Я православный, ответил Чуркин. Кто-то в шутку заметил, что у Чуркина ПГМ. Чуркин понятия не имел, что это такое, но в целом подозревал. Он ответил, что лучше иметь ПГМ, чем быть подстилкой мировой закулисы. Кто-то спросил, при чем тут мировая закулиса. Чуркин ответил с присущим ему сарказмом, а тот, кто спросил про подстилку, тоже написал с сарказмом, хоть и с меньшим, чем у Чуркина, в их пикировку вмешался третий, от которого повеяло черным юмором, — и понеслась. В четыре утра Чуркин с трудом оторвался от монитора. Вытащил из дедушкиного портсигара недобитый бычок. Закурил. Ему было одиноко. Тишина пустой квартиры давила. Завтра выходной, подумал Чуркин, еще один пустой день. Раздался стук. Наверно, у соседей, решил Чуркин и затянулся. Стук повторился. Чуркин вздрогнул и уронил окурочок. Определенно, стук доносился из спальни. Чуркин схватился за

голову. Дядя, позвал слабый детский голос, вынесите горшок, из него плохо пахнет. Чуркин встал, не зная, бежать ему или остаться. Он надеялся, что безумие прошло вместе с визитом Антонины Палны, но оно никуда не делось: сначала он нафантазировал расчлененные детские трупы в мусорных пакетах, а теперь слышит голос ребенка в пустой комнате. Он поднял тлеющий окурок, вышел в прихожую и толкнул дверь в спальню: заперта. Порывшись в кармане, он вынул портсигар и раскрыл его. В горке табачного пепла лежал маленький ключ на шелковой веревочке. Чуркин взял его, нерешительно повертел в руке и отпер дверь.

Тусклый свет сочился из заросшей пылью люстры. Воздух был такой спертый, что першило в горле. Взгляд Чуркина уткнулся в наглухо заколоченное окно. Он вспомнил, что сам забил его досками, чтоб негодная девчонка не смогла позвать на помощь. Что касается девочки, то она стояла перед ним бледная, худая, как скелет, с выпирающими под грязной кофточкой ребрами, под глазами черные круги, щеки запали. Она протягивала ему горшок, который Чуркин дал ей, чтоб она справляла в него нужду. Девочка давно отчаялась и уже не просила, чтоб Чуркин отпустил ее домой. Чуркин вспомнил, как она кричала и царапалась раньше, пару месяцев назад, когда он только похитил ее. Чтоб она издавала поменьше звуков, ему приходилось связывать ее и заматывать рот грязной тряпкой. Всякий раз, когда он приближался, она норовила укусить его, и Чуркин бил ее за это по лицу, но не сильно, а в воспитательных целях. Когда она вела себя хорошо, он угощал ее конфетами и клюквой, которую

хранил в холодильнике. Девочка сильно любила клюкву. Со временем Чуркин и сам полюбил клюкву; покупал ее, прятал в банку и ел тайком, чтоб девочка не видела, как он ест, а ей говорил, что клюква пропала из магазинов. Он медленно обвел взглядом обои, покрытые детскими рисунками и надписями, грязный пол с остатками гниющей пищи, неумытое лицо тощего ребенка. Каждый вечер он отпирал дверь, чтоб дать ей поесть и вынести горшок, а потом запирал и забывал до следующего вечера. Вот в чем выражается его безумие: он просто всё забывает. Сейчас он выльет из горшка мочу и сполоснет его, даст девочке чего-нибудь пожевать и снова забудет. Ему не надо помнить о негодной девчонке, которая за все эти дни так и не полюбила его. Когда-то он хотел, чтоб она признала его отцом, но она до сих пор помнит родителей. Он мог бы убить ее, но ему сложно решиться. Он выдумал гору детских трупов, а по-настоящему убить не смог. Вот она стоит перед ним, как всегда грязная, дурно пахнущая, с горшком в худых руках, так и хочется ударить ее посильнее, чтоб она, наконец, подохла, ненужная тварь. Он купил ей кучу игрушек, чтоб заслужить любовь, но она не играла ими. Она писала цветными карандашами гадости на обоях: «Хочу к папе и маме, хочу к папе и маме...» «Да кто тебе позволит вернуться к папе и маме, маленькая пакость?» — кричал на нее Чуркин. Он придумал, как объяснить знакомым появление у него ребенка — если кто-нибудь спросит, конечно, — а она всё испортила, и не пришлось никому ничего объяснять. Он отобрал у нее карандаши, поломал их и выбросил — она царапала мерзкие слова ногтями: «Хочу к маме и папе,

хочу к маме и папе...» Чуркин ненавидел ее за это. Впрочем, в последнее время она ничего не писала, больше спала, свернувшись калачиком на полу; может, надеялась скрыться от его гнева в своих снах.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Чуркин.

— Хорошо, — ответила девочка.

— Тебе что-нибудь нужно?

Она покачала головой: нет.

— Домой хочешь?

Она промолчала.

Чуркин разозлился:

— Хочешь, маленькая тварь, я же вижу, что хочешь, но молчишь. Обмануть меня вздумала, да?

В глазах девочки мелькнул испуг; она заслонила лицо руками и прошептала: нет-нет-нет, а Чуркин стоял перед ней, большой и злой, как чудовище. Она выронила горшок, и он покатился в угол. Смотри, что ты натворила, заорал Чуркин, всё вылилось, и так всю комнату провоняла, бери тряпку и вытирай, чего стоишь? Он толкнул ее, и девочка упала. Пока она возила тряпкой по полу, Чуркин решил выйти на площадку, чтоб подышать свежим воздухом. На площадке он столкнулся с крупным мужчиной в куртке, вывернутой наизнанку: белый шарф небрежно обернут вокруг толстой шеи, нос сплюснен, волоски торчат из маленькой головы, как ржавые проволоочки, огромные ручки упакованы в кожаные перчатки. Мужчина внимательно разглядывал дверь соседней, пустующей квартиры, которая давно стояла на продаже, но никто не хотел ее покупать.

— Вы пришли осмотреть квартиру? — спросил Чуркин и сразу понял, как нелепо прозвучал его

вопрос: кто станет осматривать квартиру в половине пятого утра.

Он застыл от нехорошего предчувствия. Мужчина повернул к нему розовое гладкое лицо и осмотрел с головы до ног. Чуркин зажал между пальцами сигарету и похлопал себя по карманам в поисках спичек; мужчина без слов протянул ему зажигалку. Чуркин прикурил от трепещущего огонька. Пальцы у него дрожали, и он чуть не уронил сигарету.

— Вы боитесь? — вкрадчиво спросил мужчина.

Чуркин попятился к двери:

— Почему вы так решили?

— Не уходите, — попросил мужчина. — Я хочу перекинуться с вами парой слов. — Он говорил тихо, едва шевеля губами, и Чуркину показалось, что это не он, а дом разговаривает с ним, скрипя дверями пустых квартир, скрежеща разбитой плиткой, хлопая рамами пыльных окон, между стеклами которых навеки замурованы сухие тельца комаров и мух.

— Зачем мне с вами говорить? — сдавленным шепотом поинтересовался Чуркин.

Мужчина придвинулся к нему:

— Но люди должны разговаривать, верно? Как иначе понять, что у ближнего на уме?

— Я не хочу с вами говорить, — пробормотал Чуркин.

— Я так долго вас искал, а вы не хотите со мной говорить? — удивился мужчина. — Что за нелепость.

Чуркин уперся спиной в холодную стену:

— Не хочу. И зачем, черт возьми, вы меня искали?

Мужчина внимательно разглядывал вжавшегося в стену Чуркина. Чуркин докурил и, не найдя поблизости пепельницы, затушил окурок о стену.

Он хотел что-нибудь сказать ночному визитеру на прощание, но ничего не сказал, только молча переступил порог. Станный мужчина подошел ближе. Пока Чуркин думал, как бы половчее захлопнуть дверь у него перед носом, мужчина просунул в щель между дверью и притолокой ногу и протиснулся в прихожую, обдав Чуркина терпким ароматом дорогой туалетной воды. Чуркин хотел закричать: может, соседи услышат и придут на помощь, но вспомнил о девочке, которая вытирает пол в спальне, и не закричал. Он тихо попросил: уйдите, пожалуйста. Станный гость не уходил. Он с любопытством разглядывал обстановку в квартире, трогал холодную стену, пробовал каблукom пружинящий коврик возле входной двери. Чуркин следил за его действиями, как заяц, попавший в капкан. Мне было так одиноко, сказал мужчина, так страшно существовать в пустоте, где не слышно голосов и звуков природы. Я жил там, где на зыбком грунте не видно следов, потому что нет никого, кто бы мог их оставить. Мой путь освещали мертвые звезды, дарившие холодный свет каменным мирам, лишенным подобия жизни; обломки сухого льда и базальта тянулись до самого горизонта, как следы тысячелетних бурь, которые никому не страшны, потому что никого нет и не будет. Я видел черные лучи, пронизывающие Вселенную, видел огонь, пожирающий пространство изнутри, видел тысячи неживых глаз, которые глядят в бесконечность, не отрываясь; в них тишина этой Вселенной, и я в центре этой тишины, навеки один, навеки сам... вы можете себе представить такую жизнь? — он уставился немигающими глазами на Чуркина, который

с ужасом подумал: боже, этот парень сумасшедший или обкурившийся, чертов наркоман, их так много развелось в последнее время. Он царапал в кармане портсигар, не зная, как поступить. Наверно, лучше молчать, потому что с сумасшедшими иначе нельзя, вон как вращает глазами, еще накинется, услышав неосторожное слово. Гость дышал через открытый рот, и Чуркин чувствовал вонь гниющих зубов. Он закрыл глаза, надеясь, что, когда откроет их, странный гость исчезнет. Но гость не исчезал. Он продолжал говорить. Здесь так тепло, сказал он Чуркину, в самую холодную зиму здесь гораздо теплее, чем было там. Я ощущаю, как тепло накрывает меня, словно пуховое одеяло; это прекрасно, верно? Верно, кивнул Чуркин, который решил во всем с ним соглашаться. С психами надо всегда во всем соглашаться, он знал это из кино. Чуркин кивал и поддакивал странному незнакомцу до тех пор, пока тому не наскучило его подобострастие.

Оглушительно тикали часы на стене. По грязному полу полз таракан. Мужчина с гладким розовым лицом застыл на пороге спальни. Девочка сидела с тряпкой на коленях и смотрела вниз, считая сколы и трещины в досках пола; кроме сколов и трещин она считала дни, проведенные здесь. Она переводила дни в часы, часы в минуты, а минуты в секунды не переводила, потому что недостаточно хорошо считала. Здравствуй, Анечка, ласково сказал мужчина, я так долго следил за тобой, так долго выбирал момент, чтоб познакомиться с тобой поближе, но этот страшный человек забрал тебя у меня из-под носа. Я без усталости искал тебя и вот нашел: не бойся, страшный человек больше

не обидит мою маленькую девочку. Теперь с тобой рядом я — тот, кто тебя любит. Аня подняла голову, но не увидела того, кто ее любит. Честно сказать, она ничего не увидела, кроме черного пятна в проеме двери. Она встала, на ощупь двигаясь к выходу. Мужчина с гладким розовым лицом перехватил ее на пороге. Его рука в тонкой кожаной перчатке была тверда как камень. Он потащил девочку за собой, и Аня безропотно последовала за ним. Они вышли из подъезда. На улице появились первые прохожие, спешащие на работу. Мужчина с гладким розовым лицом наклонился к Ане: бедненькая моя, ты так плохо одета, кофточка вся грязная, тебе лучше не показываться на людях до поры до времени. Скоро мы придем в одно хорошее место, и я дам тебе чистую одежду. Он поцеловал Аню в щеку, и девочке показалось, что гигантское насекомое коснулось ее кожи своими клейкими жвалами. Она посмотрела вверх, надеясь увидеть лицо поцеловавшего ее человека, но не увидела ничего, кроме черной фигуры, возвышавшейся над крышами домов; черная тварь, огромная, как колесо обозрения, повела ее через город темными переулками. Неподалеку жили, работали, разговаривали люди, но как Аня ни старалась, она не могла увидеть их. Тварь обходила места скопления людей стороной, безошибочно находя самые пустые улицы, откуда люди ушли навсегда, а если и остались, то жили, затаившись в тесных клетушках малогабаритных квартир, боясь выглянуть в окно. В этом городе так много спящих людей, проскрежетала тварь, их постоянно тянет в сон, многие из них спят с рождения и никогда не проснутся, оставаясь в мире прекрасных фантазий.

Это напоминает мне вечный тихий час в каком-нибудь космическом детском саду; правда, забавное сравнение, Анечка? Анечке не было забавно. Она никогда не любила тихий час, но слова черной твари пробудили в ней воспоминания. Она вспомнила последний утренник в детском саду: мама купила ей белое платье и вплела в волосы ленту. Аня хотела, чтоб отец увидел, какая красивая у него дочка, но он не пошел на утренник, потому что устал после ночной смены и проспал целый день на диване. Вернувшись с утренника, Аня долго стояла возле дивана, жалея бедного папу. Чувство безотчетной нежности к безобразному человеку, от которого пахнет сигаретами и пивом, накатывало на нее; не существовало причин любить отца, но Аня всё равно любила, потому что это был ее единственный папа, который катал ее на руках и гулял с ней во дворе, и по ее зову шел смотреть песочные замки, которые она строила, и говорил тихим, лишенным надежды голосом: как красиво, Анечка, у тебя талант. Он каждый раз повторял эти слова, и Аня сомневалась, что он на самом деле так думает, но была благодарна ему за эту ложь. А однажды случилось чудо: отец будто бы проснулся от дурного сна. Он стал веселым и настоящим, каким Аня всегда его видела за отмирающей кожей из тоски и отчаянья. Он помогал ей делать уроки и играл с ней, отвел в исторический музей, где Ане понравилось рассматривать старинные фотографии и казачьи шашки, купил полосатый свитер с оленями, о котором Аня давно мечтала, сводил в театр на детский спектакль «Остров сокровищ». Потом Аню похитили. Дни, проведенные в неволе, она почти не помнила. Они

представлялись ей чередой унижений, которым ее подвергал маленький человек с дрожащими руками, и единственным ее счастьем было царапать на обоях слова «мама» и «папа».

Мы почти пришли, Анечка, проскрипело чудовище, видишь белую машину впереди? Внутри теплая одежда, ягодное варенье, ты ведь любишь ягоды, и термос с горячим чаем для маленькой замерзшей девочки. Кроме того, там много игрушек, кукол, достойных принцессы, а ты, моя милая, прекрасней любой принцессы, верно? Аня действительно увидела белую «газель», которая стояла в тупике между заброшенным складом и пустым трехэтажным домом с обгоревшими глазницами окон и выпирающими бородавками балконов. Когда-то здесь случился большой пожар, прогундосила тварь, люди погибли во сне, а те, кто успел выбежать из горящего дома, могли видеть, как сторают накопленные ими за годы существования материальные ценности. Одна несчастная женщина рвалась из рук мужа, желая спасти новенькую стиральную машинку, которую они купили в кредит за неделю до этого. Она кричала ужасным голосом и билась в истерике; я видел ее лицо, озаренное красными всполохами, и оно было прекрасно, как если бы она кричала во сне, в непрекращающемся кошмаре тяжелой жизни, в которой нет ничего кроме стирки и готовки.

Аня не слушала монстра. «Газель» маячила совсем близко, и ей не хотелось оказаться внутри этой страшной машины; когда до «газели» оставалось не больше десяти шагов и чудовище ослабило хватку, она дернулась и вырвалась из рук твари. Чудовище издало странный звук, вроде довольного хрюканья.

Аня побежала по узкой улочке к огням электрических фонарей. Рядом кипела жизнь, Аня чувствовала ее. Девочку занесло от слабости, и она больно ударилась плечом о стену, но не остановилась. Ласковый шепот безумной твари подгонял: Анечка, неужели ты и впрямь считаешь, что сможешь убежать от меня, неужели в самом деле хочешь сбежать, моя сонная девочка, ты же так хочешь спать, ты валишься с ног, это всё сон, сон, сон... Аня почувствовала себя безумно уставшей, хотелось лечь и уснуть прямо на грязном снегу, ноги заплетались, она споткнулась о вмерзший в лед камень и едва не упала; прямоугольник света был совсем рядом: она видела проносащиеся по широкой дороге автомобили и красивые витрины, в которых отражалось расплавленное олово светящего неба. Аня метнула слабое тело вперед, сжигая последние силы в топке яростно стучащего сердца, вытянула руку, надеясь ухватиться за краешек повседневной жизни, о которой почти забыла за время, проведенное в запертой комнате. Клешни чудовища стиснули ее плечи, и она застыла на границе света и тени, не в силах сдвинуться с места. Тварь, однако, не спешила затягивать ее обратно во мрак. Аня поняла, что чудовище нарочно дарит ей призрачную надежду. Отчаянье, которое охватило девочку, стало осязаемым и липким, как паутина. По тротуару шагали люди, но они не замечали ребенка, попавшего в беду. Какая-то женщина в драповом пальто все-таки заметила ее, шепчущую одними губами «помогите, пожалуйста», но отвернулась и ушла, не желая вмешиваться в чужие дела. Кроме того, девочка была грязная и бледная, наверняка наркоманка.

Чудовище что-то шептало на ухо Ане, но Аня не могла разобрать слов. Это был безумный коктейль из звуков, сводящих девочку с ума: словно разбитое стекло ожило и заговорило с ней; словно дробящиеся камни ожили и заговорили с ней; словно ломающиеся кости ожили и заговорили с ней. Пойдем, сказала наконец тварь; пойдем, мое сокровище, я угощу тебя горячим чаем с бубликами. Чудовище потянуло Аню за собой, но тут что-то отшвырнуло Аню к стене, и она увидела худого мужчину с ножом в руке. Аня видела такой нож в кино: с зазубринами и кровостоком, большой и страшный. Мужчина держал его перед собой в обеих руках, рот его был приоткрыт, как будто он хотел вцепиться зубами в противника, выпученные глаза поворачивались в темных глазницах, как два шарика для настольного тенниса. Почувствовав, что свободна, Аня побежала и не увидела, что произошло дальше.

Мужчину с ножом звали Семен. Бывший водитель автобуса, полторы недели назад он ради любопытства пустил транспортное средство на встречную полосу, отчего едва не случилась большая авария. Было большое разбирательство, которое не кончилось до сих пор. Пока суд да дело, Семена уволили от греха подальше. После увольнения Семен окончательно спятил и бродил по улицам в поисках жертвы, которую можно пырнуть ножом. Он увидел в темном переулке девочку, одетую в легкую кофточку; ее держал за плечи мужик в пальто. Семен некоторое время выбирал, кого бы из них пырнуть сначала. Перед глазами у него плыло, потому что Семен пил водку всю ночь, надеясь отыскать в алкоголе избавление от непрекращающихся

мыслей. Он решил ударить ножом мужика: тот гораздо крупнее щуплой девочки, меньше шансов промахнуться. Удар тем не менее вышел так себе: Семен лишь поцарапал руку противнику и спустя мгновение почувствовал, как страшная сила поднимает его над землей и кидает о стену. Он кое-как поднялся — глаза застлал красный туман — и ткнул ножом наугад, но промахнулся. Черная тень сдвинулась влево, он махнул ножом и опять мимо. Чудовищные руки скрутили его, как будто выжимали мокрую тряпку, он заорал от боли и выронил нож. Его ударили в лицо с такой силой, что он снова отлетел к стене. Боли Семен больше не чувствовал, тело онемело, и, не в силах встать, он попытался уползти, но его, захлебывающегося кровью, схватили за ногу и потащили в темноту. Несколько человек наблюдали избиение Семена, но полицию никто не вызвал, чтоб избежать нежелательных последствий. Один человек по фамилии Щеглов, впрочем, достал мобильник, собираясь сообщить в соответствующие органы о факте правонарушения, но вовремя сообразил, что тогда его привлекут как свидетеля. Придется ждать прибытия полицейских, затем рассказывать им, что произошло, потом его отвезут в отделение, чтоб составить протокол, и из-за этого он опоздает на работу и лишится новогодней премии; начальник и так косо глядит на него, потому что большую часть рабочего времени Щеглов проводит в социальных сетях. Приняв твердое решение не звонить в полицию, Щеглов сел в автобус, где занял место в самом труднодоступном углу, чтоб не пришлось уступать место назойливым бабушкам. Там он закрыл глаза и стал думать о своей дочери Помнушке.

Глава десятая

Молодой человек по имени Саша считал себя хорошим человеком. Однако добрыми поступками он не ограничивался и, бывало, поступал некрасиво. Например, он бил свою жену и ходил от нее к любовнице. Конечно же, ничего красивого в этом нет. Чтоб заглушить совесть, Саша относился к дуализму своей жизни по-философски, считая, что в человеке намешано и плохого, и хорошего, и ничего тут не поделаешь: надо любить себя таким, какой ты есть. Кроме того, Саша полагал, что большинство плохих поступков совершает из-за негативного воздействия быдла, которое в этой стране преобладает: с волками жить по-волчьи выть. В цивилизованном европейском обществе он бы вел себя по-другому. В целом он восхищался своей способностью относиться по-человечески даже к самым мерзким представителям низшей прослойки россиян. Купив себе черный «вольво» С70, Саша не стал задирать нос, как некоторые. Наоборот, он полюбил жалеть тех, кто ниже его по социальной лестнице. Иногда он останавливал машину напротив случайной хрущевки, чтоб покурить и с сочувствием поглядеть на играющих во дворе детей, которых ждет такое же жалкое будущее, как и большую часть граждан этой страны.

В то зимнее утро Саша притормозил возле металлической сетки, которая отсекала детский сад спального района от внешнего мира. По заснеженному двору прогуливались дети в сопровождении воспитательницы. Саша с немым состраданием разглядывал вязаные шапочки малышей, родители

которых настолько бедны, что не в состоянии нанять профессиональную няньку. С тоской размышлял он о разрухе, царящей в головах маленьких существ, обреченных пополнить бесконечные ряды российского быдла. Докурив, он выстрелил окурком в направлении забора. Окурок, роняя пепел и искры, упал на снег с той стороны. К машине подошел пожилой мужик в дутой куртке. Саша приветливо посмотрел на него, думая, что если мужик вежливо попросит милостыню, то он накинет ему рублей сто. Может даже сто пятьдесят, если в бумажнике отыщется необходимая мелочь. Мужик что-то угрюмо бухтел, сунув руки в карманы.

— Чего тебе, дед? — весело спросил Саша.

— Выходи, — глухо велел мужик.

— Че вдруг? — Саша нахмурился.

— Бычок подними.

Саша расхохотался:

— Дед, ты че, с дуба рухнул?

Мужик, не меняясь в лице, пнул грязным ботинком дверцу «вольво». Саша не смог выдержать такого издевательства:

— Всё, дед, ты сам напросился.

Вылезая из машины, он почувствовал внезапный удар по голове и упал ничком. Саша понял, что дед поступил подло: нанес удар, не дав ему полностью выбраться из автомобиля. Саша корил себя за то, что не учел пристрастия быдла к подлым поступкам. Теперь оставалось одно: решительно обвинить деда в нечестной игре. Саша поднял голову, чтоб издать обличительный вопль, но в этот момент дед воздействовал на Сашино лицо посредством каблука, и у Саши от страшного воздействия

зашатались зубы. Он упал на спину, с ужасом ощупывая пальцами ротовую полость. Дед не дал ему проверить, все ли зубы на месте, схватил за ухо и заставил подняться. Саша, ощутив текущую силу в жилистых руках деда, более не сопротивлялся. Дед подтолкнул его к дыре в заборе. Схватив окурок, Саша затрусил к ближайшей урне и аккуратно опустил бычок внутрь. Из разбитого рта на снег капала кровь. Нижняя губа опухла. Дед ждал у машины. Саша трясся от страха за «вольво»: ему еще пять лет выплачивать кредит, ему ни к чему лишние проблемы. К счастью, дед больше не пинал машину. Саша замер в нерешительности. Дед с тоской глядел в белеющее небо.

— Я поеду? — робко спросил Саша.

— Езжай, — глухо ответил дед.

Саша поскорее сел в машину. Отъехав, он пожалел, что не набил выжившему из ума деду морду. Он хотел вернуться, чтоб зарядить старперу в печень, но передумал, потому что спешил в офис. Про себя он решил, что мог бы выбить деду все оставшиеся зубы, но не сделал этого из уважения к старости. Промокая салфеткой окровавленный рот, Саша восхищался своей твердостью в вопросе избиения старика. Другой бы закатал чокнутого деда в асфальт, но Саша не такой: у него есть принципы. Думая так, Саша проглотил две таблетки ибупрофена, чтоб унять боль. Прибыв в офис, он рассказал сотруднице отдела проектировки Анжелочке, с которой спал втайне от жены, что быдло в городе совсем распоясалось: швыряет бычки где попало. Я, конечно, человек терпеливый, произнес он с иронией, но когда увидел, как старый придурок

кидает бычок на территорию детсада, не выдержал и заставил этого урода поднять окурок и выкинуть в урну.

— Молодец, с этими старперами только так и надо, — безапелляционно заявила Анжелочка, — привыкли гадить где попало, пока жили при Совке. А че у тебя с губой?

— Поскользнулся и упал, — признался Саша.

— Это из-за гололеда, — объяснила Анжелочка. — Уроды в коммунальной службе с места не сдвинутся, пока кто-нибудь шею не свернет. Привыкли ничего не делать при Совке, твари.

Саша восхитился бойкой манерой Анжелочки делать выводы и пригласил ее в кино; конечно, не на быдлосеанс какого-нибудь очередного «Человека-паука», а в камерный кинотеатр, где уже неделю крутили фильмы Хичкока. Анжелочка с присущей ей непосредственностью заявила, что Хичкок идет в задницу. Почему бы им не посетить молодежный театр: там ставят экспериментальную пьесу. Саша не любил театр, но, чтоб не показать себя необразованным быдлом, принял Анжелочкино предложение с восторгом. Однако в театр они не поехали. Весь вечер Саша катал Анжелочку по городу. Анжелочка перебрала сливочного ликеру и захотела побузить, как она выразилась, в ночном клубе «Ваниль». К несчастью, клуб был закрыт на ремонт. Саша уговорил Анжелочку заехать в гостиницу. В гостинице Анжелочке поплохело. Полночи она провела в туалете, склонившись над унитазом, а Саша, чувствуя, что совершает хороший поступок, смачивал горячий Анжелочкин лоб водкой. Это событие укрепило их отношения. Жена несколько раз

звонила Саше, чтоб спросить, когда он вернется домой, но Саша, чтоб избежать ненужной ссоры, предусмотрительно отключил телефон.

Человека, который разбил Саше губу, звали Иван Егорыч. Иван Егорыч после многих лет отлучки возвращался домой. У двери в подъезд он встретил Палну. Пална не хотела пускать подозрительного мужика в подъезд, но пригляделась и всплеснула руками: узнала.

— Где ж ты был все эти годы? — спросила она.

— Много где, — лаконично ответил Иван Егорыч.

Палне не понравилось отношение Ивана Егорыча, и она мимоходом заметила: сынок твой совсем опустился, ты ему скажи, чтоб почаще убирался, а то весь подъезд провонял. На самом деле из квартиры Чуркина давно ничем не воняло, но Пална упустила этот факт из виду. Она открыла дверь в подъезд: надолго к нам? Иван Егорыч не ответил. Он медленно поднимался по лестнице. Пална дышала у него за спиной, глядя в спину стареющего мужчины. На площадке четвертого этажа она свернула к себе, не без приятности размышляя, что время не щадит никого: такой крепкий был мужик, делал зарядку каждое утро, бывший полярник к тому же, но и ему не поздоровилось.

Иван Егорыч замер на площадке пятого этажа, принюхиваясь. Пахло остро и знакомо. На стене возле двери сохранилась нацарапанная двадцать пять лет назад надпись «Ваня + Маша = любовь». Иван Егорыч долго рассматривал ее, проводя по неровным буквам заскорузлым пальцем. Скрипнула дверь. Столетняя старуха в застиранном халате высушила нос из своей квартиры.

— Здравствуйте, Марина Сергеевна, — поздоровался Иван Егорыч.

— Здравствуй, Ванечка, — прошамкала старуха. — Вернулся?

— Вернулся, — кивнул Иван Егорыч.

— Живой?

— Живой.

Старуха согнула указательный палец крючком и, пятясь задом, исчезла в своей норе, чтоб в одиночестве ткать паутину сожалений и пустых воспоминаний. Иван Егорыч подошел к двери, которую видел последний раз двадцать один год назад, поднял руку, чтоб постучать, но заметил, что дверь приоткрыта, и потянул за ручку. Он не удивился, увидев царящее в прихожей запустенье. Не удивился пыли на маленьком зеркале, которое висело тут, сколько он его помнил, не удивился грязи на скрипучем дощатом полу. Он ожидал чего-то подобного; боялся, но ожидал, а может, и не боялся вовсе. Слишком много лет провел он вдали от жены и сына. Он что-то искал, шатаясь по стране, но так ничего и не нашел, зато успел позабыть и жену, и собственного ребенка. Теперь здесь всё чужое. Только глупая надпись «Ваня + Маша» осталась в памяти навсегда. Он сразу вспомнил эту надпись, вспомнил и девочку Машу, которую любил, когда ему было шестнадцать. Боже, какие длинные у нее были косы, как волновалась при ходьбе ее полная грудь! Она переехала с родителями в другой город, и больше он ее не видел, а надпись нацарапал спустя годы, когда возвращался домой пьяный, к нелюбимой жене и нежеланному сыну.

Сына он нашел в гостинной. Чуркин лежал на потертом ковре, нелепо вывернув шею. Мертвые глаза

пристально смотрели в дверной проем. Он будто ожидал возвращения отца. Иван Егорыч не знал, что делать: этот человек был ему чужой. Он был чужой, когда они жили вместе, и сейчас чужой, незнакомое существо в майке и семейных трусах, из которых торчат бледные волосатые ноги. Зачем он вернулся к нему? Иван Егорыч опустился на колени. В кулаке у Чуркина было что-то зажато. Иван Егорыч не сразу разобрал, что это.

— Ладно... — пробормотал он.

Он разжал мертвые пальцы и вытащил серебряный портсигар. Чуркин хранил бесполезную вещь всю жизнь, дожидаясь возвращения отца, но так и не дождался. Иван Егорыч повертел портсигар в руке. Нелепая штукавина.

— Эх, — пробормотал Иван Егорыч.

Он не знал, что еще можно сказать, потому что готовил слова для встречи с сыном, а для смерти сына не подготовил никаких слов, хоть и была у него такая мысль, но он отогнал ее от себя. Для счастливой встречи он подготовил много торжественных слов, в душе понимая, как банально и лживо они прозвучат: он не был счастлив, возвращаясь домой, он просто вернулся, чтоб взглянуть на прошлое перед тем, как умрет. Я опоздал, произнес Иван Егорыч с безразличием, наверно, я не должен был уезжать. Он открыл рот, чтоб еще что-нибудь сказать, но тут же закрыл, чтоб ничего больше не говорить. Портсигар лежал у его ног. Иван Егорыч подумал, что если притронется к нему, то почувствует связь с умершим сыном. Он притронулся, но ничего не почувствовал. Портсигар был тяжелый. Иван Егорыч раскрыл его: внутри лежал ржавый

ключ на шелковой веревочке, присыпанный серым пеплом как песком. Да уж, сказал Иван Егорыч. Он вытряхнул содержимое портсигара на пол, покрутил дорогую вещицу в руках и вложил сыну в руку. Портсигар вывалился из мертвых пальцев. Иван Егорыч снова вложил, портсигар снова вывалился. Ладно, вслух произнес Иван Егорыч. Не имея других дел в городе, он просидел возле тела весь день, не ощущая ничего, кроме жалости за потраченное зря время. Вечером Пална, обеспокоенная зловещей тишиной у соседей, вызвала полицию. Полиция явилась. Среди прочего нашли труп Чуркина со сломанной шеей. Иван Егорыч тупо смотрел на расхаживающих по комнате полицейских, повторяя вслух «Ладно... чего уж там... да уж...».

Его отвезли в участок для выяснения обстоятельств.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МОЛНИЯ

Глава первая

На корпоративе программист Щеглов напился, поднялся на сцену и заявил в микрофон, что все его коллеги без исключения — дерьмо. В наступившей тишине Щеглов слез со сцены, не помня, что он только что сделал, и отправился в гардероб за курткой. Гардеробщица дремала в наушниках, с плеером в шишковатых пальцах. Щеглов долго искал номерок. Как назло номерок куда-то запропастился. С третьей попытки он нашел его на дне заднего кармана брюк. Позвал гардеробщицу. Гардеробщица не отзывалась. Щеглов позвал еще раз. Гардеробщица протяжно зевнула. Щеглов махнул рукой и пошел на улицу без куртки.

Тем временем тишина в зале наполнилась возбужденными голосами. Люди за столиками оживленно обсуждали поступок Щеглова. Как ни странно, многие были с ним согласны. Главный инженер Холмогоров, лицо которого от большого количества принятого алкоголя побагровело, стучал кулаком по столу и ревел как медведь: этот Щеглов прав, среди нас одно дерьмо, одни, извиняюсь за выражение, жополизы кроме двух-трех человек.

На резонный вопрос с камчатки, кто эти два-три человека, Холмогоров отвечать отказался, но себя к ним причислил со словами: конечно, я тоже не сахарный, да и как будешь сахарным в таком, извиняюсь за выражение, говнистом окружении, но зато я всегда выступаю за справедливость. Завхоз Евгений Евгенич, сидевший за другим столиком, залпом выпил ядерный коктейль, состоявший из водки с шампанским, и тоже горячо поддержал Щеглова. Из его слов выходило, что хороших людей человек пять, остальные — дерьмо. И я тоже дерьмо, вдохновившись, заявил Евгений Евгенич, но у меня, по крайней мере, хватает честности признать это! Евгений Евгенич привстал и обвел злым взглядом помещение, ожидая, что кто-нибудь возразит ему, но никто не возразил из уважения к сжавшимся кулакам Евгений Евгенича. Проектировщик Решетов высказал мысль, что Щеглову следовало бы набить морду за его неосторожное высказывание. Экономист Леонид презрительно хмыкнул: бить морду парню за то, что он не умеет лизать задницу? Решетов вспыхнул. Он поднялся, пылая от гнева, чтоб осадить зарвавшегося экономиста, но тут же сел и выпил водки. Леонид пошел к сцене, чтоб объяснить точку зрения Щеглова. По его мнению, Щеглов не хотел никого обидеть: он хотел, чтоб люди задумались. По дороге Леонид задержался у столика Холмогорова и выпил с главным инженером на брудершафт. Люди за остальными столиками выразили неудовольствие поведением Леонида. Общее мнение высказал Евгений Евгенич: что же это получается, за столиком Холмогорова выпивают настоящие люди, а все остальные просто ничего не значащая шваль?

Холмогоров поднялся: чего вы, Евгений Евгенич, там бормочете? Если есть что сказать, говорите смело и громко, чтоб все слышали! Сказав так, Холмогоров выпил коньяку и закусил шоколадкой. Евгений Евгенич ядовито улыбнулся и обратился к публике: наш главный инженер, верно, забыл слова Щеглова. Ну так я напомним: все дерьмо. Евгений Евгенич ударил кулаком по столу: все! Он обвел налитыми кровью глазами притихших людей и могучим ртом распечатал в душном воздухе незыблемые слова: все! все! все!

— Неужели абсолютно все? — застенчиво поинтересовалась бухгалтерша Верочка.

— Есть человек пять тех, кто не дерьмо, — неохотно признал Евгений Евгенич. — И я себя к ним, заметьте, не причисляю! Но и его, — Евгений Евгенич указал на Холмогорова, — не причисляю тоже!

Все в помещении так и ахнули. Холмогоров от ярости заскрипел зубами. Вперед вылез Леонид. Да кто ты такой, закричал он, брызгая слюной, чтоб указывать нам, кто мы такие? Ишь, нашелся! Леонид поднялся на сцену, чтоб принародно поставить Евгень Евгенича на место, но тут же спустился обратно, чтоб выпить минеральной воды — у него пересохло в горле. Евгений Евгенич хотел назвать Леонида молокососом, который лезет не в свое дело, и какое-то время подбирал в уме слова поострее, но тут принесли жаркое, и он позабыл о шустром экономисте. Решетов тоже хотел высказаться, но после очередной рюмки у него что-то случилось с речью. Он ходил между столиками, желая сказать коллегам нечто важное, но ничего важного сказать не получалось, и он просто пил, тоскуя о несказанном.

Бухгалтерша Верочка захотела танцевать, но никто не приглашал ее на танец, потому что она была некрасивая. Зато жену Решетова приглашали на танец все кому не лень: она была писаной красавицей. Рассерженная Верочка наклонилась к начальнице: Щеглов прав, кроме нас и еще пары человек тут одно сплошное дерьмо. Начальница была согласна с мнением Верочки, не считая того факта, что она и Верочку считала дерьмом. Вечер продолжался. Официанты принесли водку, вино, шампанское, и снова — водку, вино, шампанское. Холмогоров хотел коньяку, но коньяк закончился. На подносах замелькал куриный жульен. Решетов взял с сервировочного столика полоску буженины, пошел в туалет и пропал. Евгений Евгенич помирился с Леонидом. Они выпили за примирение, а потом еще раз выпили, уже без причины. Евгений Евгенич устался на Леонида, не понимая, кто это такой и почему он с ним пьет. Леонид мысленно был далеко: в Таиланде или в другом месте, где круглый год тепло и есть море. Сквозь пьяный туман он смотрел на искажившиеся лица коллег и думал: дерьмо, как оно есть, настоящее дерьмо. Что у этих людей за душой? о чем они мечтают? чем живут? «Ни о чем они не мечтают, — думал он, — и не живут, а так». «Где же настоящие люди, — с тоской размышлял Леонид, — в этом калейдоскопе бухих лиц их не найти; куда они подевались?» Он пошел искать настоящих людей, но находил только водку и вино. Чтоб как-то отвлечься от тревожных мыслей, он раздавал женщинам горячие комплименты. Женщины улыбались симпатичному Леониду, а Леонид целовал им ручки, приговаривая: позвольте вашу ладошку,

мамзель. Вскоре он обнаружил себя за портьерой с бухгалтершей Верочкой. Они целовались. Леонид гладил девичью спину, нащупывая складки молодого жирка, а неопытные губы Верочки впивались в его рот так, будто собирались высосать бессмертную душу. Леонид молча терпел эти домогательства. Он постарался отвлечься, думая о чем-нибудь другом, но у него ничего не получалось: настырные губы Верочки влажно шлепали его то в щеку, то в шею, то в подбородок, как будто по лицу скакала беззвучная жаба. Леонид взял Верочку за плечи и отодвинул от себя.

— Верочка, простите, у нас ничего не выйдет.

— Почему? — чуть не плача спросила Верочка.

— Потому что я такое же дерьмо, как и все, — глухо произнес Леонид.

Он опустил голову, сильно тоскуя:

— Щеглов прав, я — дерьмо...

— Да ну его в задницу, твоего Щеглова, — страстно заявила Верочка и приникла губами к пересохшему рту Леонида.

Их поцелуй заметил Холмогоров, который тайно любил Верочку. Кипя от ревности, он пришел к выводу, что не даст Леониду повышения, которого тот давно добивается. Поостыв, он подумал, что не давать Леониду повышения — поступок скверный, потому что Леонид хороший работник. Выпив водки и закусив лимончиком, Холмогоров нашел другую причину не повышать Леонида. Он пришел к выводу, что Леонид своим поступком разлагает коллектив. А коллектив важнее любого работника, каким бы хорошим он ни был. Лучше я повышу Щеглова, решил Холмогоров.

Глава вторая

Программист Щеглов лежал лицом в снегу, придавленный тяжестью мира. Он несколько раз пытался подняться, но у него разъезжались ноги, и он снова падал. Его костюм был помят, волосы покрылись инеем. Мимо проходили Гордеев и Надя. Они шагали на расстоянии друг от друга, чтоб никто не подумал, что они пара. Увидев лежащего Щеглова, Надя ничего не сделала, а Гордеев подошел к обессилевшему человеку и помог ему подняться. Щеглов обнял Гордеева и стал умолять, чтоб добрый незнакомец выпил с ним за преданность, за честность и другие прекрасные свойства человеческой души. Гордеев отвел Щеглова к стоянке такси. Щеглов пытался затянуть Гордеева с собой в машину, обещал познакомить с женой и дочерью, которую зовут Помнушка (господи, такой милый ребенок, как я ее люблю, ты себе не представляешь, братишка), грозился, что если Гордеев не поедет, то и Щеглов не поедет тоже. Гордеев заплатил таксисту, чтоб он поскорее отвез пьяного Щеглова домой. Такси тронулось. Щеглов уронил голову на грудь и спал до самого дома. Надя ждала Гордеева на тротуаре. Губы ее кривились.

— Пытаешься показаться человечней, чем ты есть на самом деле, чекист? Оставь бесполезные попытки, у тебя плохо выходит.

Гордеев хмыкнул:

— Ты искренне полагаешь, что я хочу произвести на тебя впечатление, дитя?

Он холодно улыбнулся:

— Мне тебя жаль.

— Какое я тебе дитя? — возмутилась Надя.

Какой я тебе чекист, хотел спросить Гордеев, но не спросил. Небо было высокое и звездное, как в детской мечте. Снег лежал на крышах домов, как сахарная глазурь. Играла праздничная музыка. На городской елке мигали разноцветные лампочки. Огоньки горели в глазах счастливых ребятишек, предвкушавших праздник. «Как вышло, что до Нового года осталась неделя, а я провожу время с этим человеком?» — размышляла Надя о Гордееве. Что касается Гордеева, то он о Наде не думал. Он думал о смене профессии, но в голову ничего не приходило. Устроиться учителем в сельскую школу? Гордеев представил рябые лица деревенских ребят, перепачканные навозом, и понял, что прибудет линейкой одного из них в первый же день. Городскую общеобразовательную школу он вообще не брал в расчет: его от нее тошнило. Что касается какой-нибудь элитной гимназии, то Гордеев сомневался, что у него получится без содрогания глядеть в раскормленные лица элитных детей. Надя, видя, что Гордеев крепко задумался, тоже попробовала крепко задуматься, но думать было не о чем. Она радовалась, что сегодняшней вечер проводит не одна. Гордеев пошел быстрее. Наде, чтоб не отстать, пришлось бежать. Гордеев резко остановился, и она уткнулась носом ему в спину. Мне надо идти, сказал Гордеев. Надя молчала. Я еще вернусь, пообещал Гордеев. Нет, сказала Надя, ты не вернешься. Гордеев не знал, как успокоить несчастную девушку. Он сделал движение рукой, как будто хотел погладить Надю по голове, но не погладил, отвернулся и ушел. Надя следовала за ним до перекрестка, а потом потеряла

белое пальто Гордеева из виду. Она замерла посреди улицы. Спешащие за подарками люди толкали беззвучно стоявшую девушку. «Это хорошо, что я чувствую, как меня толкают, — лихорадочно размышляла Надя, — это значит, я еще жива». Толстый мужчина в меховом пальто чуть не сбил Надю с ног и обругал ее. «Это хорошо, что я слышу, как мне говорят «уйди с дороги, прошмандовка, чего вылупилась», — думала Надя, — это значит, я существую среди людей, которые меня замечают». Она обняла себя за плечи: ее колотило от страшного холода.

Гордеев вернулся в гостиницу. В лифте, украшенном бумажными гирляндами, он поднялся на девятый этаж. В коридоре пахло шампанским, ковровая дорожка была усеяна конфетти. Гордеев открыл дверь номера ключ-картой. У соседей громко выпивали. Внутри его номера было тихо, как в склепе. Не включая свет, Гордеев вошел внутрь и притворил за собой дверь, отрубая звуки чужой пьяной жизни. Он двигался в темноте, как слепая хищная рыба. Нащупал дверцу холодильника, открыл, вынул бутылку ледяного пива, повертел в руках и поставил обратно. Пить не хотелось. Да и сколько можно. В кармане завибрировал мобильник. Гордеев, поколебавшись, ответил.

— Слушаю.

— Здравствуй, сынок, — произнес тихий печальный голос.

— Здравствуйте, Пал Иваныч.

— Не вешай, пожалуйста, трубку, — попросил тихий голос. — У меня к тебе серьезный разговор.

— Конечно, Пал Иваныч.

— Сынок, тебе пора завязывать с игрой в детектива, — поспешно заговорил Пал Иваныч. — Пока ты успешно раскрывал дела, на твою игру глядели сквозь пальцы, но с этим последним делом у тебя ничего не выходит; на меня смотрят как на идиота, за моей спиной болтают... чего только не болтают. Ничем хорошим это не кончится, поверь моему опыту. Пора прекращать, сынок. Ты же и сам понимаешь, что надо остановиться, верно?

Гордеев молчал. Испугавшись его молчания, Пал Иваныч продолжал:

— Ты, главное, не волнуйся, я всё устрою. Есть хорошее место в Сочинском подразделении ФСО. Сам прекрасно понимаешь, как можно подняться в связи с грядущей Олимпиадой. Большие бабки, сынок. Я уже прикупил тебе небольшую квартиру в Сочи; надеюсь, ты простишь мне эту маленькую вольность. Квартирка так себе, но это только для начала, пока устроишься, пока то да се. К тому же рядом море. Я же знаю, как ты любишь море. Помнишь, в детстве ты всё время мечтал поехать на море? Тогда не получалось, потому что мне надо было много работать; кроме того, мы мало виделись из-за разногласий с твоей мамой. Но теперь всё изменится. Теперь ты заживешь хорошей тихой жизнью, о которой мечтал с детства. Найдешь себе приличную девочку. У меня есть одна на примете, могу познакомить. Конечно, если ты не против. Я рассказал о тебе ее отцу, ты ему понравился, поверь мне. Отец у нее не последний человек; да ты, наверно, помнишь его. Степан Николаич. Лысый такой, со шрамом на щеке. Он к нам пару раз приходил раскинуть картишки. Теперь у него свой

дом в Сочи. Ты бы видел этот дом; царские хоромы, ей-богу: четыре этажа, башенки, пристройки, веранды, вот такущий домина. Форелевое хозяйство. Во дворе пруд с лебедями, как тебе? Мраморные ангелы, каменные дорожки, газон, беседка, баню отгрохал будь здоров: два этажа, всё по последнему слову техники. Представляю, какое будет приданое. А дочка у него хорошая, тихая. Глуповата, но тебе умную и не надо, верно? Главное, послушная. А умная женщина в доме ни к чему: поверь моему опыту, сынок. Что ж, если всё решено, предлагаю лететь послезавтра утром. Я уже заказал билеты на самолет. Заодно и Новый год отпразднуем, в семейном, так сказать, кругу. У него там винный погреб, как у короля. Ну что ты молчишь? Наверно, раскрыл рот от удивления; да уж, твой папа умеет преподносить сюрпризы. Конечно, у нас с тобой были разногласия, но теперь с ними покончено, верно? Теперь мы заживем новой, хорошей жизнью, как настоящая семья. Глядишь, скоро внуков буду нянчить. Обожаю этих маленьких карапузов. Всюду суют любопытные носики. Так и хочется помять им пухлые щечки. Ну что ты молчишь?! — заорал вдруг Пал Иваныч. — Какое ты имеешь право молчать, сука, когда я перед тобой распинаяюсь?! Что ты за выродок такой, раз заставляешь отца мучиться?! Что я тебе сделал?! ЧТО ТЫ МОЛЧИШЬ?!

Глава третья

Аня долго звонила в закрытую дверь. Она зажала кнопку звонка и слушала, как в передней призывно

тарактит молоточек. Никто не открывал. Аня села на бетонный пол, обхватила руками колени. Приоткрылась дверь соседней двухкомнатной квартиры. Раньше там в одиночестве жила Светлана Игоревна восьмидесяти лет, но выглянувшее лицо, красивое и загорелое, показалось Ане незнакомым. Молодая женщина нахмурилась:

— Тебе кого?

— Мне нужно в пятьдесят пятую квартиру, — сказала Аня.

— Там никто не живет, — сказала молодая женщина, с подозрением разглядывая грязную Анину кофточку. — Оттуда месяц назад съехали.

— Съехали? — упавшим голосом переспросила Аня.

— Да, — сказала молодая женщина, — мы как раз переехали сюда, а оттуда жильцы съехали. Грузчики чуть не снесли нам дверь, когда спускали холодильник; теперь эта квартира пустая, туда никто не приходит.

— Эй, с кем ты разговариваешь? — донесся из глубины помещения грубый мужской голос.

Женщина повернулась:

— Тебе какое дело? Пей свое пиво!

Аня пробормотала, вставая:

— Извините, пожалуйста.

— Ничего страшного, — сказала женщина и заинтересовалась: — А ты их знаешь? Ну, тех, кто там раньше жил.

— Да, — сказала Аня и спросила: — А где Светлана Игоревна?

— Она умерла, — сказала женщина. — Я ее внучка.

— А от чего она умерла? — спросила Аня.

— А от чего все умирают, — сказала женщина. — Старая была.

Подумав, она спросила:

— Хочешь чаю?

Аня не успела отказаться или согласиться: в дверном проеме появилась волосатая рука, которая втащила молодую женщину в глубь прихожей. Затем высунулась красная как помидор голова небритого мужчины, который рявкнул на Аню «А ну пошла отсюда, попрошайка!» и со стуком захлопнул дверь. Аня не знала, куда ей пойти. Может, спросить в школе, куда уехали родители? Но Аня боялась, что учителя в сговоре с ужасным человеком, который похитил ее. Она вспомнила, как он схватил ее недалеко от школьных ворот. Ощутив на плечах его твердые как камень пальцы, она позвала на помощь учительницу рисования, которая шла по другой стороне улицы, но та не обернулась. Тогда Аня подумала, что учительница не услышала ее. Но вдруг она услышала и нарочно не обернулась? Аня могла бы спросить новый адрес родителей у Светланы Игоревны (мама как-то обмолвилась, что Светлана Игоревна всё про всех знает), но Светлана Игоревна умерла и теперь не поможет ей. У отца и матери были друзья, жившие в разных концах города, но Аня сомневалась, что вспомнит, как до них добираться. Кроме того, у нее нет денег на автобус, а идти пешком — холодно. Шмыгая носом, Аня пристроилась у батареи отопления на площадке между этажами. Рядом свернулся в клубочек полумертвый от голода котенок. Слабо мурлыкая, он ткнулся носом в Анино плечо, и она прижала его дрожащей рукой к груди, в которой всё булькало

и хрипело. Аня понимала, что больна, но не было рядом мамы, которая напоит ее горячим чаем с малиновым вареньем и даст проглотить невкусные таблетки. Девочка уснула, и жар, поднявшийся в ее теле, позволил ей увидеть странные цветные сны про миры, недоступные для человека. В этих мирах жили удивительные существа, которые, среди прочего, не издевались над слабыми. Аня сразу поняла, что спит, потому что в жизни такого не бывает. Она видела, как дети мучают других детей в школе только потому, что их жертвы немного глупее их, или наоборот умнее, или странно одеваются, или вечно болеют — короче говоря, хоть чем-нибудь отличаются. Она удивилась, когда впервые увидела, как толпа второклассников пинает ногами какого-то мальчишку, а девочки стоят рядом и хихикают. Потом те, кто бил, ушли, а мальчишка поднялся, стряхивая с коленок прилипшую пыль. У него был помятый вид, но он не особенно расстроился, словно произошедшее было в порядке вещей. Первоклассница Аня подошла к нему, чтоб пожалеть несчастного ребенка. Повинуясь инстинкту, она протянула руку и пригладила его взъерошенные волосы. Мальчишка посмотрел на странную девочку с удивлением и сделал шаг назад. От него плохо пахло, и Аня поняла, почему дети называли его вонючкой.

— Тебе больно? — спросила она шепотом, словно речь шла о какой-то ужасной тайне.

— Отстань, — сказал мальчишка и убежал.

Она еще много раз видела его в школе: пару раз его избивали до крови, но он никогда не жаловался, и его глаза оставались пустыми, словно он жил

и двигался во сне, который повторяется изо дня в день. В ее классе был подобный мальчик по фамилии Канашкин. Он старался сидеть за партой тихо как мышонок, надеясь, что хотя бы сегодня его не заметят, но его всегда замечали, и он получал свою порцию подзатыльников и пощечин. Когда учительница выходила из класса, мальчишка со злыми глазами по фамилии Лосев швырял на пол его пенал, заставляя Канашкина наклониться, чтоб поднять вещь с пола, и в это время кто-нибудь (обычно сам Лосев) бил Канашкина ботинком под зад. Канашкин падал. Многие смеялись над неуклюжим Канашкиным, а те, кто не смеялся, делали вид, что ничего не случилось, потому что иначе сами могли попасть под раздачу. Аня смотрела на это с ужасом: она не понимала, почему так происходит. Однажды она не выдержала и кинулась на Лосева с кулаками. Тот сначала хохотал, уворачиваясь от Аниных кулаков, но когда Аня умудрилась расквасить ему нос, Лосев разозлился не на шутку и кинулся на нее. Он не понимал, откуда берется сила в этой тощей девчонке, а Аня не могла остановиться, в нее будто что-то вселилось, и она расцарапала лицо Лосева до крови. Лосев разревелся, превратившись в самого обычного мальчика, которого обидели без причины. Он упал на спину и лежал неподвижно, как раскрытая книга, с ужасом глядя на страшную девочку. Аня замерла над ним, сжимая и разжимая кулаки; ее поразила произошедшая в нем перемена. В школу вызвали родителей, наружу вылезла правда об издевательствах над одноклассником, был скандал, а когда буря утихла, всё осталось почти по-прежнему. Никто больше открыто не бил Канашкина, не

ронял на пол его вещи, но его продолжали обзывать придурком и маменькиным сынком, ему ставили подножки в коридоре и подкладывали в ранец засохшее собачье дерьмо. Канашкин всё так же сидел за партой, боясь шелохнуться; он привык к такой жизни и не ждал перемен. Лосев же обходил Аню за версту. Что касается самой Ани, то у нее появились подружки, которые жадно ловили каждое ее слово, а один впечатлительный мальчик признался ей в любви.

Кто-то коснулся ее руки, и Аня расслышала недовольный голос: слышь, вставай, чего лежишь, это тебе не гостиница, иди спи где-нибудь еще, бомжара. Она с трудом повернула шею: ей показалось, что каждый ее мускул скрипит от натуги. Аня моргнула, пытаясь различить лицо говорившего, но ничего не увидела, кроме размытого силуэта человека, который склонился над ней. Щеки и лоб ее пылали, в груди горел пожар, она попыталась встать, но упала. Котенок выскользнул у нее из рук и запрыгал по ступенькам вниз, отчаянно мяукая; кажется, падая, она прищемила ему хвост. Господи, прошептал голос, Аня, это ты? Боже мой, это ты или твой призрак? Господи, господи, господи... У Ани не было сил ответить. Ей казалось, что она всё еще спит. Что с тобой, боже, что с тобой такое, шептал голос, где ты была всё это время, тебя же вроде убили? Господи, надо вызвать «скорую», у тебя полис есть? Что я несу, вот придурок, надо позвонить твоим родителям.

Ее подняли и понесли на руках куда-то, она не понимала куда. Она провалилась в сон, как в глубокую яму, и на этот раз ей не снилась волшебная страна. Ей приснилось что-то черное и тоскливое,

живущее в пустоте среди звезд. Аня не могла понять, живое это существо или неодушевленный предмет; может, природное явление как снег или дождь.

В час пополудни Аню повезли на «скорой» в центральную городскую больницу. Вечером того же дня специальный человек по фамилии Гордеев пил кофе из чашки, прикрепленной серебряной цепочкой к изнанке пиджака. Кофе давно остыл. На ручке чашки виднелась трещинка. Гордеев дорожил чашкой, но прекрасно понимал, что когда-нибудь она разобьется, и боялся этого дня. Он поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Служебная машина, едва заметная в темноте проходного двора, замерла в засаде между трансформаторной будкой и развалившимся каменным забором, который находился здесь без всякого смысла с незапамятных времен и мало-помалу разрушился — и в этом тоже не было никакого смысла. Через лобовое стекло был хорошо виден освещенный фасад дореволюционного дома. За высокими окнами тоскливо существовали люди в ожидании Нового года. Время приближалось к полуночи, окна гасли, и вскоре только в одном горел зеленоватый свет ночника. Возле подъезда сидела косматая дворняга, голова которой постоянно заваливалась набок; встряхнувшись, сонное животное возвращало голову в изначальное положение, потом закрывало глаза, и голова снова заваливалась набок; так повторялось несколько раз. Я старый пес, сонный пес, пробормотал Гордеев и тихо засмеялся. Шурша покрывками по мокрому асфальту, к подъезду приблизилась такси. Машина спугнула дворнягу, и та заковыляла в кусты,

чтоб лежать там до наступления утра. Из такси вышел крепкий молодой человек. Он перебежал на другую сторону машины, открыл дверцу и помог выбраться молодой женщине в рыжей шубке. Она чмокнула своего кавалера в щеку. Молодой человек заплатил таксисту. Машина уехала, словно ее и не было. Мужчина и женщина немного покурили возле подъезда, о чем-то тихо разговаривая и смеясь. Гордеев различил, что мужчина курит «Донской табак», а женщина «Vogue». Впрочем, это не имело значения. Вскоре они вошли в дом. Гордеев не спеша допил кофе, протер внутренность чашки одноразовой салфеткой, скомкал салфетку и положил в бардачок, к другим таким же салфеткам, а чашку спрятал за пазуху. Вылез из служебной машины, потянулся. Было тепло, гораздо выше нуля, под ногами хлюпала вода. Гордеев с наслаждением вдыхал теплый воздух, чувствуя себя пьяным, хотя после вчерашнего свидания с Надей не выпил ни капли. Хотелось бежать, неважно куда, но Гордеев никуда не побегал: он хорошо понимал, что ему бежать некуда. Он подошел к массивной двустворчатой двери, которая вела в дом, и толкнул правую створку. Внутри пахло пылью и горелыми волосами, на полу валялись брошенные кем-то использованные петарды. Широкая лестница вела наверх, оставляя справа прячущийся в густом сумраке провал, где лежали поломанные швабры, метлы и другой ненужный хозинвентарь. Лампы, заключенные в потемневшие от времени решетки, едва тлели. Металлические ступени откликались при ходьбе: бум-бум-бум. Гордеев провел рукой по деревянным перилам, кожей ощущая глубь десятилетий, из

которых вынырнул этот старый дом. Здесь всё преувеличено, подумал он: и лестница, и двери, и потолки. На третьем этаже он свернул налево, открыл незапертую дверь и вошел в темный коридор, в котором пахло жизнью: за первой дверью сегодня ели жареную курицу, за второй не вынесли использованные подгузники, за третьей много курили. Гордеев ударился коленом о ручку оставленного посреди коридора велосипеда и едва сдержал проклятье. Сделав еще пару шагов, он вовремя заметил пирамиду старых кастрюль и аккуратно обошел ее. Нужная дверь находилась в конце коридора. Гордеев достал ключ. Дверь открылась с легким щелчком. В квартире было прохладней, чем в коридоре. Пахло чистящим средством. На крючке, вбитом в стену, висела рыжая шубка. В глубине квартиры, отражаясь в захватанном зеркале, мерцал слабый свет, слышались приглушенные голоса. Гордеев аккуратно обошел беспорядочно сваленную на полу обувь и осторожно заглянул за угол. Дверь в гостиную была приоткрыта. На диване, боком к Гордееву, сидели мужчина и женщина, перед ними на табуретке располагалась бутылка шампанского, слева и справа от нее — бокалы на тонких ножках. В бронзовом подсвечнике горела свеча. Пятна света колебались на лицах двух человек, которые что-то говорили друг другу, взявшись за руки. Гордеев извлек из кобуры пистолет и шагнул в гостиную. Женщина, увидев его, сначала не поверила глазам, а потом вскрикнула и отодвинулась, закрыв лицо руками; мужчина остался неподвижен. Гордеев заметил у стены стул, поставил его посреди комнаты и уселся напротив дивана. Мужчина смотрел на

Гордеева пристально, как будто пытался сообразить: сон это или не сон.

— Здравствуйте, Кошевой, — тихо сказал Гордеев.

— Здравствуйте, шеф, — ответил Кошевой.

Девушка убрала руки с лица; она узнала голос вошедшего.

— Ах, это вы... — пробормотала она.

— Здравствуйте, Оля, — приветствовал Гордеев стриптизершу из клуба «Ваниль». — Я думал, по вечерам вы работаете.

— Клуб на ремонте, — ответила Оля.

— Вот как? Превосходно. А что случилось?

— Крысы, — объяснила Оля.

— Неужели?

Оля пожала плечами.

— В чем дело? — спросил Кошевой. — Зачем вы ко мне вломились?

— Прошу прощения, — сказал Гордеев, — что явился так поздно; однако я обещал вам назвать настоящее имя Молнии еще до нового года, помните? И вот я здесь.

— Это не может подождать до утра? — сухо спросил Кошевой.

Гордеев с тоской наблюдал за лицом Кошевого; он мог подождать до утра, мог подождать неделю, мог подождать еще десять лет: какая, собственно, разница, когда он поговорит с Кошевым и поговорит ли с ним вообще. Однако он слишком устал от этого дела, от этого унылого города, где морозный день сменяется теплой ночью и снег, выпавший утром, к полудню превращается в слякоть; устал от людей, которые говорят с ним и которые говорят о нем за его спиной; устал от интриг отца, который

считает свое мнение единственно верным; устал от прилипчивости одинокой девушки по имени Надя; устал от жизни; он просто устал и хочет поскорее со всем этим покончить.

— Вне всякого сомнения, — сказал Гордеев, — это может подождать до утра. Но не подождет. Потому что я пришел назвать вам имя Молнии и назову его. Не переживайте, я не собираюсь тянуть резину. Наверно, вы уже сами обо всем догадались. Иначе зачем бы я пришел именно к вам в это время суток? Помните, Кошевой, как я говорил вам, что мир слишком прост? Помните? Отлично. В нем нет никаких загадок. Никаких тайн. Всюду обыденность и серость. Молния — это вы, Кошевой.

Кошевой сделался красный как рак.

— Что вы несете? Совсем... — Он замялся. — Вы пьяный, да? — Он поднялся, но тут же сел, потому что Гордеев направил на него пистолет.

Оля уставилась на огнестрельное оружие, как на что-то запредельное. Она схватила Кошевого за руку и прижалась к его плечу щекой.

— Нет. — Гордеев покачал головой. — Я не пьяный. Собственно, я давно понял, что убийца вы, но у меня, к сожалению, не было улик, прямо указывающих на вас. Если вас это успокоит, то и сейчас у меня нет стопроцентных улик; однако с этим делом пора кончать.

— Боже, — пробормотал Кошевой, — вы спятили.

— Не исключено, — кивнул Гордеев, — но это не отменяет того факта, что вы — Молния.

Медленно и доходчиво, как на уроке в школе, он объяснил Кошевому, что сразу понял: убийца — полицейский или, по крайней мере, представитель

властных структур. Иначе он не смог бы так ловко уходить от преследования и дурить город своими выходками; можно вспомнить хотя бы половинку сердца на ступенях мэрии.

— Вам понятно? — обратился он к Кошевому.

Тот кивнул.

— Прекрасно. — Гордеев скрестил пальцы. — Продолжим. Помните первый найденный мобильник? На самом деле я не находил его. Я купил его в магазине, выкинул аккумулятор и испачкал в грязи; потом предъявил вам. Вы, Кошевой, наверно, подумали, что я идиот, слушая мои объяснения; вы-то избавились от телефона по-другому. Как, кстати? Ну не важно, расскажете потом. Уже тогда я... впрочем, вру: нельзя сказать, что я вас подозревал. Однако ваше страстное желание стать моим напарником навело меня на кое-какие мысли. В любом случае проверка бы не помешала. Вы согласны? Превосходно. Когда Молния использовал такой же мобильник на заброшенном складе речного вокзала, я убедился, что двигаюсь в правильном направлении. Вы хотели напустить туману, сунув «Samsung» в ботинок. Или поиздеваться надо мной, верно? Ну неважно, можете не отвечать.

— Я... — пробормотал Кошевой и замолчал.

Гордеев вынул чашку из-за пазухи; ему послышался звук, похожий на хруст, и он испугался, что случайно раздавил чашку. Однако чашка была цела. Звук повторился: это Кошевой давил ногою на вздувшийся паркет. Видя, что Кошевой собирается возражать, Гордеев поспешно добавил: конечно, то, что убийца использовал на складе такой же дешевый «Samsung», могло быть совпадением. Но

это еще не всё. Продолжим: никаких следов мужского ботинка сорок седьмого размера я тоже не находил. Ага, вижу по вашему лицу: вы начинаете догадываться. Изумительно. Итак, я не находил следов: я просто сказал вам, что видел их и уверен, что они принадлежат убийце. Готов поспорить, вы веселились про себя. Этот Гордеев нашел чьи-то следы, думали вы, черт знает чьи, и сделал далеко идущие выводы; вот придурок. Мне интересно было взглянуть на вашу реакцию. Реакция меня удовлетворила. Сами не сознавая того, вы, Кошевой, разочаровались в моих способностях. Вы возражали мне, открыто указывали на мою склонность к алкоголю; раньше вы не позволяли себе подобного. Итак, подытожим. Что сделал я? Я навешал вам лапши на уши. Что сделал Молния? Молния засунул мобильник в ботинок сорок седьмого размера и подбросил его на заброшенный склад, чтоб посмеяться над самолюбивым сыщиком. С таким же успехом он мог бы написать чистосердечное признание. Вы были настолько уверены в себе, Кошевой, что даже не допустили мысли, что я могу вас надуть. Ну-ну, не переживайте, преступники часто считают себя умнее всех. Обычное дело, вы тут не одиноки. Более того: тех, кто считает себя умнее всех, на свете подавляющее большинство. Вы удивлены? Это факт. И наконец, добавил Гордеев, пряча чашку, я проверил множество бумаг и расспросил сотрудников; у вас нет ни одного надежного алиби. В ваше отсутствие я порылся в вашем рабочем компьютере и обнаружил, что вы посещаете так называемый форум серийных убийц. Две с половиной недели назад вы начали встречаться с Олей и убийства прекратились.

Что? Вы спрашиваете, а как же кусок глины со склада? Хорошо, что вы вспомнили; я о нем почти забыл. Это шутка. Он ничего не значит, этот кусок; как и ваш телефон в башмаке. Помните Зодиака с его идиотскими криптограммами? Тот же случай. Всего лишь маленькая провокация, чтоб заставить вас поволноваться. Признайте, вы потом много думали об этой глине. Ночами не спали, пытаясь сообразить, как она может вас выдать, я прав? Ну, можете не отвечать. Как видите, у меня нет стопроцентных улик, но сомневаться не приходится: вы, Кошевой, и есть Молния. Надеюсь, начитавшись детективов, вы ожидали в финале именно такого объяснения. Оправдал я ваши ожидания? Молчите? Прекрасно. А вопросы у вас есть? Опять тишина? Восхитительно.

Кошевой схватился за голову.

— Боже, — сказал он, — я разочаровывался в ваших способностях, потому что вы... — Он замялся. — Ну... вы бухали без продыху, но даже тогда я защищал вас перед Пал Иванычем... — Он замолчал, продолжая беззвучно раскрывать и закрывать рот.

Оля прижималась щекой к плечу Кошевого. Гордеев думал, что после его рассказа она отодвинется от Кошевого, но она не отодвинулась, наоборот, обняла его, со страхом глядя на пистолет, лежавший у Гордеева на коленях. Если пристрелить их обоих, со скукой подумал Гордеев, меня посадят, а может, и нет; может, отец меня отмажет, дадут условный срок, да какая разница дадут или нет, я смогу жить и так и этак, не думая ни о чем, ни о чем не переживая, не считая еды и сна; так живут многие, почти все, и я тоже смогу так жить, зачем мне быть другим.

Его и впрямь стало клонить в сон. Я не спал трое суток, подумал Гордеев, и вот результат: заторможенный и вялый, как полудохлая рыба на прилавке. Сейчас Кошевой кинется на меня, схватит пистолет и выстрелит мне в голову; наверное, так будет лучше, потому что я пес, которого давно пора усыпить.

Однако Кошевой не спешил кидаться на него. Он поднял лицо, мокрое от слез, и умолял срывающимся голосом:

— Пожалуйста... не надо... пожалуйста...

Гордеев молчал.

— Я не хочу, — сказал Кошевой, — я только недавно... ну... проснулся... нашел смысл... то, ради чего можно жить... — Он бросил взгляд на Олю. — Не хочу... пожалуйста, не надо... — Его руки тряслись, он попытался взять бокал с шампанским, но уронил его, и шампанское полилось на пол, покрывая старый паркет белой пеной.

Гордеев молчал.

— Это не я, — горячо заговорил Кошевой, ладонью вытирая выступивший на лбу пот, — клянусь, это не я; но я знаю человека, который это сделал или, по крайней мере, передал убийце ваши слова про ботинок и про этот чертов телефон, я рассказал ему всё, в этом моя вина, но, клянусь, это не я, я не убивал, я никого в жизни не убивал, мне даже страшно об этом подумать, потому что я сам до чертиков боюсь смерти; господи, Гордеев, вы бы знали, как я боюсь; пока я не встретил Олю, я просыпался среди ночи и слышал чье-то отвратительное дыхание в темноте, я включал свет, но никого рядом не было, и я всю ночь сидел со светом, как маленький ребенок, я боялся спать, потому что мне казалось,

что я умру во сне, просто не смогу выбраться из пропасти сна; я столько лет ходил в качалку, сам не зная зачем, жил в одиночестве, стоя на пороге, за которым ничего нет; вы понимаете меня, Гордеев? За этим порогом ничего нет!! — Он почти хрипел от натуги, потому что произнес подряд без запинки большое количество слов; его глаза вылезли из орбит, а ногти впились в обивку дивана.

Оля как сумасшедшая гладила его по руке, приговаривая: «Хватит... милый мой... пожалуйста... не надо», словно боялась, что ее возлюбленный превысит отведенный ему лимит слов и свалится замертво.

Гордеев молчал. Он не верил Кошевому, считая его слова жалкой попыткой оправдаться; но он вспомнил об интуиции, которая в первую или вторую их встречу подсказала ему, что из Кошевого не выйдет преступника; он слишком прост, и для счастья ему не нужны расчлененные тела людей и кровь, вытекающая из колотых ран; ему нужна отчаявшаяся женщина, вроде этой Оли, с которой можно поговорить при свете свечи о чем-то глубоко личном. Гордеев поднялся с пистолетом в руке, еще не зная, как поступит. Он увидел на стенах обрывки прозрачного скотча и прямоугольные участки, где было меньше пыли; здесь когда-то висели плакаты, которые отвлекали Кошевого от страха смерти, но он сорвал их, когда они перестали справляться со своей задачей, и попытался отыскать иной путь. Быть может, подумал Гордеев, этот человек заслуживает толики уважения. Он сделал шаг назад, потом — вперед, пытаясь собраться с мыслями. Его безудержно клонило в сон, но он понимал, что сегодня ночью спать не придется.

— Вот что, Кошевой, — сказал он, — одевайтесь: мы поедem к человеку, с которым вы якобы делились информацией по делу Молнии.

— Прямо... сейчас? — заикаясь, уточнил Кошевой.

— Прямо сейчас, — подтвердил Гордеев и поклонился Оле. — А вам, Оля, я бы советовал взять такси и ехать домой.

Оля долго не отвечала. Она смотрела на Гордеева, как на врага: он и был врагом ее надежды на семейное счастье. Она не слушала, что он говорит Кошевому и что Кошевой отвечает, потому что никогда не вмешивалась в разговоры мужчин; ей казалось, что она всё равно не поймет, о чем речь. Она уловила одни лишь интонации: Гордеев в холодных выражениях лишал Кошевого надежды на будущее, а Кошевой, лишенный надежды, плакал как ребенок. У нее сердце кровью обливалось, когда она видела, как он плачет. Она хотела вскочить и закричать на Гордеева, чтоб он убирался, а потом со всего маху ударить его по лицу; пусть он выстрелит в нее, пускай она умрет, но напоследок она хорошенько ему врежет и плюнет в это бледное усмехающееся лицо; ничего этого она, однако, не сделала. Она потупилась и прошептала:

— Вы так милы.

И пошла одеваться.

Глава четвертая

Посадив Олю в такси, Кошевой и Гордеев двинулись к служебной машине. Кошевой сел за руль, а Гордеев устроился на заднем сиденье, наблюдая

бритый затылок бывшего напарника. В салоне было темно. Они видели, как разворачивается такси, как летит грязь из-под колес, как водитель выкручивает руль на освещенную дорогу и пропускает несущийся на огромной скорости черный «вольво», а затем неторопливо уезжает прочь, чтоб никогда больше сюда не вернуться. Кошевой шевельнулся на переднем сиденье. Гордеев на всякий случай приготовил пистолет. Если я выстрелю в него на ходу, подумал он, мы разобьемся. Он нахмурился, соображая.

— Скажите, Кошевой, теперь, когда мы остались одни: вы нарочно выдумали байку о человеке, которому всё рассказывали? Хотели избавиться от Ольги? Надеетесь, что она позвонит в полицию? Или вам не хочется, чтоб она видела, что произойдет дальше?

— Это не байка, — прохрипел Кошевой. — Вы сами... увидите.

— Прекрасно. Тогда поехали.

— Вы всё... разрушили, — пробормотал Кошевой.

— Разве? — удивился Гордеев.

Кошевой кивнул:

— Я думал: вот оно... а вы разрушили... Зря я к вам пришел тогда...

Гордеев не ответил, потому что ответ тут не требовался. Автомобиль двигался мягко, усыпляюще. Гордеев подумал, что если уснет в машине, то, скорее всего, не проснется. Он подумал об этом без страха, как будто смотрел остросюжетный фильм с собой в главной роли, сидя в зале, где от жующих людей пахнет попкорном и пивом. Он попытался вспомнить, когда в последний раз ходил в кино;

кажется, это было одиннадцать или двенадцать лет назад, в конце мая, он тогда учился в Академии ФСБ. У них было практическое занятие: надо было проследить за условным шпионом так, чтоб он не заметил слежки; конечно же, он заметил и на следующий день явился к ним на теоретическое занятие, маленький вредный хорек, как назвал его про себя Гордеев, и в обидных выражениях поведал, где и как они прокололись. В то время у Гордеева был приятель по фамилии Шипик. Он сказал Гордееву после обеда: да ну их в задницу эти занятия, пошли лучше в кино. И они пошли в кино. Шипик весь сеанс ржал как лошадь, заставляя сидевших впереди оборачиваться. Но никто ничего не сказал Шипику, потому что он был крупный парень. Затем они направились в кабак. Шипик выпил пару кружек пива и стал задирать парочку за соседним столиком. Парочка не знала, как поступить. Мужчина бубнил: отстаньте от нас, чего вы пристали, отстаньте, пожалуйста, ну что вы делаете, вы ведь унижаете меня... Его спутница краснела и барабанила пальцами по столу. Гордеев сидел рядом с Шипиком, тупо разглядывая лужицу пролитого пива на столешнице; у него болела голова. Шипик обнимал Гордеева за плечи и ржал.

— Эй, братан, — говорил Шипик, повернувшись к соседнему столику, — сейчас мы с моим другом набьем тебе морду. Почему? Потому что нам твоя рожа не нравится, вот почему. А ты че смотришь, козочка? Давай лучше к нам, мы с моим другом покажем тебе, какие бывают настоящие мужики, ишь, отвернулась, фифочка, сейчас я твоему кавалеру начищу рыло, если не сядешь сюда, смотри, я даже стул тебе

приготовил; ну же, садись быстрее, я же вижу, что ты хочешь, вон как глазки заблестели, можешь прямо мне на колени садиться, я тебе покажу своего дружка, га-га-га, тебе понравится мой дружок, он любит ласковые женские губки; а может, ты хочешь прокатиться на мохнатом мотороллере? Я тебе устрою прогулку за небольшую плату, га-га-га, тебя ждут незабываемые ощущения, совсем недорого, га-га-га.

Хватит ржать, тихо попросил Гордеев. Шипик удивленно посмотрел на него; он подумал, что услышался, и переспросил: че? Гордеев ударил его кулаком, чтоб в следующий раз Шипик не думал, что услышался. Шипик, не ожидавший такого подвоха, с грохотом повалился на пол. Лицо у него сделалось обиженное. Гордеев поднялся и вышел из темноты прохладного бара. День был жаркий. Волны горячего воздуха растекались над тротуаром. Гордеев остановился в тени, чтоб унять головную боль, и закрыл глаза; он услышал голос мужчины, которого задирали Шипик, и торопливое цоканье каблучков по асфальту. Открыл глаза: мужчина уходил, гордо подняв голову, а девушка пыталась его догнать.

— Илюша! — отчаянно звала она. — Ну, подожди же!

— Нам не о чем с тобой говорить, — сухо ответил Илюша, но остановился.

Запыхавшаяся девушка догнала его и схватила за руку. Илюша развернулся и вlepил ей пощечину. Девушка схватилась за щеку.

— За что, Илюша? — прошептала она.

— За то, что не поддержала меня, когда этот хам кидался в нас оскорблениями, — звонко ответил Илюша.

— Что? — Девушка помотала головой. — Что? Что ты такое...

— Если б ты поддержала меня, я бы ему врезал! — сказал Илюша. — Неужели ты не понимаешь, как важна для мужчины поддержка его женщины? Но ты улыбалась и вела себя, как шлюха!

— Илюша, я бы никогда... — пыталась оправдаться девушка.

Илюша был непреклонен:

— Пошла к черту.

Он сам ушел, оставив девушку рыдать посреди улицы; она побежала в парк, в тень шумящих кленов, сморкаясь в платок. Ну вот, подумал Гордеев, пытаюсь сочувствовать горю девушки, но сочувствовать у него не получалось, и он снова закрыл глаза, а когда открыл их, обнаружил, что находится в салоне служебной машины, которая несется через вечерний город. Перед глазами маячил потный затылок Кошевого. Гордеев понял, что все-таки уснул. Спал он минуту или две, но и это немало. Проклятье, подумал Гордеев; впрочем, подумал он без волнения, просто чтоб хоть что-нибудь подумать. Он заворочался на заднем сиденье; ему было неудобно, мышцы ныли. Кошевой поглядывал на него в зеркальце. Он испуган, подумал Гордеев, но такое чувство, что боится он не меня. Они катили по Ворошиловскому проспекту в направлении Большой Садовой, но, не доехав, свернули налево. Фонари горели через один, дома стояли покинутые, на пустых витринах лежал толстый слой пыли. Удивительно, подумал Гордеев, ведь мы в центре города: рядом центральный городской

парк, публичная библиотека, кинотеатр; всюду кипит жизнь, кроме этой грязной улицы, которая выглядит так, словно город вчера бомбили. Кошевой остановил машину возле ржавых ворот и вышел. Гордеев внимательно следил за его передвижениями, опустив стекло. Кошевой долго возился с висячим замком; у него не получалось вставить ключ в замочную скважину, руки тряслись. Наконец замок щелкнул. Кошевой распахнул дребезжащие ворота и, не торопясь, подошел к машине. Гордеев ждал, что он бросится наутек, и приготовился стрелять на поражение, но Кошевой не бросился. Они медленно въехали в захламленный внутренний двор. Несмотря на потепление, кое-где здесь сохранились островки белого снега в бурых крапинках грязи. Слева находилось низкое кирпичное здание без окон, казавшееся заброшенным, справа возвышался трехэтажный дом с закопченными стенами. Забор из сетки «рабица» упирался в фасад дома рядом с парадным входом, который напоминал распахнутый рот доисторического чудовища; с другой стороны к забору приткнулся ржавый контейнер, до отказа забитый мусором; часть мусора вывалилась, образовав вокруг контейнера присыпанное снегом кольцо из пустых бутылок, скомканной бумаги и картофельных очистков. Возле низкого кирпичного здания никакого ограждения не было. Там начиналась узкая улочка (или, скорее, проход между стенами), которая вела к центральному проспекту.

— Приехали, — глухо произнес Кошевой, убирая руки с руля.

— Хорошо, — сказал Гордеев.

Глава пятая

Танич не знал, как ему поступить. Сначала он хотел покончить с собой, но передумал. Мысль о самоубийстве пришла к нему во время ужина в маленькой столовой, находившейся на окраине города. Доедая салат из крабовых палочек, Танич подумал: видимо, придется покончить с собой. Однако, допивая компот из сухофруктов, Танич уже сомневался, что это хорошее решение. Сунув руки в карманы, он вышел из столовой, обходя лужи и грязь, и увидел, как рабочие в оранжевых жилетах курят на другой стороне улицы; верно, неподалеку случилась какая-то авария, и они решили хорошенько покурить, прежде чем вплотную заняться устранением нежелательных последствий. Один из рабочих купил в ларьке пиво и стал пить; другой рабочий тоже купил пиво, а к пиву взял пирожок с ливером, чтоб не только пить, но и есть. Танич решил, что рабочим предстоит много работы, поэтому они решили хорошенько подкрепиться. Усатый рабочий, украдкой подмигнул товарищам и выудил из-за пазухи бутылку с прозрачной жидкостью; раздались довольные возгласы, и в руках как по волшебству замелькали пластиковые стаканчики. Выпили раз, другой, третий. Молодому рабочему с вытянутым как у лошади лицом не хватило водки в четвертый раз, и он громко возмутился несправедливостью наливающего человека. Кажется, он задел чьи-то чувства своим неосторожным высказыванием, и его ударили по лицу. Он упал спиной в грязь, вызвав дружный смех товарищей. Танич молча наблюдал за поведением рабочего класса. Дребезжа, подъехал

пустой троллейбус. Танич нырнул в распахнувшиеся двери. Печка под сиденьем согрела ему ноги, и Танич уснул в тепле. Ему приснилось, что он переходит дорогу, спотыкается и падает в пропасть, из стен которой торчат скользкие щупальца. Падая, Танич не испытывал ни страха, ни других чувств. Проснувшись, он вышел на ближайшей остановке и понял, что троллейбус привез его домой. Здесь когда-то жила его тетя; здесь он сам жил последние несколько месяцев. Оно и к лучшему, подумал Танич. Дома меня встретят полицейские с наручниками. Меня арестуют и посадят в тюрьму; затем либо дадут пожизненный срок, либо расстреляют, и таким образом я сполна искуплю накопившиеся грехи. Размышляя об искуплении грехов, Танич поднимался по лестнице. Дверь была заперта. Полицейские ожидают меня внутри, напомнил себе Танич. Он повернул ключ в замке. В квартире пованивало. В прихожей лежал Мишенька, сильно распухший, как показалось Таничу. Он лежал там же, где Танич его оставил. Танич снял куртку и разулся, чтоб не пачкать пол. Ради любопытства он заглянул в гостиную. Торт никуда не делся; Танич подумал, не забрать ли его, но решил, что не стоит. Проверять, на кухне ли Зина, Танич не стал. В задумчивости он прошелся по всем комнатам и замер над Мишенькой. Бледное Мишино лицо выглядело глупым. А ведь при жизни был умным человеком, подумал Танич с удивлением. Он присел на корточки, разглядывая стершиеся черты мертвого человека; когда-то этот человек не спал ночами, выдумывая счастье для всех людей, но теперь он умер, и никто не выдумает за него счастье; люди так и будут жить

без счастья, в череде одинаковых скучных дней. Танич попробовал выдумать счастье за Мишу, но у него не получилось придумать ничего путного; видимо, для выдумывания счастья нужны особенные люди. Танич разволновался: быть может, он зря убил Мишу, может, своим поступком он обрек людей, жаждущих счастья, на вечные страдания и могильный холод одиночества. С другой стороны, размышлял Танич, этот человек бил свою невесту и изнасиловал девочку, которая могла стать ему дочерью; что же это получается: для всего человечества он выдумывает счастье, а для близких готовит боль и отчаянье; может ли так статься, что все, кто выдумывает счастье для населения, сами истязают родных? Танич не знал ответа на этот вопрос, потому что не отличался умом. Забывшись, он спросил у Миши, что тот думает по этому поводу, но Миша ему не ответил, потому что у него было перерезано горло. Танич погрузился в размышления. Он решил поискать ответы на свои вопросы в Интернете; коллективный разум людей, обитающих в Сети, наверняка что-нибудь придумал за годы существования всемирной паутины. Он включил компьютер и стал искать. Через пятнадцать минут он обнаружил, что вместо того, чтоб искать, играет по Сети в домино. Танич вышел из игры и продолжил поиски, но через десять минут осознал, что вместо того, чтоб искать, раскладывает пасьянс «Косынка». Танич подумал, что Интернет как-то странно влияет на его поступки; пока другие люди не покладая рук работают во всемирной паутине, совместно ищут ответы на философские вопросы и придумывают общемировое счастье, он тратит время впустую. Он вспомнил

о ларьке «ПИВОВОДЫ», в котором хранились части мертвых детских тел, и погуглил его, но по запросу ничего подходящего не нашлось. Тогда он погуглил выражение «Загадочная белая “газель”» и сначала тоже ничего не нашел, но продолжал лениво перелистывать страницы с результатами поиска. На форуме городских баек он отыскал странную историю об опустевшей улочке в центре города; вернее, об одном квартале этой улочки, который находился между Большой Садовой и Пушкинской. Все магазины в этом квартале закрылись буквально за пару месяцев, а люди, которые там жили, куда-то уехали. Автор рассказа ударился в мистику: над ним откровенно смеялись. Человек, назвавшийся Shchegloff, оставил комментарий: «Очередная быдлоистория для идиотов! Ну сколько можно!» Некто, представившийся как BallsCracker, посетил этот квартал сегодня днем и сделал несколько удачных снимков; большинство домов и впрямь опустели, магазины были заброшены, витрины разбиты. BallsCracker объяснил странный факт снижением цены на нефть и кризисом, который заставляет людей покидать насиженные места. Закончил он загадочным намеком: то ли еще будет. Shchegloff написал ему: «Ну вот опять власть виновата! Сколько можно!!» Обсуждение истории переросло в политическую дискуссию с матом и угрозами. Танич, однако, не стал вникать в дискуссию; его больше интересовала фотография, благодаря которой он и наткнулся на сайт. BallsCracker запечатлел на фотографии белую «газель», въезжающую на территорию заброшенного склада; справа виднелся кусок закопченной стены, слева — металлическая сетка. Танич долго

всматривался в смазанное изображение «газели», но так и не понял: та это машина или не та. Он взглянул на часы: без пяти девять. Городской транспорт еще ходит. Если Танич выйдет сейчас, то минут за сорок доберется до центра. Танич сомневался, стоит ли ехать. Не лучше ли выспаться, а завтра утром пойти в полицию с повинной. Он решил спросить у людей из Интернета, ехать ему или нет, и присоединился к дискуссии. Через две минуты ему ответил Shchegloff: «Еще один идиот! Езжай, конечно!! Как там без тебя!!!» Танич напечатал «Спасибо», выключил компьютер и пошел обуваться. По дороге он чуть не споткнулся о груды тетиных пластинок и подумал, что никогда не слушал ни одну из них и сейчас самое время. По крайней мере, можно насладиться музыкой, пока зашнуровываешь ботинки. Он долго выбирал запись, наконец остановился на Луи Армстронге, надеясь, что звуки музыки растрогают его. Включил электрофон в розетку и убедился, что музыкальный аппарат не работает. Пощелкал выключателем: бесполезно. Постоял немного возле неработающего электрофона, затем аккуратно положил пластинку рядом с ним на стол и вышел из комнаты.

Глава шестая

Надя бродила по коридорам общаги с котенком в руках. Котенок появился неизвестно откуда у дверей комнаты, и она искала его хозяина. Но хозяин не находился. Котенок сидел смирно. Наверно, боялся, что его выкинут на улицу. Перед Новым годом

общага опустела; многие уехали домой, а те, кто не уехал, готовились к грядущей сессии или пили водку. Надю несколько раз приглашали выпить, но она не хотела пить, и тогда ей советовали вышвырнуть котенка, потому что в общаге нельзя держать домашних животных. Надя вернулась с котенком к себе, налила ему в блюдечко молока, но котенок пить отказался; он лег на пол возле блюдечка, прижал уши к голове и закрыл глаза, чтоб не видеть незнакомого места, в которое его насильно притащили. Надя раньше никогда не курила, но сейчас ей захотелось немного покурить, чтоб успокоиться. Она выбрала в тарелке, которая служила пепельницей для гостей, окуроч побольше, повертела его в пальцах и, не найдя спичек, положила обратно. Открыла окно и входную дверь, чтоб проветрить душную комнату. Возле двери стояла соседка: она гладила рукой стену.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Надя.

— Не знаю, — сказала соседка.

— Зайдешь? — спросила Надя.

Соседка покачала головой:

— Нет, спасибо.

— Да ладно, — сказала Надя, — заходи, я не кушаюсь.

Соседка молчала.

— У меня вино есть, можем выпить, — отчаявшись, предложила Надя, но соседка странно на нее посмотрела и ушла, ведя растопыренными пальцами по шершавой стене.

Ну вот, подумала Надя. В комнате зазвонил мобильник. Надя поспешила ответить. Привет, сказал отец. Привет, сказала Надя. Как дела? — спросил

отец. Как обычно, помедлив, ответила Надя. Новый год будешь встречать в общежитии? — спросил отец. Да, сказала Надя, к экзаменам надо готовиться. Хорошо, сказал отец. Пап, спросила Надя, а тебе никогда не казалось, что ты один живешь, а остальные... ну... так. «Так»? — переспросил отец. Так, повторила Надя, существуют. Что за странные идеи? — спросил отец. Прости, поспешно извинилась Надя. Да ладно, сказал отец, не извиняйся, у меня тоже хватает странных идей. Например? — Надю разбирало любопытство. Тебе это будет неинтересно, засмеялся отец. Папа, не кокетничай, возмутилась Надя. Ладно, слушай, сказал отец: иногда мне кажется, что все люди на свете живут в разных потоках; они видят и понимают людей из своего потока, а люди из чужого потока для них бездушные куклы, существующие для числа. Иногда человек перебирается из одного потока в другой, и тогда те, кто был с ним раньше в одном потоке, начинают казаться ему призраками, которые обладают иллюзией жизни, и вся его предыдущая жизнь тоже кажется ему иллюзией. А бывает, что человек живет в своем потоке один, помолчав, добавил отец. Может, он был в этом потоке с самого начала, а может, попал в него под давлением обстоятельств; в любом случае жизнь для него — вереница одиноких лет, а люди из других потоков — ненавистное пустое место; никто не протянет ему руку, когда он станет тонуть, никто не подбодрит его, когда он поднимет голову и увидит над собой бесконечный космос.

— Господи, папа, — удивилась Надя, — ты что курил?

Отец смутился.

— Ты же знаешь, — сказал он, — раньше я мечтал стать поэтом.

— Но тебя не печатали, — заметила Надя.

— Спасибо, что напомнила, — огорчился отец.

— Прости. — Наде стало стыдно.

— Меня не печатали, — повторил отец медленно, словно пробовал эти слова на вкус, — и правильно делали, потому что не все мечты должны сбываться.

— Папа, — сказала Надя, — я тебя люблю.

— И я тебя, дорогая.

— Прости, если обидела.

— Ничего страшного, милая.

— Пока, папа.

— Пока, родная.

— Ой, погоди, забыла спросить: как там Юра?

— Его исключили из ветеринарного, — ответил отец сухо и повесил трубку.

В дверь робко постучали. Входите, откашлявшись, предложила Надя. В комнату неслышно проникла соседка, которая любила гладить стены. В руках она держала тарелку с сырной нарезкой.

— Все-таки я пришла, — сказала соседка, — и принесла сыр.

— Здорово, — сказала Надя. — Садись за стол, я достану вино.

— А что за вино? — спросила соседка.

— Есть и красное, и белое, — сказала Надя.

— Давай белое, — решила соседка.

Надя вынула из холодильника бутылку и поставила на стол. Штопор куда-то запропастился. Надя сказала: погоди, я сейчас, — и побежала искать штопор у соседей. В блоке Б она увидела приотворенную

дверь и, постучавшись, вошла; в темной комнате на подоконнике сидела девушка, одетая в лифчик и трусики. Она курила десятую сигарету подряд, потому что накануне ее бросил бойфренд, и она считала, что жизнь ее кончена.

— А, это ты, — сказала курильщица, увидев Надю.

— Тебе не холодно? — спросила Надя.

Курильщица не удостоила ее взглядом.

— Мы вино пьем, — неожиданно сказала Надя. — Хочешь с нами?

— Желанием не горю, — ответила курильщица.

Однако она спрыгнула с подоконника и стала одеваться. Надя терпеливо ждала ее у двери. В коридоре они встретили небритого парнишку, которого в общаге не любили, потому что он был навязчивый как муха и всюду лез со своими замечаниями. Парнишка стоял, прислонившись к стене, и слушал свое дыхание: ему больше нечем было заняться. Надя с курильщицей сначала прошли мимо, но Надя вдруг обернулась и сказала: привет. Парнишка посмотрел на нее мутными глазами как на что-то безумно далекое. Привет, сказал он. А мы вино идем пить, сказала Надя, хочешь с нами? Парнишка не ответил, потому что от волнения у него пересохло в горле. Нам штопор нужен, вспомнила Надя, у тебя нет штопора? Я сейчас, засуетился парнишка, у меня в комнате есть; я сейчас. Он убежал, и Надя крикнула ему вслед: комната шестьсот пятнадцать, не перепутай! Они вернулись в комнату. Девушка, которая любила гладить стены, успела открыть вино, протолкнув пробку вилкой внутрь бутылки. Котенок сидел у нее на коленях. Прибежал парнишка со штопором, а за ним, смущаясь,

вошел молодой человек с шампанским. Это мой сосед, объяснил парнишка со штопором. Молодой человек поднял шампанское над головой. Скоро Новый год, объяснил он, я угощаю, если вы не возражаете. А кто вы такой? — спросила Надя. Я молодой преподаватель, объяснил молодой человек. Нифигасебе, удивилась девушка, которая любила гладить стены, и что вы преподаете? Молодой преподаватель загадочно улыбнулся: пусть до поры до времени это останется тайной. Надя внимательно посмотрела на молодого преподавателя. А кроме сыра есть что-нибудь из закуски? — спросила курильщица. Есть виноград, вспомнила Надя и достала из холодильника полное блюдо крупного белого винограда. Красота, сказала курильщица. Живем, обрадовался парнишка со штопором, живем, ребята! Девушка, которая любила гладить стены, улыбнулась. Они расположились на полу вокруг низкого столика, смеясь и толкаясь. Куда наливать? — весело спросил парнишка со штопором. Надя вынула из шкафчика стаканы и кружки, — всё, что было. Они пили вино и шампанское, ели сыр и виноград и разговаривали обо всем, что только придет в голову, и им было тепло — даже, пожалуй, жарко, хотя отопление так и не включили. Девушка, которая любила гладить стены, знала много анекдотов. Курильщица рассказала, как прошлым летом ездила по стране автостопом и ночевала в заброшенной деревне, в старом доме с русской печкой, и слышала, как ночью снаружи кто-то ходит. Жуть какая, сказала Надя, прижимая к себе котенка. Парнишка со штопором по просьбе зрителей шевелил ушами. У молодого преподавателя была какая-то страшная

тайна, которую он отказался выдать даже после шестого стакана вина. Надя рассказала, как обедала с фотографом, который пристаёт к девушкам возле публички.

— Ну ты даешь, — курильщица покачала головой.

— Смелая! — завопил парнишка со штопором, и все засмеялись.

— Давайте выпьем за смелость, — предложила девушка, которая любила гладить стены.

Предложение пришлось кстати. Они выпили за смелость, потом за родителей и за «родителей наших детей», потом еще за что-то. Разошлись поздно, довольные собой и друг другом.

Курильщица поднялась рано, перед самым рассветом. Она погладила новый брючный костюм, который купила неделю назад на распродаже, чтоб поразить бойфренда своим великолепием, и переоделась в него; накрасила губы и подвела ресницы. Повертелась в костюме возле зеркала, щелкнула языком: ах, какая красотка. С люстрой пришлось повозиться. Наконец она сняла ее и аккуратно положила на стол, чтоб не разбилась, потому что люстра была дорогая и красивая. Сделала петлю точно так, как было показано на картинке в Интернете. Привязала веревку к крюку. Поставила под крюк табуретку. Долго выбирала расположение табуретки, чтоб табуретка оказалась точно под крюком. Забралась на табуретку; в это время мимо ее комнаты проходил второкурсник, который искал, чем бы похмелиться: он заглянул в открытую дверь и увидел, как девушка в брючном костюме стоит на табуретке с петлей на шее. Второкурсник бросился

в комнату и вытащил самоубийцу в коридор. Курильщица брыкалась и царапалась, а потом разревелась, потому что пока второкурсник вытаскивал ее, брючный костюм испачкался, а рукав порвался. Доктор, который позже лечил курильщицу, рассказал эту историю жене, присовокупив: сколько на свете дур, ты не представляешь. Жена кивнула: и не говори. Она вспомнила, как давно, лет двадцать назад, резала столовым ножом вены из-за несчастной любви и заляпала кровью новую плитку в ванной; папа сильно ругался и бросил стгоряча: жаль, что у тебя не получилось! Ей стало грустно, но потом она вспомнила, что скоро из школы вернется сын, и пошла на кухню варить гороховый суп.

Глава седьмая

Гордеев подошел к «газели», наклонился и провел указательным пальцем по бамперу. Кивнул: именно в этом автомобиле с крытым кузовом Молния и перевозил своих жертв. Удобная штука; вы согласны со мной, Кошевой? Кошевой не отвечал. Он медленно шагал вдоль стены, обходя мусор, скопившийся на полу. Это место напоминает пресловутый склад речного вокзала, заметил Гордеев, вам так не кажется? Кошевой молчал. В темноте его куртка, казалось, светилась. Гордеев следовал за белым пятном светящейся куртки. Под крышей шуршал обрывками целлофана ветер. Рядом капала вода: кап-кап. И снова: кап-кап. В ушах шумело. Только бы не уснуть, подумал Гордеев. Он споткнулся об арматуру и схватился за холодную стену левой

рукой, правой продолжая крепко держать пистолет. Кошевой остановился. Чуть не упал, признался Гордеев. Кошевой снова двинулся вперед. Гордеев следовал за ним, стараясь смотреть под ноги. Вы знаете, Кошевой, сказал он, я был бы рад, если бы оказалось, что Молния не вы. Понимаете, мне понравилось, как вы сочувствуете людям, которые сломлены горем. Я завидовал вашему умению; я-то давно разучился сочувствовать. Молчите? Великолепно. Честно говоря, я надеюсь, что вы не убийца. Я вам почти верю. Думаете, я вру? Ни черта подобного. В глубине души я надеялся, что вы станете мне другом... другом, — задумчиво повторил он. — Другом-другом-другом. Боже, что я несу? — Гордеев засмеялся. — Это из-за недостатка алкоголя в крови. Не слушайте меня, Кошевой; этот тоскливый город сожрал меня с потрохами.

Белое пятно сдвинулось вправо. Гордеев моргнул. Кошевой поводит в темноте фонариком: пятно света заметалось, выхватывая из темноты мусорные горы, которые чередовались с бетонными равнинами. Затем луч уперся в металлическую дверь. Кошевой подергал ручку, но дверь не открылась. Тогда он достал из кармана ключ на веревочке и вставил в замочную скважину. Вот бы увидеть его лицо, подумал Гордеев; черт знает, что со мной творится, но если я увижу его лицо, то дело пойдет на лад. Мысль увидеть лицо Кошевого не покидала его. Гордеев сдвинулся вправо, но Кошевой повернулся так, что Гордеев видел только его спину. Он мои мысли, что ли, читает? — с раздражением подумал Гордеев. Кошевой повернул ключ в замке: дверь открылась. Они вошли в пустой коридор: краска на

стенах облупилась, потолок прогнул, видны были чердачные перекрытия. Кошевой направил луч в темноту, и Гордеев увидел в конце коридора еще три двери. Здесь холодно, сказал Гордеев, вам так не кажется, Кошевой? Кошевой промолчал, но Гордееву показалось, что он услышал какой-то странный звук, вроде смешка. А может, и не смешок; может, это крысы, подумал Гордеев.

Они вошли в левую дверь, за которой оказалась комната. Под ногами хрустело стекло, потеки на стенах блестели, когда на них попадал свет; они миновали еще одну дверь, потом другую, третью. Гордеев мечтал лечь и уснуть. Он опустил пистолет, покорно следуя за Кошевым. Он не понимал, что тут делает. Ему казалось, что человек, за которым он идет, ведет его к месту ночевки. Где-то здесь должна быть комната с кроватью, подумал он, мне хватит обычной раскладушки, мне не нужен комфорт, всем людям нужен комфорт, а мне нет, мне уже ничего не нужно, только немного сна, черт возьми, если понадобится, я усну прямо на полу, но почему здесь так холодно? Он снова услышал смешок. Проклятые крысы, подумал он, такое чувство, что они следуют за мной, ползут в сыром пространстве между стенами, чтобы внезапно напасть со спины. Здесь наверняка обитают полчища крыс, у них смешные крохотные лапки, они скребут ими по кирпичу, желая свести меня с ума; господи, как же мне хочется спать.

Они миновали еще одну дверь, за ней была лестница, которая вела вниз, в темноту. Гордеев потрогал стену: ледяная. Какое-то время он мог ясно соображать.

— Вы хотите сказать, Кошевой, что человек, к которому мы идем, находится внизу? — спросил он.

Кошевой не ответил. Гордеев потоптался на первой ступеньке и поставил ногу на следующую. Ступеньки чертовски скользкие, подумал он, надо быть аккуратнее, чтоб не свалиться. На этой проклятой лестнице можно запросто свернуть шею. Он преодолел еще с десяток ступенек и остановился передохнуть. Свет фонарика мигнул внизу и пропал. Гордеев очутился в кромешной темноте. Он замер, прислушиваясь: тишина. «Здесь так холодно, что больно дышать, — подумал он. — Чего я жду? Надо развернуться и уйти. Вернусь тем же путем, что и пришел». Теперь ему казалось, что он пришел в это чужое место один; он что-то ищет здесь, что-то важное, но что, черт возьми, и зачем? Ему ничего не нужно, он всё видел и всё понимает. Держась за стену, он сделал шаг вниз. Потом еще один. Звуки глохли в узком пространстве, морозный пар оседал на стенах. Макушка уперлась в низкий потолок. Гордеев наклонил голову и пробормотал: я пес, сонный пес, мертвый пес. Он провел рукой по голове: волосы были влажные и холодные. Он опустил ногу на ступеньку и поскользнулся. Долю секунды ему казалось, что он сумеет удержать равновесие, но — не сумел. Проехав на заднице несколько ступенек вниз, он наконец затормозил. Попытался встать; правая нога заскользила, и он замер, схватившись рукой за выступ в стене. Спокойствие, подумал он. Мне нужна еще одна свободная рука. Иначе я не поднимусь. Я положу пистолет на ступеньку, осторожно встану, затем наклонюсь и подниму пистолет. Я проделаю это за несколько

секунд, ничего страшного за это время не случится. Ему не пришло в голову, что пистолет можно сунуть в кобуру; какая-то часть его мозга считала, что это сон и вскоре он проснется: происходящее просто не могло быть реальностью. Он положил пистолет на ступеньку и, хватаясь руками за стены, попытался подняться. Вставая, он задел ботинком пистолет. Пистолет, ударяясь о ступени, полетел в пустоту. Раздался всплеск, и наступила тишина. Гордеев подумал, что должен бы испугаться, но страха не было. Наоборот, он почувствовал прилив сил. Мысли двигались в голове упорядоченно, как марширующие солдаты. Гордеев понимал, что где-то внизу притаился Кошевой, и медленно, но уверенно пошел вниз. И все-таки, Кошевой, я больше вас люблю детективы, сказал он. Судите сами: я мог бы явиться к вам днем в сопровождении моих людей, мог взять вас совершенно без проблем; однако я сам усложнил себе жизнь. Мой отец сказал правду: я играю в детектива. Играю, потому что иначе скучно. «А что насчет меня?» — спросите вы. А ничего. Вы банальный психопат. Может, у вас раздвоение личности, не знаю. Или вы придумали себе это раздвоение, потому что вам тоже скучно. Молчите? Прекрасно. Знаете, как я проник в вашу квартиру? Я на время позаимствовал у вас ключ, сделал слепок и заказал дубликат. Представляете, сколько лишних проблем я себе создал? Вместо того чтоб сразу арестовать вас, я весь вечер прождал в машине возле вашего дома, как в каком-нибудь паршивом триллере; вместо того чтоб сдать вас полиции, я поверил вам и поехал сюда; вместо того чтоб пристрелить вас, когда стало ясно, что кроме нас на

этом складе никого нет, я заставил себя думать, что вы невиновны; господи, я даже уронил пистолет. Как вам такой подарок, Кошевой?

Он остановился, чтоб отдышаться.

Вы, наверно, думаете, что я псих, сказал он. Может, и так. Но вы не представляете себе, как мне скучно. Жизнь настолько банальна, что иногда мне становится страшно. Вы думаете, я преувеличиваю? Ваше счастье, если вы так думаете.

Правая нога по щиколотку погрузилась в холодную воду. Гордеев отступил на шаг, наклонился и нащупал пистолет; поднял его и сунул в кобуру. Честно говоря, я ожидал, что вы его подберете, сказал он. Неужели вы настолько уверены в себе? Или у вас здесь припрятано свое оружие? Было бы забавно.

Гордеев толкнул незапертую дверь, перешагнул порог и увидел вдалеке мерцающий огонек. Он пошел к нему, удивляясь банальности Молнии. Он шел долго. Огонек не удалялся и не приближался; он просто мигал всё время на расстоянии как отблеск чего-то несуществующего. Гордеев остановился, не понимая, что происходит. Паники не было. Может, так и надо, подумал он и вспомнил одну из немногих прогулок с отцом. Дело было зимой, лет двадцать назад. Они купили хлеб в маленькой булочной. Отец молча расплатился и протянул буханку сыну. Гордеев взял хлеб, не произнеся ни слова. Они вышли на середину моста. Внизу в стылой воде плавали утки. Гордеев подумал, что они плавают хаотично, как молекулы при броуновском движении. Он отщипнул мякиша и швырнул с моста; хаос немедленно обратился в порядок. Смотри, папа, сказал он, смеясь, эти утки движутся

поступательно. Ему показалось, что это хорошая шутка. Отец украдкой посмотрел на часы. Он думал, что Гордеев не заметит, как он глядит на часы, но Гордеев заметил. Мальчик отщипнул еще немного хлеба, покрошил в пальцах и разжал ладонь. Крошки сдуло ветром. Утки накиннулись на угощение.

— Нравится кормить уток? — спросил отец.

— Нравится, — ответил Гордеев.

— Великолепно, — сказал отец.

Он снова посмотрел на часы.

— Надо идти? — спросил Гордеев.

— Да, сынок, — вздохнул отец. — Много работы. Ты же не обидишься, верно?

Гордеев молча кормил уток; ему нравилось создавать из хаоса порядок. Я возьму такси, сказал отец. Ты сам домой доберешься? Гордеев кивнул: доберусь. Отец неуклюже потрепал его по волосам: умница. Ты у меня совсем взрослый. Помявшись, он протянул сыну картонную коробку, перевязанную розовой лентой: передай матери, хорошо? Это подарок ей на день рождения; конечно, я немного опоздал, но лучше поздно, чем никогда, верно? Верно, сказал Гордеев. Он прижал коробку к груди. Отлично, сказал отец. Он подержал сына за плечо и отправился ловить такси. Гордеев доедал хлеб, глядя, как отец садится в «Волгу» с шашечками на грязном белом боку. Когда отец уехал, он пошел домой. Дома мать смотрела телевизор.

— Как всё прошло? — спросила она.

— Папа уехал на работу, — сказал Гордеев.

Мать фыркнула:

— Как это типично.

— Вот. — Гордеев протянул ей коробку. — Это тебе.

Мать уставилась на коробку:

— Что это?

— Папин подарок тебе на день рождения, — сказал Гордеев.

Мать взяла коробку, повертела в руках, хмыкнула и сняла крышку. Внутри находился чайный сервиз. Боже, сказала мать, он просто схватил первое, что попало на глаза. Она посмотрела на сына: ты понимаешь? Я понимаю, кивнул Гордеев. Он подлец, сказала мать. Надеюсь, что ты не станешь таким же, когда вырастешь. Не стану, пообещал Гордеев. Мать ушла на кухню. Послышались грохот и звон. Гордеев молча смотрел телевизор. Мать зашуршала одеждой в прихожей.

— Я скоро вернусь! — крикнула она. — Если голоден, разогрей курицу с макаронами, еда на плите.

Раздался стук закрываемой двери. Гордеев поднялся и пошел на кухню. Осколки сервиза лежали на дне мусорного ведра. Гордеев поворошил их рукой. Он порезал палец, и на фарфор капнула кровь. Он не обратил на это внимания. Одна чашка уцелела. Он поднял ее: кусочек откололся, на ручке трещинка, но пить можно. Гордеев налил в чашку воды для пробы. Выпил. Великолепно, произнес он вслух. Отнес чашку в свою комнату и спрятал в секрете за книгами Джеймса Хедли Чейза, Рэймонда Чандлера и Микки Спиллейна, которыми зачитывался в свободное время. Он знал, что мать иногда роется в его вещах, и не надеялся, что чашка продержится в целости хотя бы неделю. Но она продержалась двадцать лет.

Гордеев остановился, потому что не было смысла идти; он не приближался к далекому огоньку.

— Кошевой, — тихо позвал он, — вы здесь?

Кошевой не отвечал.

— Зверски холодно тут, — пробормотал Гордеев. — Боюсь, надолго меня не хватит.

Он вынул чашку и провел по фарфору кончиками пальцев.

— Это сон, — сказал он. — Чертовски неприятный сон.

Чашка раскололась у него в руках; осколки поранили ладони, и он почувствовал, как кровь струится по коже. На серебряной цепочке осталась висеть ручка. Он не знал, что еще можно сделать, поэтому наклонился и стал собирать осколки. Осколки, попавшие в жидкую грязь, постоянно выскальзывали у него из рук, но он старался их собрать все до единого.

Глава восьмая

Опустевший квартал в центре города не вызвал в Таниче особенных чувств. Родившись в захолустье, он навидался и брошенных домов, и разбитых витрин, и мертвых животных. Он остановился возле магазина игрушек. Пустые полки казались ребрами доисторической твари, потолок пожелтел от времени. Пыль накрыла предметы серым пледом, как будто сюда уже сто лет никто не заглядывал. Танич переступил порог и заглянул под прилавок: вдруг осталась какая-нибудь игрушка, которую можно забрать на память. Но никаких игрушек не было.

Возле запертой двери, ведущей в подсобное помещение, он обнаружил дохлую ворону и несколько смятых окурков, которые кто-то тушил о мертвую птицу: наверно, для развлечения. На стене было написано слово «почему». Танич вышел из магазина. Оглядевшись, он решил обследовать соседний многоквартирный дом. Двери в подъезд были закрыты все, кроме последней, которая была чуть-чуть приоткрыта, и оттуда пахло по-особенному, как пахнут все покинутые дома. По заваленной мусором лестнице Танич поднялся на шестой этаж. Лестничные площадки этого дома выглядели гнусно, но Танич понимал, что они были такими и тогда, когда здесь жили люди. Стены покрывали глубокие царапины, штукатурка с потолков осыпалась, этажные щитки были взломаны и выпотрошены, электрические счетчики и автоматические выключатели пропали, а кое-где этажные щитки исчезли полностью, со всем внутренним содержимым, и наружу торчал голый кирпич. Неизвестные снимали батареи отопления, забрали трубы, а что не смогли или не успели забрать, чтоб продать по сходной цене, то крушили тяжелым сапогом, и на стенах опустевших квартир писали матерные слова и выражения. В распахнутых дверях гулял ветер, вырванные с мясом оконные рамы лежали на разбитом паркете, по углам располагались батареи запыленных бутылок. Комнаты были завалены досками, штукатуркой, разломанной мебелью, старыми газетами, журналами и книгами. В одной из книг Танич обнаружил старую, советских времен почтовую карточку. «Здравствуйте, мои родные! — было написано в карточке. — Крепко вас целуем, поздравляем

с 1 мая, желаем радости, счастья, здоровья и всем долгих лет жизни, Галочку особенно. У нас изменений нет, Коля пишет, но почему-то реже, объясняет однообразием жизни. Я работаю как лошадь, мама мучается желудком, осталось от нее половина. Таня кончает 8 класс, переводить надо в другую школу на два года. Поет. Есть тройки. Большая, а я старая. Что будет дальше? Как мама, сестра? Пиши, Люда. Лера». Танич прочел и положил карточку обратно между страниц забытой, ненужной книги и отправился дальше. Почти в каждой комнате он находил кучу засохшего дерьма, как явный признак органической жизни, которая всё еще навевается в эти мертвые кирпичные места. В ванной из-под осколков разбитого кафеля Танич вытащил розового пупсика с глазом, проткнутым гвоздем; кто-то проткнул глаз, а вынуть гвоздь забыл или не захотел, потому что у него были другие, более важные дела, и Таничу пришлось вынимать гвоздь самому. С дыркой вместо глаза пупсик казался грустным, и Танич подул на него, чтоб игрушка ощутила человеческое тепло как когда-то, когда с ней играла неведомая Таничу маленькая девочка. Затем Танич положил игрушку обратно, для памяти, и, не желая здесь больше оставаться, быстро спустился вниз: ему не хотелось задерживаться в запечатанных пространствах кирпичных гробов. На свежем воздухе он вздохнул с облегчением. Покрутив головой, он увидел на другой стороне улицы тот самый забор из сетки «рабица» с фотографии; справа располагался сгоревший дом. Ворота, к счастью, были открыты. Во дворе стояла машина, и Танич насторожился; похоже, он здесь не один. Танич

обошел машину, озираясь, чтоб не пропустить удар по голове; потом заглянул внутрь: салон был пуст. Ему послышались какие-то голоса из низкого здания слева. Он на цыпочках подошел к распахнутой двери, заглянул внутрь и остолбенел. На бетонном полу среди холмов мусора стояла «газель». Та самая, с цельнометаллическим кузовом. Приглядевшись, Танич различил следы шин в засохшей грязи. Возле «газели» уютно разместился маленький раскладной столик с угощением: это поразило Танича более всего. В глубине души он не ожидал, что найдет на складе хотя бы что-нибудь. Даже машина, стоявшая во дворе, не смогла поколебать его уверенности, что он зря сюда приехал. Однако с фактами не поспоришь: перед ним «газель» убийцы. Водительская дверца приоткрыта. На сиденье ящик водки. Господи, подумал Танич, с ума сойти.

За столом на раскладных стульях сидели двое: высокий субъект в белом пальто и плотный мужик в куртке, вывернутой наизнанку. Тип в пальто то ли спал, то ли умер. Брюки его были заляпаны грязью, на руках засохла кровь, голова поникла. Мужик в куртке улыбался, и были видны его гнилые зубы. Похожие на проволочки волосы торчали из лысеющей головы, розовое лицо было гладко выбрито. Водку он пил прямо из бутылки.

— Привет! — Он помахал Таничу рукой.

Танич обернулся: может, он здоровается с кем-то еще? Сзади никого не было. Мужик похлопал ладонью по спинке свободного стула: иди сюда, садись!

Танич не сразу сдвинулся с места. На складе было темно, но он отчетливо видел и столик, и тех, кто за ним сидит. Что будет, если он подойдет? Он чувствовал,

что ничего хорошего. Но ирреальность происходящего притупила страх. Нетвердой походкой он приблизился к столику. Огляделся. Субъект в пальто спал. Его голова покачивалась, руки слабо подергивались во сне. Он как будто балансирует на краю обрыва, подумал Танич и сел. Мужик в куртке приветливо улыбнулся и протянул бутылку: на, согрейся.

— Спасибо, не стоит, — сказал Танич.

— Почему не стоит? Стоит! После выпивки разговор пойдет легче, а людям надо общаться, верно? Особенно русским людям. Иначе как узнаешь, что у ближнего на уме. Да не робей, дружище. Пей. Стесняешься пить? Не стесняйся: у меня этого добра навалом! В кузове два полных ящика. Я специально их храню для подобных случаев.

Танич взял бутылку. Сделал глоток. Водка обожгла горло. Мужик подмигнул: честно говоря, я боялся, что ты не придешь. Или придешь, но не вовремя. Ты удивлен? Брось. Нечему тут удивляться. Ты меня знаешь. Можно сказать, мы старые друзья. Мы пересекались на форуме серийных убийц и еще кое-где. Ты поливал дерьмом Молнию, помнишь? Называл себя «объективным критиком». Ох, как мы над тобой потешались. А я тебя забанил. Я модератор. Ну, не дуйся, я не со зла. Работа такая. Кстати, я не поленился проверить, что тебя интересовало на том форуме. Ты заглянул только в две темы: в тему о Молнии и в тему о Солнечном Зайце. Я сразу догадался, что ты и есть Солнечный Заяц. Обидно, когда тебя забывают, верно? Твоя тема заброшена, а тут появляется выскочка, доморощенный серийный убийца, которым восхищается всякое быдло, не имеющее ни ума, ни вкуса; немудрено, что ты на

него взъелся. Ладно, ладно: на МЕНЯ взъелся. Да не хмурься ты, дружище. — Молния засмеялся. — Давай еще по водочке. Водка развязывает язык, делает людей ближе. Священный напиток. О, не отдавай мне бутылку. Не надо. Я открою для себя новую. Будем пить из горла, как настоящие русские мужики.

Он ловко раскупорил бутылку. Они стукнулись, и стекло звякнуло в погребальной тишине заброшенного склада. Хорошо тут, мечтательно произнес Молния, тихо, никто не лезет в твою жизнь с нравочениями. Сыро, правда, но кое с какими неудобствами приходится мириться. Знаешь, раньше я жил в таком ужасном месте, что по сравнению с ним эта дыра — настоящий рай. Seriously, я не преувеличиваю. — Молния приложился к бутылке, крикнул. — А вообще я хочу домик в деревне. Представь: двор утопает в зелени, солнце жарит, в клетках дрыхнут кролики. А ты лежишь в гамаке и потягиваешь квас. Стрекозы летают, сверчки стрекочут... или что они там делают. Пчелы жужжат. Солнышко греет. Травка зеленеет, хе-хе. А воздух, боже мой, какой воздух. Сладкий, как малиновое варенье. Речка неподалеку, чтоб с утра в нее с обрыва — бултых, и весь день хорошее настроение. Вот такая у меня мечта. — Молния высморкался себе под ноги. — А у тебя есть мечта?

— Есть, — поразмыслив, ответил Танич.

— За мечту! — провозгласил Молния.

Они снова стукнулись.

— Потом мы с тобой пересеклись возле ларька «ПИВОВОДЫ», — почесав голову, продолжал Молния. — Прости уж: пришлось стукнуть тебя по башке. Видит бог, я помягче хотел ударить, чтоб

не повредить тебя ненароком, но сила в руках — ого-го! Русская силушка! — Он захохотал. — Дурная сила, ничего не скажешь. Вообще место то не хорошее. Постоянно кто-нибудь сует нос на свою голову. Одного бомжа пришлось завалить, представляешь? Гордиться тут нечем, конечно. Да что ж мы без закуски! — спохватился Молния. — У меня сардельки есть. Сам варил. Хорошие сардельки, чесслово. Будешь? Давай, не стесняйся, с сардельками водка куда лучше пойдет. Только без фанатизма: не превращай закуску в еду.

Он протянул Таничу прозрачный пакет с жирными сардельками и пластиковую вилку. Танич раскрыл пакет и подцепил вилкой сардельку. Он жевал сардельку, не чувствуя вкуса, как обезличенную резину. Молния печально глядел вдаль.

— Тяжело нам, простым людям, живется, — тихо произнес Молния, — всюду глухая стена непонимания. А мы ведь как лучше хотим, верно? — В его глазах набухли слезы, и он шмыгнул носом. — Мы, конечно, иногда ошибаемся, но делаем это от большой любви, да? Любовь не так просто выразить. Не знаем мы, как ее выразить, не научены, вот в чем закавыка. Но мы хотя бы пытаемся. В отличие от всякой мрази. Ох, сколько мрази на свете. Страшно подумать. Да что тут говорить: давай лучше споем. — Он прочистил горло и запел «Ой, цветет калина в поле у ручья».

Танич чуть не подавился сарделькой. Это сон, подумал он, такого не бывает. Он тайком ущипнул себя за руку, надеясь проснуться, но пробуждения не наступило. Молния прекратил петь. У него глаза светятся в темноте, подумал Танич, боже мой,

у этой твари светятся глаза. Он сделал глоток из бутылки, чтоб немного успокоиться. Его трясло. Молния протянул ему пару кусков ржаного хлеба. Танич кивнул: спасибо, — и положил сардельку на хлеб. Мякиш намок от жира.

— Ну, продолжим, — сказал Молния. — Кроме того, я BallsCracker с форума городских сплетен. Я немного пофоткал здешние места. В том числе мою «газель». Ты знаешь, я люблю фоткать. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» и всё такое. В душе мы все люди искусства, верно, дружище? — Он подмигнул Таничу. — Затем я выложил фотки на форум. Надеюсь, что ты увидишь их, поймешь мой намек и придешь. И вот ты здесь. — Он шутливо пихнул Танича кулаком в плечо. — Небось, не ожидал, что тебя водкой угостят?

— Не ожидал, — выдавил Танич.

Он украдкой посмотрел на спящего: тот еле заметно шевелил губами. Глазные яблоки быстро вращались под веками, на бледном лице лежали глубокие тени. Похоже, ему снится что-то страшное, подумал Танич.

Молния проследил за взглядом Танича:

— Ах, этот... Специальный человек, чтоб ты знал. Немного заигрался в детектива, но парень хороший. Надеюсь, он присоединится к нам. Или нет. Посмотрим.

— «Присоединится»? — переспросил Танич.

Лицо Молнии сделалось серьезным.

— Ну да. Я думал, это очевидно. Мы с тобой одинаковые, дружище. Мы должны объединить усилия, чтоб город почувствовал нашу любовь. Я бы даже сказал «прочувствовал». Конечно, объединяться

мы будем под моим брендом. Прости, но Солнечный Заяц вышел в тираж. Да и кому такие мастодонты, как ты, сейчас интересны. Одно убийство за полгода, а то и в год — тоже мне, удивил. Будущее за проектом «Молния». Быстрее, больше, лучше! Вдвоем, но под одним именем. Незачем распыляться. Вместе мы горы своротим. О Молнии заговорят за рубежом. Как тебе? За рубежом, дружище! Русский маньяк, известный на западе, — звучит! Качаешь головой? Зря. Маньяки-одиночки давно устарились. В больших городах еженедельно пропадают десятки людей; всем плевать. Но что, если пропадет сто? Тысяча? Что, если мы украсим расчлененными трупами главную елку страны? Люди в панике. Кто виноват? Виноват Молния! Один только Молния! Злой гений Молния! Гитлер по сравнению с Молнией — святой! Кто будет знать, что Молния — это два разных человека? То есть пока два человека; со временем нас станет больше, я уверен. Как тебе идея? Странно, что раньше никто не додумался. Не зря говорят, что всё гениальное просто.

— Я... — Танич запнулся. — Я не такой, как ты.

Молния посмотрел на него с удивлением.

— Что?

Танич повторил тверже:

— Я не такой.

Молния расхохотался:

— Ого, да у нас тут д'Артаньян завелся! Ну да, не такой. Убиваешь не только девочек, но и мальчиков. Совсем не такой.

— Я убиваю... — начал Танич и поправился: — Убивал детей, которых в будущем ждали мрак и смерть.

— Обалдеть: прям рыцарь на белом коне! — удивился Молния. — Можно взять у тебя автограф? — Он приблизил к Таничу свое румяное лицо, и Танич почувствовал вонь гниющих зубов. — Дружище, да где гарантия, что всех твоих детей в будущем ждал мрак; ты знаешь, сколько народу выбралось из задницы? Я имею в виду не всякую шваль, которая только думает, что выбралась, а действительно талантливых ребят. Не знаешь? А я знаю. Я читал про них в «Википедии». — Он победно взглянул на Танича.

Танича колотило.

— Я... — промямлил он. — Я...

— Что, неприятно правду выслушивать? — Глаза Молнии блеснули. — А ты как думал? Вообще я в тебе потихоньку разочаровываюсь. Seriously. Сам посуди: приперся сюда с ножом за пазухой; качаешь права; ни одного тоста до сих пор не произнес. Ни одного вшивого тоста — а ведь это древний русский обычай! А нож? Думал, я не замечу, что у тебя нож за пазухой? Зачем он тебе? — Он сделал глоток из бутылки, крикнул. — Ну ладно, думаю, мало ли для чего этому парню нож. Может, колбасу резать. Угощу его водкой, поговорю по душам. Он же простой русский парень, должен понять мои глубинные чувства. И что же? Угостил, сделал выгодное предложение. А он, сволочь неблагодарная, смеет утверждать, что он, видите ли, выше меня. Он, оказывается, принц света, а я, значит, дерьмо на палочке. Ну не скотина ли? — Он повернул голову. — Гордеев, как ты думаешь: скотина он или не скотина?

Танич машинально посмотрел на спящего; Гордеев молчал, не в силах пошевелить ослабшими от беспробудного сна губами.

— Дрыхнет, — грустно подтвердил Молния. — Друг, называется. Вот и заводи после этого друзей.

— Кто ты? — прохрипел Танич.

Молния моргнул:

— Что?

— Кто... ты?

Молния улыбнулся и не ответил.

Страх сковал движения. Танич попробовал поднять бутылку, чтоб сделать глоток, и уронил. Бутылка покатила по краю стола, водка полилась на бетонный пол. Танич не понимал, что с ним творится. Он боялся посмотреть в сторону Молнии. Он никогда раньше так не боялся. Он не боялся даже смерти, потому что не видел особенной разницы между бытием и небытием; но то существо, которое смеялось и паясничало с ним за одним столом, испугало его до чертиков. Вставая, он задел стол и едва не опрокинул его. Сделал шаг в сторону, к слабому свету улицы. Ему казалось, что подошвы ботинок липнут к полу, как будто кто-то разлил здесь клей. Танич весь вспотел от напряжения. Существо хихикнуло. Сейчас оно пойдет за мной, подумал Танич, холодея, господи, эта тварь пойдет за мной. Он попытался расстегнуть пуговицы на куртке, чтоб достать нож, но не смог: руки дрожали. Он закрыл глаза и прошептал: я должен, должен, должен идти. Он собрался с силами и швырнул окостеневшее тело вперед. Из его глотки вырвался сиплый вскрик: он все-таки выбрался из склада. Сразу потеплело. Голос Молнии подгонял его. Ноги тонули в слякоти. Распахнутые ворота чернели далеко впереди. Это болото, подумал Танич, вот что это такое. Ему показалось, что он слышит, как истошно квакают лягушки.

Первого своего ребенка он убил в похожем месте. Мальчика звали Егорка. Он был дебил. Ходил по двору и бубнил злым голосом матерные куплеты, а дети кидали в него грязь. Взрослые ругали детей, объясняя им, что несчастный мальчик болен. На какое-то время издевательства прекращались, а потом мальчик снова возвращался домой по уши в грязи. Одинокая женщина, которая была матерью Егорки, мыла его в тазике у открытого окна и причитала: господи, за что мне такое наказание?! Мыльная пена стекала по толстым рукам, по безобразному лицу струились слезы. Танич встретил мальчика на обочине шоссе за городом. Время было позднее. Танич прогуливался вдоль канавы, полной отцветшей воды. Он разведывал местность, размышляя о своем первом преступлении. В голове вырисовывался план, как заманить в лесополосу будущую жертву. Тут из темноты вышел Егорка. Танич обмер. Егорка подошел к нему и застыл на месте.

— Ты что тут делаешь? — запинаясь, спросил Танич.

Егорка не ответил. Из искривленного рта дебила сочилась слюна. Он был очень грязный. Танич осмотрелся: никого. Пойдем, сказал он и взял мальчика за руку. Тут рядом есть болото. Там красиво. Всё такое зеленое. И лягушки квакают. Ты любишь лягушек? Егорка молчал. Я вот не люблю, признался Танич. Мерзкие они какие-то. Лицо Егорки, обычно изуродованное тупой злобой, разгладилось. Он покрепче схватил Танича за руку и потерся о нее щекой. Танича окатило жаркой волной жалости и стыда. Он хотел отпустить Егорку и сбежать, но пересилил себя и довел дело до конца. Тогда ему

показалось, что он видит на краю болота тень черной твари, высокой, как колесо обозрения. И сейчас ему кажется нечто подобное. Он повернулся. Возле склада замерла та самая тварь. Голова существа запуталась в звездах; дыханием ее был свист ветра в водосточных трубах; звук шагов напоминал шуршание шин по асфальту; пальцы — как заводские трубы; глаза — гигантские окна с зажженными ночниками, чтоб дети, которые живут за этими дьявольскими окнами, не боялись вечной темноты. Танич втянул голову в плечи. Хотелось стать как можно ниже, чтоб тварь не заметила его. Он кинулся к воротам. Мелькнула мысль угнать машину, которая стоит во дворе, но он отогнал ее: останавливаться нельзя. Болото кончилось. Он бежал по пустой улице. Стук каблуков сливался с хохотом существа. «Куда ты, мой маленький? — смеялась тварь. — Помнишь, как мама тебе говорила: не бегай по улицам, у тебя слишком короткие ножки, споткнешься и упадешь, поранишь коленки. Ну куда ты спешишь, радость моя, неужели не понимаешь, что, куда бы ты не побежал, я всегда буду рядом. Когда-то я был одинок, но теперь у меня есть ты, есть все вы, мои маленькие озорники со сбитыми в кровь коленками. Ну же, остановись, дай память твои пухлые щечки, малыш». Я спятил, повторял про себя Танич, спятил, спятил, спятил. Он нырнул в подземный переход, оттолкнул кого-то, сбил с ног музыканта, который играл на гитаре «Jingle bells», взлетел по ступенькам, не обращая внимания на ругательства, затухающие за спиной; побежал дальше, дальше, еще дальше. Через темные дворы, мимо каменных зданий, по зыбкому

мосту над смолистой рекой. Он бежал быстро, аж пятки сверкали, а огни витрин и раны дорог летели ему навстречу. Танич подумал, что сможет бежать долго и вскоре оббежит всю Землю, вернется на это самое место, и кошмар прекратится — не зря же он отважно преодолевал огромные расстояния. Но он споткнулся о выпирающий из асфальта камень и упал в канаву. Грязь залепила ему лицо. Он встал на колени и ладонью оттер грязь. В холодном лунном свете расстилалось поле мертвой травы. Он повернул голову и увидел серую полосу шоссе. На другой стороне дороги застыла тварь. Она покачивалась, как будто на ветру. Трясущейся рукой Танич расстегнул куртку и дернул нож за рукоятку. Нож не сдвинулся с места. Холодное оружие держалось на трех полосках ткани, которые Танич пришил к изнанке куртки. Похоже, одна из полосок мешала. Тварь подняла ногу. Танич снова дернул нож: безуспешно. Тварь открыла рот, похожий на дыру в пространстве, и Танич услышал успокаивающие звуки телевизионных помех. Как приятно слушать помехи, подумал он, просто звук, над которым не надо думать. Он вспомнил, что нож следует немного наклонить вправо, и легко вытащил его. Тварь перешагнула дорогу. Танич закрыл глаза, повторяя: никакой черной твари нет, это Молния, мужик с розовой мордой, как у свиньи, никакой твари нет. Когда он открыл глаза, перед ним стоял Молния. Он озирался. Лицо его было испуганным. Так тебе и надо, злорадно подумал Танич. Молния посмотрел на Танича и двинулся к нему:

— Послушайте, вы...

Танич ударил его ножом в живот.

Лицо Молнии скривилось от боли и изумления.

— Я... — Слова вылезали из глотки с огромным трудом, как металлические болванки. — Как... — пробормотал он. — Для чего же... — Он продолжал идти, вытянув руки вперед.

Танич толкнул его: Молния упал на спину. Он дергался всем телом и хватал руками воздух, как будто пытался удержаться от падения в пропасть. Его вырвало полупереваренной пищей.

— Так тебе! — закричал Танич вне себя от радости. — Так тебе, гнида!

Он пнул умирающего в коленную чашечку. «Но разве тварь легко убить? — мелькнуло у него в голове. — Она притворяется. Точно притворяется. Надо поскорее уходить». Он бросил последний взгляд на Молнию и побежал в сторону городских огней. «Так, — подумал он на бегу, — постой». Он остановился. Бежать незачем: он поймает попутку на другой стороне шоссе. На ней и вернется в город. Так получится гораздо быстрее. Танич ступил на дорогу. Он ничего не видел и не слышал, кроме телевизионных помех, которые до сих пор звучали в его голове. Как раз в это время от любовницы возвращался молодой человек по имени Саша в своем черном «вольво». Сегодня он поссорился с любовницей. Более того: он разочаровался в ней. Он понял, что Анжелочке от него нужны только деньги и подарки. От разочарования у него сильно заболела голова, и он проглотил две таблетки парацетамола. Саша перешел с ибупрофена на парацетамол неделю назад, потому что ибупрофен перестал ему помогать. Ведя машину, он размышлял, какие женщины все-таки суки. Кроме его жены, конечно.

У него послушная жена. Терпеливо ждет его дома. Страшная догадка посетила Сашу: что, если она такая же сука, как все. Может, пока его нет дома, к ней приходит любовник. Они спят в его постели и глумятся над ним. Саша представил, как ее любовник, смеясь, спрашивает: и че, у него правда такой маленький? И жена с хохотом отвечает: крохотный! Вот такусенький! Ха-ха, смеется любовник, вот урод. Саша вспомнил, что жена в последнее время подозрительно часто меняет простыни на кровати; этот факт укрепил его подозрения. Боже, подумал он, ты вкалываешь в поте лица, света белого не видишь, а эти сучки... У него еще сильнее заболела голова. Он потянулся к бардачку за упаковкой парацетамола. Таблетки выпали из нетвердой руки.

— С-сука, — сказал Саша и наклонился за упавшим лекарством.

Он не увидел Танича, а Танич не услышал шума приближающейся машины. Удар был такой силы, что его подбросило в воздух. Воздух был холодный и плотный, как горная река, текущая в вечность. Танича протянуло лицом по шершавому асфальту, и он снова стал маленьким. Он сидел на земле в окружении чужих могил с распухшей ногой и смотрел на тварь, которая пряталась среди деревьев. Тварь была огромная. От нее пахло тюльпанами и могильной землей, руки ее изгибались как щупальца, а глаза светились, делая мир вокруг странно контрастным. Мама, вернись, робко позвал Танич. Тварь засмеялась. Танич разревелся, потому что ему стало обидно. Пошел снег. Время остановилось.

Глава девятая

Проснувшись в первый раз, Гордеев увидел белый потолок. Кроме потолка он ничего не увидел, как ни старался повернуть тяжелую голову. Ему захотелось спать, и он закрыл глаза. Проснувшись во второй раз, он увидел лицо медсестры. Она улыбалась ему ярко-красными губами. Кончик ее носа тоже был красный. Как клоун, подумал Гордеев. Привет, сказал он. Привет, сказала медсестра, как мы себя чувствуем? Отвратительно, сказал Гордеев. Медсестра улыбнулась. Они немного поговорили. Гордеев спросил, какое сегодня число. Тридцать первое декабря, сказала медсестра. Почти неделя выпала из памяти, подумал Гордеев. Медсестра велела ему лечь на живот и спустить штаны. Он послушно перевернулся. Ну вот, всё в порядке, сказала медсестра. Есть какие-нибудь пожелания? Нет, сказал Гордеев, подтягивая штаны и переворачиваясь на спину. После обеда к вам придет гость, сказала медсестра. Отлично, сказал Гордеев. Он увидел на тумбочке апельсины в сетке и пачку яблочного сока. Значит, кто-то уже приходил, подумал он. Под потолком работал маленький телевизор в обрамлении вырезанных из бумаги снежинок. Передавали новости. Гордеев попытался разобрать слова ведущего. Пospите, если хотите, сказала медсестра, я выключу телевизор. Он послушно закрыл глаза.

Когда он открыл глаза, за окном начинало темнеть. На стуле перед кроватью сидел Пал Иванович в больничном халате. На постаревшем лице лежали тени. Морщинистые руки комкали полу халата. Он не сразу заметил, что Гордеев открыл глаза.

А когда заметил, застыл на миг и жалобно улыбнулся. Здравствуй, отец, сказал Гордеев. Здравствуй, сын, сказал Пал Иваныч, с возвращением тебя. По дряблым щекам текли слезы. Ты совсем на себя не похож, заметил Гордеев. Что-то я совсем расклеился, виновато засмеялся Пал Иваныч.

— Что со мной случилось? — спросил Гордеев, приподнимаясь на локтях.

— Ничего серьезного, — объяснил Пал Иваныч, — но ты проспал несколько дней, и мы волновались.

Гордеев нахмурился, пытаюсь вспомнить.

— Меня нашли на складе?

Пал Иваныч кивнул.

— А Молния?

— Кошевой исчез. Этого больного уroda объявили в розыск.

Гордеев вспомнил спуск по лестнице и комнату с огоньком; он спал уже тогда? Когда именно он уснул? Он напрягся, пытаюсь выстроить цепочку событий. Цепочка послушно выстроилась. Он искал разрыв в цепочке и не находил его.

— Как меня нашли? — спросил он.

— Давай поговорим об этом позже, — предложил Пал Иваныч. — Ты еще слишком слаб.

— Как меня нашли? — повторил Гордеев.

Пал Иваныч вздохнул.

— Был анонимный звонок в полицию. — В его голосе прозвучало недовольство.

Наверно, знает, что звонила Оля, подумал Гордеев, и уже выяснил, что она — стриптизерша. Небось, решил, что у меня с ней связь. Представляю, как он злится. Надо обронить при случае, что я собираюсь жениться на проститутке. Его хватит удар.

Гордеев вспомнил о Зине; он так и не нашел ее. Наверно, сбежала с Мишенькой в другой город. Или за границу. Плевать, подумал Гордеев. Он опустил голову на подушку. Его охватила апатия. Несколько месяцев жизни потрачено впустую. Молния сбежал. Сможет ли он долго скрываться? Какая, к черту, разница. Я пес, подумал Гордеев и зевнул: усталый сонный пес.

— Что насчет «газели»? — спросил он.

— Никуда не делась. — Пал Иваныч кивнул. — Она стояла там же, на складе. Кроме того, нашли еще три трупа. Две девочки и мужчина сорока лет. Бывший водитель автобуса. Зовут Семен... фамилию не помню. Он лежал в одном из помещений склада. Повезло, что мы смогли установить его личность. То, что от него осталось, сложно назвать телом. Груда мяса. Его порубили на куски.

— Спасибо за приятные подробности, отец, — сказал Гордеев.

— Ты сам хотел знать, что случилось. — Пал Иваныч пожал плечами.

Гордеев промолчал. Его лицо застыло. Пал Иваныч испугался, что сын велит ему уходить, и выудил из-под кровати пакет.

— Смотри, я кое-что принес. Сок, фрукты, сыр. Твой любимый, французский с плесенью, как его...

— Рокфор.

Пал Иваныч закивал:

— Да-да, рокфор. А еще шампанское. «Цимлянское». Наш продукт, российский. Доктор сказал, что тебе пока нельзя шампанского, но я настоял на своем. Эти костоправы ничего не понимают. Какой Новый год без шампанского? А он всё повторяет:

«Нельзя, нельзя...» Достал он меня. Видно же, что на- зло, падла. Чуть не врезал ему в табло. Вздумал меня жизни учить, сопляк. Твари они все. Ладно, господь с ним. Ну что, откроем? Я захватил два бокала. До полуночи я тут сидеть, конечно, не смогу. Но хотя бы проводим старый год. По-семейному. А?

Гордеев без всякого выражения смотрел на отца. Пал Иваныч поставил бокалы на тумбочку. Взял бутылку, сорвал фольгу и ослабил мюзле, придерживая пробку рукой; раздался хлопок, и пробка очутилась в руке Пал Иваныча. Над горлышком вился парок. Пал Иваныч наполнил бокалы до краев и немного подождал. Гордеев не сдвинулся с места. Тогда Пал Иваныч сам протянул ему бокал. Гордеев посмотрел на отца удивленно, но бокал взял. Задумчиво повертел в руке, поднес ко рту. Пузырьки щекотали нос. Гордеев смочил шампанским сухие губы. Его занимал один вопрос: когда именно он уснул. В те полчаса, когда они с Кошевым ехали в машине? Когда только приехали на склад? Или позже, в помещениях склада? Потерял ли он сознание, когда упал, спускаясь по лестнице? Гордеев зажмурился. Нелепая мысль пришла ему в голову: может, он уснул в тот момент, когда выстрелил в голову умирающей собаке? Он не был уверен. Пал Иваныч робко позвал: сынок, что с тобой? Гордеев открыл глаза. Может, я сплю до сих пор, подумал он, может, я никогда не просыпался. Какая ирония, подумал он и засмеялся. Еще кое-что, засуетился Пал Иваныч. Он вынул из пакета бумажный сверток. С надеждой посмотрел на сына; Гордеев глядел на сверток без интереса. Пал Иваныч бережно развернул сверток. Внутри находилась чашка. Гордеев

издал странный звук, словно подавился. Ее нашли рядом с тобой, сказал Пал Иваныч. Она разбилась, но я собрал осколки, все до единого, и склеил их. Знаю, звучит по-дурацки, но... Он замялся. Гордеев отставил бокал, протянул дрожащую руку и осторожно взял чашку из рук отца. Поднес ее к глазам, разглядывая тонкие линии трещин. Как шрамы, подумал он.

— Не думаю, что из нее теперь можно пить, — тихо сказал Пал Иваныч. — Но мне показалось, что ты дорожишь ею и... знаю, это идиотизм, совсем на старости лет впал в маразм... но я... ну подумал, что она имеет для тебя какое-то значение... и я... — Он замолчал.

Гордеев хотел обнять отца, и Пал Иваныч тоже хотел, чтоб сын обнял его, но никто никого так и не обнял.

Глава десятая

Прошло какое-то время.

Меньшов и Чуркин до сих пор мертвы. Их тела похоронены на одном и том же кладбище, но в разных его частях. Меньшов похоронен в западной части кладбища, на краю березовой рощи, а Чуркин в восточной, у древнего кургана, разграбленного еще в середине девятнадцатого века. Лучи восходящего солнца падают сначала на могилу Чуркина, а потом на могилу Меньшова. Что касается захода, то возле могилы Меньшова еще какое-то время держится полоса красного света, а около могилы Чуркина уже темно хоть глаз выколи. Родители

Меньшова собирались поставить памятник на могилу сына, но не поставили; они всё время откладывали это дело, а потом забыли о нем. Летом они отдыхали в Гаграх. Отцу Меньшова там понравилось. Он каждый вечер пил чачу под высоким платаном. Матери Меньшова, наоборот, не понравилось. Она сказала, что Гагра заблудилась в совковых временах. Позже она оставила в своем блоге отзыв о Гагре, а заодно и о поведении местных жителей, что вызвало бурю эмоций в русскоязычном сегменте блогосферы. С отца Чуркина сняли все обвинения. Он снова колесит по стране в поисках чего-то. Иногда ему кажется, что ничего важного в его жизни уже не произойдет. Ночует он на вокзалах или в маленьких вагончиках, пахнущих водкой, потом и лапшой быстрого приготовления; в свободное время думает о сыне, но не особенно переживает из-за его смерти, потому что не помнит его лица. Что касается серебряного портсигара, то Ивану Егорычу его не вернули. Где сейчас драгоценная реликвия, неизвестно.

Кошевого так и не нашли. Он до сих пор в розыске. Что касается Танича, то его тело нашли в тот же день и через два дня опознали. Какое-то время труп оставался в морге, а потом его сожгли. Предприниматель Саша, который сбил Танича, скрылся с места ДТП. Ему удалось избежать ответственности. Он до сих пор бьет жену, а по утрам пьет текилу с лимоном. В последнее время Саша увлекся коллекционированием монет. В июле его жена родила девочку. Вес три с половиной килограмма, рост пятьдесят три сантиметра. Саша, который мечтал, чтоб родился мальчик, разозлился на жену

и несколько дней с ней не разговаривал. Ему часто снятся кошмары о том, как он едет на машине из одной точки в другую. Ночное шоссе дышит холодом. Он видит на дороге голосующего человека, но вместо того, чтоб затормозить, жмет на газ. Машина сбивает человека, и человек от сильного удара улетает прямо в небо, где его пожирает черное существо, у которого вместо глаз звезды. Затем черное существо наклоняется, чтоб съесть Сашу, и он просыпается, вопя от ужаса. После таких снов у Саши зверски болит голова. Чтоб избавиться от головной боли, он пьет анальгин, потому что ибупрофен и парацетамол ему больше не помогают.

Про счастливое спасение Ани Кабановой написали в областной газете и рассказали по радио; к счастью, самые ужасные подробности опустили. Аню выписали из больницы, и она вернулась к родителям. Живут Кабановы в своем доме на окраине города. Анин папа строит во дворе беседку. Ему до сих пор не верится, что Аня вернулась. Он уверен, что сошел с ума и живет в мире собственных фантазий. Тем не менее он счастлив. Анина мама печет на заказ торты. Она всё еще седая. По вечерам они всей семьей гуляют в парке или, если погода ненастная, устраивают в гостиной веселые посиделки. В школе Ане сказали, что у нее талант: возможно, в будущем она станет художником или дизайнером. Аня нарисовала картину, которую отправили на выставку детских рисунков. На картине мужчина и женщина, обнявшись, дремлют на стульях возле постели больной девочки. Такими она увидела папу и маму в больнице, когда проснулась после долгого сна. Мало кто на выставке поверил, что картину

в самом деле писала второклассница. Ее даже хотели снять с конкурса, но не сняли, хотя на всякий случай не дали призового места. Иногда Ане снится, что ее заперли в маленькой темной комнате. Она ждет, что за ней придут, но никто не приходит. Потом за дверью раздаются осторожные шаги. Дверь приоткрывается, и полоса желтого света ложится на грязный пол. Чья-то тень заслоняет свет, и Аня просыпается.

Гордеев женился на стриптизерше Оле. Вместе с ней и ее сыном они уехали в деревню, чтоб жить на природе и работать в поле. Ничего этого делать они не умели, а учиться не захотели и через три месяца развелись. Оля с сыном вернулась в южную столицу: ее дальнейшая судьба неизвестна. Гордеев переехал в маленький город, где почти все всех знают. Он устроился в школу учителем биологии. Ученики полюбили Гордеева, потому что большую часть урока вместо того, чтоб рассказывать, как устроена флора и фауна, он говорит о жутких преступлениях и блестящих расследованиях, в которых ему довелось поучаствовать. Никто ему не верит, но его всё равно любят. Больше других странного учителя полюбила ученица шестого «Б» Диана Макарова. Она хотела написать Гордееву любовное письмо, просидела целый вечер над вырванным из тетрадки листком в клеточку, но так ни слова и не написала. Живет Гордеев в маленькой однокомнатной квартире, окна которой выходят на песчаный карьер. Он не читает газет, не смотрит телевизор и не сидит в Интернете. У него есть маленький аквариум, рыбки в котором время от временидохнут, потому что Гордеев забывает их покормить. Он

спускает умерших рыбок в унитаз и покупает в зоомагазине новых. Этажом ниже Гордеева живет женщина, которая по вторникам и четвергам выходит на балкон, чтоб позвонить отцу. Она разговаривает так громко, что Гордеев слышит каждое ее слово. Обычно она учит престарелого отца жизни. Однажды в середине октября она вышла на балкон с телефоном, но жизни никого не учила, а вместо этого плакала в трубку. Больше Гордеев не слышал, чтоб она разговаривала с отцом. В антикварном буфете у Гордеева за стеклянной дверцей стоит чашка. Гордеев никогда из нее не пьет, но любит разглядывать. В конце ноября ему в первый и в последний раз позвонила Надя. Они болтали о разных пустяках. Среди прочего Надя рассказала об одном знакомом фотографе по имени Рома. Выставка «Бритый лобок и Знамение» принесла тому широкую известность в узких кругах города С.-Петербурга. Они посмеялись. В конце беседы Надя призналась, что выходит замуж. Гордеев хотел спросить за кого, но не спросил. Надя сама рассказала: за молодого преподавателя, в жизни которого есть какая-то страшная тайна.

— Надя, а как же отец? — тихо спросил Гордеев.

— Он опять против, — весело ответила Надя. — Говорит: «Ты же ребенок, ты до сих пор еще сущий ребенок».

Гордееву в Надиной напускной веселости почудилась обреченность. Однако он ей ничего не сказал, только пожелал счастья и повесил трубку. Больше они никогда не виделись и не разговаривали. Ночи Гордеев проводит на раскладушке, купленной им в гипермаркете во время распродажи.

Он редко спит. У него не получается уловить миг, когда он засыпает и когда просыпается. Временами ему кажется, что он до сих пор лежит на холодных ступенях, ведущих в подвал, или сидит в машине, за рулем которой находится испуганный человек, которого он почему-то принял за убийцу. Сейчас он проснется и всё повторится: большое темное помещение, мерцающий огонек, которого не достичь, и фарфоровые осколки, торчащие из жидкой грязи.

Программиста Щеглова повысили до начальника подразделения. Он потолстел, набрался солидности. Речь его изменилась, стала неторопливой; он словно узнал цену своему слову и не спешит делиться им с окружающими. Домой возвращается поздно: ему некогда разговаривать с женой и возиться с подрастающей дочерью, которую он давно уж не зовет Помнушкой. После повышения большую часть времени Щеглов проводит в кабинете за письменным столом. Иногда ему приносят бумаги: он их бегло просматривает. Там одинаковые черные цифры и черные буквы. Они никогда не меняются, только прыгают с места на место. Щеглов ставит необходимую подпись, скрепляет печатью, которую хранит в специальном пластиковом футляре, и отдает бумаги девушке по имени Лизонька. Лизонька уносит документы вниз. Она веселая девушка: часто шутит и трещит по телефону без умолку. Щеглов, в семье у которого не ладится, завидует Лизоньке; наверно, у нее дома всё хорошо, раз она такая веселая. На самом деле Лизоньке живется плохо. У нее есть муж, который не любит разговаривать, и дочь, которая пошла в отца и свободное время проводит за ноутбуком, обновляя статус «ВКонтакте». Лизонька

отводит душу на работе, где ее хотя бы иногда слушают. В целом она счастлива.

Что касается черной твари, высокой, как колесо обозрения, то я часто ее вижу. Она говорит мне, что всё хорошо. Что спешить некуда. Что можно вздремнуть часок-другой. Она говорит, что любит меня и что я единственный в своем роде, а во всех моих неудачах винит кого-то другого. Она берет меня за плечо, подводит к кому-нибудь и говорит: это твой злейший враг. И я вижу, что это действительно мой враг, и ненавижу его. Ей нравится стоять у меня за плечом; в ее сильном дыхании мне чудится запах свежей могилы и разложения. Вечерами я вижу ее за окном. Она стоит, возвышаясь над крышами домов, и ее голова теряется в звездах. Она шепчет мне что-то своим ласковым голосом. Я не могу разобрать слов, но, наверное, это колыбельная, потому что мне хочется спать, мне так сильно хочется спать, господи, как же мне хочется спать.

Ростов-на-Дону, Ялта, 2012

Данихнов Владимир Борисович (род. 1981), уроженец г. Новочеркаска Ростовской области. Окончил Южно-Российский государственный технический университет. Женат. Автор текстов, опубликованных в журналах «Полдень ХХII век», «Дарьял», «Если», «Реальность фантастики», «Порог», «Новый мир» и других, в сборниках рассказов издательств АСТ, Эксмо и Снежный Ком. Автор романов «Чужое», «Братья наши меньшие», «Девочка и мертвецы» и «Колыбельная».

Поощрительная премия лучшему молодому фантасту от России на Евроконе-2008. Премия «Серебряный Кадуцей» за роман «Девочка и мертвецы». Дважды финалист премии «Дебют» (романы «Чужое» и «Девочка и мертвецы»). Лонг-лист премии «Большая книга» с романом «Чужое».

www.danihnov.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МЕНЬШОВ

5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧУРКИН

128

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ МОЛНИЯ

241

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Данихнов Владимир Борисович

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Роман

Оформление обложки — *Эрик Брегис*

Корректор — *Наталья Воробьёва*

Компьютерная вёрстка — *Эрик Брегис*

Издательство «Книма».

ИП Бреге Е.В. ОГРНИП 314505002700051

www.knima.info red@knima.info

Подписано в печать 09.04.2014. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,80. Тираж 2000 экз. Заказ 1246.

ООО «Издательство АСТ».

129085, г. Москва, Звездный бульвар,

д. 21, стр. 3, комн. 5

Издано при участии ООО «Харвест».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.

Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42,

220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Е-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 2/102 от 01.04.2014 г.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.